8-10 апреля 2026 ▸ Санкт-Петербург

X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ТРУДА

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ: ЭТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург–Ташкент, 2026

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИЦ «НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ УЗБЕКИСТАНА» ПРИ ТАШКЕНТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Стратегические подходы к цифровизации образования в университетах: этические и социальные аспекты подготовки выпускников к профессиональной деятельности

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА ТРУДА

(8-10 апреля 2026 года г. Санкт-Петербург)

Санкт-Петербург – Ташкент, 2026

УДК 378:004:17
ББК 74.48 + 32.973 + 87.75
С83

Стратегические подходы к цифровизации образования в университетах: этические и социальные аспекты подготовки выпускников к профессиональной деятельности / под общей редакцией проф. Н.Г. Скворцова и проф. С.К. Худайкулова: Сборник научных трудов. – СПб.: Медиапапир; Ташкент, 2026. – 134 с.

Данный сборник научных трудов выполнена в рамках прикладного проекта AL-9224094160 «Формирование стратегии устойчивого экономического роста регионов Республики Узбекистан в условиях развития интеграционных процессов».

В работе рассмотрены вопросы повышение роли компетенций, профессионализма и способностей к творчеству как важнейшей характеристики развития человеческого капитала, необходимого для модернизации и цифрового развития экономики страны. Отдельное внимание уделено проблемам повышение качества подготовки специалистов на основе использования в учебном процессе современных цифровых технологий и применение активных методов обучения, повышение творческой и интеллектуальной составляющих учебной деятельности; интеграция различных видов образовательной деятельности (учебной, исследовательской и т.д.) с адаптацией информационных технологий обучения к индивидуальным особенностям обучаемого; разработка новых цифровых технологий обучения, способствующих активизации познавательной деятельности обучаемого и повышению мотивации на освоение средств и методов информатики для эффективного применения в профессиональной деятельности, а также новые подходы и лучшие международные практики по развитию цифровых технологий в образовательной сфере.

Сборник научных трудов предназначена для бакалавров и магистров, стажёров-исследователей, преподавателей экономических вузов, специалистов, а также тех, кто интересуется вопросами развития образовательной сферы.

Сборник научных трудов рекомендована к печати решением Ученого совета Научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» от 01.05.2026 г. протокол № 4/3

Рецензенты: д.с.н., проф. Лебединцева Л. А.
Санкт-Петербургский государственный университет,

DSc., доц. Турсунов Ш. А.
Ташкентский государственный экономический университет

© Санкт-Петербургский государственный университет и
НИЦ «Научные основы и проблемы развития экономики
Узбекистана» при ТГЭУ, 2026
© Медиапапир, 2026

ISBN 978-5-00110-653-1
DOI: 10.52565/978500110653-1

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей мировой тенденцией современного образования является его интеграция и информатизация, ведущая к сближению стран, созданию условий для формирования единого мирового образовательного пространства. Адаптация опыта развитых стран по развитию непрерывной и многоуровневой системы образования, требует перехода на новые методы и инновационные технологии в образовательной системе республики. Тенденции развития мировой экономики, связанные с использованием цифровых технологий, позволяют сделать вывод, что в обществе и экономике формируется информационное общества, основу которой составляют производство и потребление различных информационных ресурсов. Опыт развитых стран показывает, что развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий непосредственно влияют не только на рост конкурентоспособности национальных экономик, но и играют решающую роль в формировании эффективного сектора исследований и образования.

Образование в любом развитом обществе выступает в качестве ведущего социального института, решающего целый комплекс важнейших задач, связанных с эффективной передачей новым поколениям граждан ценностей и опыта, накопленных предыдущими поколениями, в качестве основы дальнейшего развития. Этим обусловлена сложная и многоуровневая структура современных образовательных систем. В этих системах выделяются отдельные блоки, выполняющие специфические задачи в интересах крупных социальных групп со своими целями, условиями и механизмами их достижения. Современная система подготовки кадров и система повышения квалификации призвана обеспечивать рост человеческого капитала, необходимого для модернизации и технологического развития экономики страны.

В условиях рыночной экономики инновации, отражающие процессы получения, накопления и использования новых знаний и новой информации, являются самым главным источником экономического лидерства и основой конкурентоспособности страны в глобальной экономике. Для перехода на качественно новый уровень реализации целевых ориентиров в области подготовки высококвалифицированных специалистов необходимо аккумулировать, обрабатывать и хранить большие объемы информации формируемых из различных источников.

Содержание

Автор	Название статьи	Стр.
Адилова М.Т.	Роль высшего образования в формировании компетенций устойчивого развития у студентов экономических направлений	8
Акбаралиева С.У.	Роль цифровизации высшего образования в формировании человеческого капитала и инвестиционного потенциала регионов	10
Алексеев А.М.	Актуальность исследования стихийных групп стендапа	12
Алимухамедов Б.Б.	Регуляторные препятствия в Узбекистане для привлечения квалифицированных трудовых мигрантов в Россию	14
Аскарова М.И.	Оценка влияния развития инфраструктуры физической культуры и спорта в Узбекистане на демографические процессы	18
Ахмедиева А.Т.	Дистанционные образовательные технологии в Узбекистане	23
Базаров Ф.О.	Роль фискального контроля и управления налоговыми рисками в обеспечении устойчивости бюджетной системы	27
Бакулин А.В., Дерюгин П.П.	Занятость, ремесло и профессия в социологической перспективе: к проблеме соотношения понятий	30
Бахриддинова М.А., Оманова К.Б.	Искусственный интеллект и инновационные подходы в совершенствовании механизмов интеграции кадров, вернувшихся из внешней миграции, на рынок труда	33
Бахриддинова М.А.	Роль брачного договора в обеспечении стабильности семьи: на примере Узбекистана	36
Вахабова Д.Х.	Роль цифровизации высшего образования в формировании цифровых компетенций населения	40
Вэй Л.	Платформенная среда и женское предпринимательство в крупном городе	42
Денисова Э.М., Деминская О.Н.	Цифровое социальное доверие: роль модерации и верификации	45
Дерюгин П.П., Кузнецова О.В., Алексеева О.М., Юй Я.	Социальные реалисты и цифровые авангардисты в обществе дополненной современности	48
Джуманов А.А.	Исследование факторов, влияющих на принятие управленческих решений с использованием социальной аналитики	50
Долгова Т.А.	Социологический анализ трансформации образовательных практик студентов в условиях цифровизации	53
Закирова У.М.	Формирования приоритетов стратегических целей социально-экономического развития региона	54
Исламов Б.А., Талипова Н.Т., Турдибаева М.М.	Основные направления интеграции Узбекистана и Российской Федерации	56
Исматова С.А.	Региональная конкурентоспособность как фактор устойчивого экономического развития	59
Кадыров А.М.	Развития цифровых технологий в системе высшего образования в Узбекистане	61
Киличов У.Р., Саидова С.Ё.	Динамика миграционных процессов в Узбекистане в 2020-2025 гг.: сравнительный анализ и тенденции развития	65

Кузнецова И.Ю., Ярмак О.В.	Мошенничество как социальный феномен в цифровой среде: региональные и поведенческие особенности	68
Лебединцев Д.А.	Социологический анализ туристических практик представителей творческих профессий и ИТ-специалистов	69
Ли М.	Социодинамика занятости молодежи в сфере информационных технологий урбанизированных регионов России и Китая	72
Ли М.	Применение метода расчёта коэффициента локализации в анализе влияния городской иерархии на занятость молодёжи в IT-сфере	74
Мавланова У.Б.	Интеграция университетов и бизнеса в условиях цифровизации образования как фактор повышения занятости выпускников	78
Магомедова А.Т.	Сравнительный анализ профессиональных ценностей студентов-журналистов и студентов-программистов в контексте цифрового неравенства	81
Мамадалиева Х.Х.	Теоретические основы и экономическое содержание воспроизводства населения	82
Мансуров З.М.	Анализ роли свободных экономических зон, промышленных кластеров и малого предпринимательства в региональном развитии	87
Махаматова М.А.	Инновации и человеческий капитал как ключевые драйверы конкурентоспособности региональной экономики	89
Маъмуров Б.Х.	Методологические подходы к стратегическому планированию регионального развития	92
Мухторова М.А., Усмонова З.М.	Анализ воздействия пандемии COVID-19 на инициативы корпоративной устойчивости	94
Надирханов У.С.	Цифровая трансформация как фактор ускоренного развития туризма в Республике Узбекистан	97
Назметдинова И.Ш.	Цифровая трансформация как фактор снижения дифференциации регионального развития	100
Нуманова М.Л.	Роль и значение экономического потенциала в повышении конкурентоспособности регионов	102
Олимхонова Д.А.	Развитие виртуальных образовательных программ в Узбекистане	105
Павлов А.В., Дерюгин П.П.	Регуляторная функция цифрового капитала в системе социальной стратификации: инновационный подход социологической диагностики	107
Сайфиддинов А.Д.	Влияние международной трудовой миграции на демографическую устойчивость Узбекистана	109
Умурзаков Б.Х.	Правовые аспекты процессов трудовой миграции в странах Центральной Азии: сравнительный анализ и опыт Узбекистана	111
Фазлиддинова З.А.	Оценка демографического дивиденда в территориальном разрезе и анализ его влияния на экономический рост	114
Фокин И.В.	Особенности формирования доверия в инновационных компаниях	118
Хайитова Ф.Б.	В развитии национальной экономики важную роль играют международные связи	119

Чупраков А.А.	Ценностные ориентации молодых предпринимателей в цифровой среде: анализ терминальных установок в сфере IT-предпринимательства	122
Элдорбеков Г.И.	Формирование цифровых компетенций у студентов экономических направлений в интересах промышленного развития	124
Эсселевич Э.А., Дерюгин П.П.	Социологическое исследование алгоритмического неравенства: научная новизна	126
Юй Ян, Юй А.Н.	Пилотажное исследование образовательной мобильности китайских студентов: опыт анализа эмпирической траектории	128
Ярашова В.К.	Совершенствование системы повышения квалификации кадров на предприятиях Узбекистана	130

Роль высшего образования в формировании компетенций устойчивого развития у студентов экономических направлений

Адилова М.Т.
Ташкентский государственный экономический университет,
доцент кафедры "Зеленая экономика"

В современных условиях устойчивое развитие перестало рассматриваться исключительно как экологическая концепция и всё в большей степени приобретает стратегический, социальный и экономический характер. Если ранее вопросы устойчивого развития в университетской среде затрагивались преимущественно в контексте охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов, то сегодня они воспринимаются значительно шире - как важный фактор обновления содержания образования, методов обучения и подходов к подготовке будущих специалистов. Идеи устойчивого развития постепенно становятся неотъемлемой частью системы высшего образования, оказывая влияние как на организацию учебного процесса, так и на формирование мировоззрения студентов. Особенно заметно это проявляется в подготовке студентов экономических направлений, где понимание принципов устойчивого развития, социальной ответственности и долгосрочной экономической эффективности становится важной частью профессионального образования. Современный студент-экономист уже не может ограничиваться освоением только традиционных экономических знаний, поскольку образовательный процесс всё в большей степени требует понимания взаимосвязи между экономическим ростом, экологической безопасностью и общественным благополучием. В этих условиях меняются требования не только к содержанию образовательных программ, но и к качеству профессиональной подготовки в целом.

Современная концепция устойчивого развития основывается на представлении о необходимости сбалансированного взаимодействия экономических, социальных и экологических факторов. В рамках данной логики экономический рост не должен достигаться за счёт истощения природных ресурсов, ухудшения качества жизни населения и углубления социального неравенства. Напротив, устойчивое развитие предполагает такой тип хозяйственного и общественного прогресса, при котором удовлетворение текущих потребностей общества не подрывает возможности будущих поколений [ООН, 2015]. В этом контексте образование приобретает особую значимость, поскольку именно через него формируются знания, ценности и модели поведения, необходимые для перехода к более устойчивым формам развития. Высшее образование выполняет не только функцию передачи профессиональных знаний, но и функцию формирования интеллектуальных и мировоззренческих основ будущей деятельности выпускников. Для студентов экономических направлений это имеет особое значение, поскольку в дальнейшем именно они будут участвовать в разработке и реализации управленческих решений, инвестиционных стратегий, финансовых механизмов и программ социально-экономического развития. Следовательно, от качества их подготовки зависит не только эффективность отдельных организаций, но и способность экономики в целом адаптироваться к современным вызовам, связанным с экологическими ограничениями, социальными трансформациями и необходимостью долгосрочного планирования [Cortese, 2003].

Формирование компетенций устойчивого развития у студентов экономических направлений предполагает развитие нескольких взаимосвязанных компонентов. Во-первых, речь идёт о содержательном компоненте, включающем понимание сущности устойчивого развития, его принципов, целей и механизмов реализации. Студенты должны осознавать, что экономическая эффективность не является единственным критерием успешности решений, а должна рассматриваться в единстве с экологической безопасностью и социальной справедливостью. Во-вторых, важен аналитический компонент,

предполагающий умение оценивать последствия экономических решений не только в краткосрочном, но и в долгосрочном периоде. В-третьих, существенное значение имеет ценностный компонент, связанный с формированием ответственности, профессиональной этики и готовности учитывать общественные интересы в будущей деятельности [UNESCO, 2017]. В этой связи университеты должны рассматривать устойчивое развитие не как отдельную тему или факультативный элемент, а как важное направление модернизации образовательного процесса. Речь идёт о необходимости интеграции соответствующих идей в учебные планы, содержание дисциплин и методы преподавания. Например, в рамках экономических предметов вопросы устойчивого развития могут быть раскрыты через темы «зелёной» экономики, устойчивого потребления, корпоративной социальной ответственности, экологической эффективности производства, развития циркулярных бизнес-моделей и оценки социальных последствий экономической политики. Такой подход позволяет студентам не просто знакомиться с теорией, но и видеть её практическое значение для современной профессиональной деятельности. Не менее важную роль играют методы обучения. Формирование компетенций устойчивого развития требует отхода от исключительно репродуктивной модели преподавания и перехода к более активным формам образовательной работы. К их числу относятся анализ кейсов, проектное обучение, междисциплинарные задания, обсуждение реальных социально-экономических проблем и моделирование управленческих решений. Подобные методы позволяют развивать у студентов способность видеть сложные взаимосвязи между различными сферами общественной жизни, учитывать интересы разных участников и принимать более взвешенные решения. В результате устойчивое развитие начинает восприниматься не как абстрактная идея, а как практический ориентир профессионального мышления [Wals, 2010].

Особое значение имеет и университетская среда в целом. Формирование компетенций устойчивого развития невозможно ограничить только содержанием отдельных дисциплин, поскольку важную роль играет сама образовательная культура вуза. Если университет стремится внедрять принципы ресурсосбережения, социальной ответственности, инклюзивности и открытого диалога, то студенты получают возможность видеть практическое воплощение изучаемых идей. В таком случае образование становится не только источником знаний, но и пространством формирования соответствующих ценностей и норм поведения [UNESCO, 2020]. Вместе с тем процесс формирования компетенций устойчивого развития сталкивается с рядом трудностей. Одной из них остаётся сохранение традиционного подхода к экономическому образованию, при котором в центре внимания находятся в основном показатели прибыли, роста и краткосрочной эффективности. При таком подходе социальные и экологические аспекты нередко рассматриваются как второстепенные. Другой проблемой является недостаточная междисциплинарность образовательных программ, затрудняющая комплексное понимание современных вызовов. Кроме того, в ряде случаев преподавание устойчивого развития носит формальный характер и не сопровождается достаточной методической и практической проработкой. В этих условиях особое значение приобретает стратегический подход к развитию высшего образования. Университетам необходимо не только обновлять отдельные учебные курсы, но и формировать целостную модель подготовки специалистов, способных мыслить долгосрочно, системно и ответственно. Для студентов экономических направлений это означает развитие умения оценивать эффективность решений не только с точки зрения финансового результата, но и с позиции общественной пользы, экологической устойчивости и качества жизни населения. Подобная подготовка соответствует современным международным ориентирам, в рамках которых образование рассматривается как один из ключевых инструментов достижения устойчивого развития.

В современных условиях университет должен выступать не только как институт профессиональной подготовки, но и как пространство формирования системного мышления, ответственности и готовности учитывать долгосрочные последствия экономических решений. Включение принципов устойчивого развития в содержание

экономического образования позволяет расширить профессиональный кругозор студентов, усилить практическую направленность подготовки и приблизить её к современным требованиям общества и рынка труда. Эффективность данного процесса во многом зависит от того, насколько последовательно идеи устойчивого развития будут интегрированы в учебные программы, методы обучения и университетскую среду в целом. Только при таком подходе можно подготовить выпускников, способных не просто применять экономические знания на практике, но и использовать их с учётом социальных, экологических и этических приоритетов. Именно это делает высшее образование одним из важнейших факторов продвижения устойчивого развития в современном обществе.

Литература:

1. Организация Объединённых Наций. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Нью-Йорк, 2015.
2. UNESCO. *Education for Sustainable Development Goals: Learning Objectives*. Paris: UNESCO, 2017.
3. UNESCO. *Education for Sustainable Development: A Roadmap*. Paris: UNESCO, 2020.
4. Cortese A. D. The Critical Role of Higher Education in Creating a Sustainable Future // *Planning for Higher Education*. 2003. Vol. 31. No. 3. P. 15–22.
5. Wals A. E. J. Between Knowing What Is Right and Knowing That It Is Wrong to Tell Others What Is Right: On Relativism, Uncertainty and Democracy in Environmental and Sustainability Education // *Environmental Education Research*. 2010. Vol. 16. No. 1. P. 143–151.

Роль цифровизации высшего образования в формировании человеческого капитала и инвестиционного потенциала регионов

Акбаралиева С.У.
докторант 1 курса НИЦ
“ Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана” при ТГЭУ
г. Ташкент,Узбекистан

В современных условиях глобальной цифровой трансформации экономики и общества особую актуальность приобретает вопрос модернизации системы высшего образования как ключевого института формирования человеческого капитала. Развитие цифровых технологий, внедрение искусственного интеллекта, больших данных, онлайн-платформ и интеллектуальных образовательных систем существенно изменяют подходы к подготовке кадров, повышая требования к качеству, гибкости и адаптивности образовательного процесса.

Высшее образование в условиях цифровизации выступает не только сферой подготовки квалифицированных специалистов, но и важным стратегическим ресурсом социально-экономического развития регионов.

Именно уровень развития человеческого капитала, сформированного на базе современных образовательных технологий, во многом определяет конкурентоспособность региональной экономики, её способность привлекать инвестиции, внедрять инновации и обеспечивать устойчивый экономический рост.

Цифровизация образовательной среды способствует развитию у обучающихся профессиональных, аналитических и цифровых компетенций, востребованных на современном рынке труда.

Это позволяет формировать высококвалифицированный трудовой потенциал, который рассматривается инвесторами как один из ключевых факторов оценки инвестиционной привлекательности территории.

Наличие в регионе развитой системы цифрового высшего образования создает благоприятные условия для притока внутренних и внешних инвестиций, способствует развитию инновационной инфраструктуры, научно-исследовательской деятельности и

предпринимательской активности.

Теоретические основы исследования роли цифровизации высшего образования в формировании человеческого капитала и инвестиционного потенциала регионов базируются на трудах классиков экономической науки и современных исследователей в области цифровой экономики, образования и регионального развития.

Фундаментальные положения теории человеческого капитала были заложены в работах Т. Шульц, который рассматривал образование как одну из важнейших форм инвестиций, обеспечивающих рост производительности труда и устойчивое социально-экономическое развитие.

Шульц подчеркивал, что вложения в образование, профессиональную подготовку и повышение квалификации способствуют накоплению человеческого капитала и выступают основой экономического роста. [1]

Значительный вклад в развитие данной теории внес Г. Бекер, который обосновал взаимосвязь между инвестициями в образование и повышением доходности человеческого капитала.[2]

В его исследованиях образование рассматривается как долгосрочный инвестиционный ресурс, повышающий конкурентоспособность как отдельных индивидов, так и территорий в целом.

В условиях цифровой трансформации экономики развитие системы высшего образования приобретает стратегическое значение для формирования человеческого капитала и повышения инвестиционной привлекательности регионов.

Проведённый анализ позволяет установить прямую взаимосвязь между уровнем цифровизации вузов, качеством подготовки кадров и инвестиционным потенциалом территории.

Цифровизация высшего образования проявляется через внедрение электронных образовательных платформ, дистанционных технологий обучения, цифровых библиотек, облачных сервисов, систем искусственного интеллекта, аналитических платформ мониторинга успеваемости и автоматизированных систем управления образовательным процессом.

Данные инструменты способствуют повышению качества образовательных услуг и расширению доступа к обучению (таблица1).

Таблица 1

Влияние цифровизации высшего образования на человеческий капитал и инвестиционный потенциал региона[3]

Показатель	Характеристика влияния	Ожидаемый результат для региона
Уровень цифровой инфраструктуры вузов	наличие LMS, онлайн-платформ, цифровых библиотек	повышение качества обучения
Доля студентов, обучающихся с использованием цифровых технологий	уровень цифровой вовлеченности	развитие цифровых компетенций
Уровень цифровых навыков выпускников	владение ИКТ, аналитическими инструментами	повышение конкурентоспособности кадров
Уровень трудоустройства	адаптация к требованиям рынка труда	рост человеческого капитала

[1][T.Schultz,1961]
[2][G.Becker, 1964]
[3] Сделано автором на основе изученных источников

выпускников		
Количество инновационных стартапов при вузах	предпринимательская активность	рост инвестиционной привлекательности
Объем привлеченных инвестиций в регион	реакция бизнеса на качество кадров	усиление инвестиционного потенциала

Результаты исследования свидетельствуют о том, что регионы с высоким уровнем цифровизации университетской среды характеризуются более устойчивыми показателями инвестиционной активности.

Это объясняется тем, что наличие квалифицированных специалистов с современными цифровыми компетенциями является одним из ключевых критериев оценки инвестиционной привлекательности со стороны потенциальных инвесторов.

Особое значение имеет тот факт, что цифровизация высшего образования способствует снижению территориальной дифференциации между регионами.

Использование дистанционных образовательных платформ позволяет обеспечить доступ к качественному обучению даже в менее развитых регионах, что положительно влияет на выравнивание человеческого капитала по территории страны.

Заключение. В условиях цифровой трансформации экономики и общества цифровизация системы высшего образования приобретает стратегическое значение для устойчивого развития регионов.

Проведенное исследование позволило установить, что внедрение цифровых технологий в образовательный процесс способствует повышению качества подготовки специалистов, развитию профессиональных и цифровых компетенций, а также формированию конкурентоспособного человеческого капитала.

В ходе анализа было выявлено, что уровень цифровизации высшего образования оказывает прямое влияние на инвестиционный потенциал регионов.

Наличие развитой цифровой образовательной инфраструктуры, современных онлайн-платформ, интеллектуальных систем управления обучением и цифровых инструментов оценки знаний способствует подготовке квалифицированных кадров, востребованных в условиях инновационной экономики.

Это, в свою очередь, повышает привлекательность региона для внутренних и внешних инвесторов, поскольку человеческий капитал является одним из ключевых факторов оценки инвестиционного климата.

Список использованной литературы:

1. Schultz T.W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. – 1961.
2. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – Chicago: University of Chicago Press, 1964.
3. Giroth L.G.J. et al. Human Capital Investment and Local Development in Digitalization Era // KnE Social Sciences. – 2023.

Актуальность исследования стихийных групп стендапа

Алексеев А.М.
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ)

Стендап – это новое, относительно других, социокультурное явление, развитие которого постепенно ведёт к тому, чтобы этот жанр смог закрепиться в массовом сознании как настоящее искусство. Стоит отметить, что в России стендап появился значительно позже, чем на его родине – США (1950-е года). В России же существование именно стендапа, а не юмористических монологов, которые были распространены со времён в СССР, началось, как принято считать, в 2003 году, когда появлялись одноимённые

вечеринки, которые прроводили бывшие резиденты КВН Арташес Саркисян и Артак Гаспарян[4].

Говоря про юмористические монологи, нельзя не задаться вопросом, в чем их принципиальное отличие от стендапа? Вероятно, наиболее верный ответ – свобода слова (поднятие табуированных тем), формы и творческой мысли, а также большая плотность шуток в стендапе в сравнении с более традиционными для российской публики видами юмористических выступлений.

Из-за новизны явления большинство людей относятся к стендапу как к низкосортному либо кабачному виду развлечений, поскольку слышали или видели примеры только определённой стендап комедии, судя о жанре целиком.

Об актуальности исследования стихийных групп стендапа также говорит интерес к жанру разных слоев населения, в частности молодёжи с особенными характеристиками. Под особенными характеристиками можно понимать как физиологические, так и ментальные аспекты: например согласно исследованию, опубликованному в Британском журнале психиатрии, у комиков зачастую наблюдается более высокий уровень психотических черт личности, чем у человека, не связанного с этой сферой деятельности.[5] Так как стендап-перфоманс является единоличным выступлением, он даёт возможность максимально раскрыться личности человека и его возможностям, сохранив при этом его индивидуальность, а следовательно, сублимировать переживания в творчество или проработать гнетущие чувства благодаря выступлению на сцене и отклику аудитории.

Интерес публики к стендапу в России возрос благодаря «Comedy club» и одноимённой передаче на телеканале «ТНТ», а также благодаря участию стендап комиков в различных шоу юмористического и развлекательного характера. Поддержка народа, оказываемая жанру, обуславливается тем, что стендап удовлетворяет сразу несколько потребностей человека: эмоциональная разгрузка, чувство общности, получение знаний, слом психологических барьеров. Под сломом психологических барьеров подразумеваются размышления на табуированные темы, которых человек мог избегать из-за своих страхов. Эмоциональная разгрузка – это получение позитивных эмоций и избавление от стресса; чувство общности проявляется в узнавании себя в материале комика; получение знаний – информативная составляющая стендапа, размышления на темы, новости, истории, о которых не слышали большинство.

Существование большого количества объединений и сообществ комиков также говорит об актуальности выбранной темы. Есть как крупные организации со стендап клубами, так и малые объединения, преимущественно организующие мероприятия в барах. Существует иерархия внутри каждой организации и внутри всего сообщества в целом. Интересно это также тем, что разные организации притягивают разные слои населения, так как каждая организация имеет своих резидентов, свою политику и видение мира, которое может в корне отличаться от других.

Также интересен феномен стендапа в интернете, поскольку реакция аудитории и сама аудитория отличаются от живой публики. То, что набирает огромные просмотры и отклик в интернете, может абсолютно быть не понятым на живом выступлении, и наоборот. Существует и активно используется, в том числе журналистами, вошедшее в обиход после интервью В. Познера[6] выражение "пробить экран", означающее сохранение атмосферы живого выступления на видео без разницы восприятия. Но при этом, именно интернет даёт максимум для продвижения себя как артиста, поэтому многие комики стремятся адаптировать комедию под видео в интернете. Сейчас большинство комиков собирают аудиторию короткими роликами в интернете, но что особенно интересно - появилась тенденция маскировать свои шутки под обычный неформальный разговор, записанный в

[4] https://ru.ruwiki.ru/wiki/Comedy_Club

[5] https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4a4e2e80-69efbf7d-808025ea74722d776562/https/www.cambridge.org/core/journals/the-british-journal-of-psychiatry

[6] https://news.pressfeed.ru/pozner/

формате видео-кружка в мессенджерах, потому что публику подкупает искренность и связь с народом.

Интерес представляет и негативное отношение к стендапу ощутимой части народа России: многие, в том числе из-за новизны жанра, относятся к стендапу снисходительно или даже брезгливо, поскольку стендап, как уже говорилось, затрагивает табуированные темы, к примеру эротического характера, а также нередко содержит нецензурную и абсцентную лексику. Однако не весь стендап соответствует этому представлению. При том с течением времени количество табуированных тем в России выросло, и затрагивание некоторых из них способно вызывать агрессию у людей или даже вызывать обеспокоенность государственных органов. Однако даже нейтральные шутки могут вызвать негативные эмоции у какой-то части населения из-за того, шутка может показаться им не смешной. Поскольку чувство юмора - одна из самых субъективных человеческих способностей, прения вокруг стендапа не закончатся никогда.

Таким образом, можно прийти к заключению, что ряд явлений, связанных с индустрией стендапа, подтверждает актуальность исследования темы "стихийные группы стендапа".

Регуляторные препятствия в Узбекистане для привлечения квалифицированных трудовых мигрантов в Россию

Алимухамедов Б.Б.
Институт исследований бедности и рынка труда
Министерства занятости и сокращения бедности
Республики Узбекистан

Основными регуляторными препятствиями в Узбекистане для направления трудовых мигрантов в Россию являются следующие.

1. Нелегальная трудовая миграция. Так, из 2 млн. человек, выехавших за рубеж за первое полугодие 2020 года, только 992 тыс. человек выехало с легальным статусом, то есть имеет место незаконная деятельность отдельных юридических и физических лиц по организации нелегальной трудовой миграции.

Зачастую нелегальные мигранты становятся жертвами мошенничества и обмана со стороны агентств по найму и различных посредников по трудоустройству. Их вынуждают платить крупные суммы денег за переезд, легализацию, получение необходимых справок и контракт. После приезда первоначальные контракты могут быть заменены менее выгодными, а сами нелегальные мигранты подвергнуты оскорблениям, жестокому обращению, физическому и сексуальному насилию, дискриминации и произвольной депортации без возврата денег и собственности8. По статистике МВД Республики Узбекистан, в 2020 году наиболее распространенный вид мошенничества был связан с обещаниями отправки за границу на заработки (14%).

2. Стихийное, не организованное трудоустройством граждан за рубежом. О стихийном, неорганизованном характере внешней трудовой миграции можно судить по тому, что значительная часть граждан выезжают за рубеж на работу самостоятельно, не прибегаю к услугам уполномоченных государственных структур. Социологические обследования по вопросам внешней трудовой миграции, проведенные Институтом исследований бедности и рынка труда, показывают, что большинство мигрантов (66,7%) находят работу за рубежом через родственников, друзей и лиц, вернувшихся с трудовой миграции, 26,3% - сами нашли работу и 7% - искали работу другими путями. При этом 41,1% опрошенных считают, что информация о трудоустройстве за рубежом не достаточно», 35,0% - отмечают достаточность информации, 23,6% - считают, что информации почти нет и затрудняются ее получить. Система подготовки и профессиональной ориентации, не учитывала изменения и потребности на рынках труда

принимающих стран. Только 40,1% трудовых мигрантов свободно разговаривали на государственном языке в стране пребывания, 44,7% - понимали и немного разговаривали, 12,7% - немного понимали, но не умели разговаривать, а 2,5% - совсем не владели языком.

До принятия новых нормативно-правовых актов в области внешней трудовой миграции, участие ответственных органов ограничивалось регистрацией выезжающих на заработки, в то время, когда процессы трудовой миграции приобретали стихийный характер. Например, если до 2018 года 4 тыс. граждан было в трудовой миграции по упорядоченной схеме ежегодно, то за последующие 2018-2020 годы охват трудовых мигрантов стал адресным и составил 190,5 тыс. человек, из которых 8,9 тыс. человек обеспечены работой по линии агентства внешней трудовой миграции. Только за 2021 год 108,5 тыс. мигрантов трудоустроены непосредственно агентством, что в 10 раз больше показателя предыдущих годов.

3. Обеспечение занятости лиц, вернувшихся из трудовой миграции. Эта проблема имеет важное значение с точки зрения влияния на внутренний рынок труда. Только в 2020 году из-за пандемии в Узбекистан вернулись 232,2 тыс. трудовых мигрантов. В связи с этим актуально принятие мер по содействию их трудоустройству. В частности, 32,3% мигрантов полагают, что поддержка государством предпринимательства должна быть в виде упрощения получения (льготных) кредитов или поддержки социального предпринимательства, для 26,3% опрошенных это – открытие центров по обучению будущих предпринимателей, а 20,3% считают, что усовершенствование работы госорганов и минимизация бюрократии позволит начать дело на родине.

На вопрос «Какие меры необходимы для того, чтобы мигранты оставались в Узбекистане», 57,6% респондентов выбрали «предложение работы с соответствующей оплатой», 40,5% - «обеспечение трудоустройства по специальности», для 25,7% -это «выделение целевых льготных кредитов для организации бизнеса».

Из-за непринятия на должном уровне мер по обеспечению занятости 46,1% вернувшихся трудовых мигрантов «планирует продолжить трудовую миграцию», 33,6% - «планирует остаться работать в Узбекистане», у 19,5% - «нет конкретного плана (затрудняются ответить».

Вышеизложенные препятствия, проблемы и недостатки в области трудовой миграции из Узбекистана в Россию устраняются и решаются прежде всего на основе законодательных и нормативно-правовых актов, регулирующих сферу внешней трудовой миграции. В этом направлении в 2018-2025 годы:

Приняты: Закон Республики Узбекистан «О частных агентствах занятости» от 16 октября 2018 года; Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по дальнейшему совершенствованию системы внешней трудовой миграции Республики Узбекистан» от 5 июля 2018 года; Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему усилению гарантий защиты граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом и членов их семей» от 20 августа 2019 года; Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по защите прав и законных интересов граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом» от 23 августа 2019 года; Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по внедрению системы безопасной, упорядоченной и легальной трудовой миграции» от 15 сентября 2020 года; Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по поощрению граждан, выезжающих в организованную трудовую миграцию за рубеж» от 30 июля 2021 года; Указ Президента Республики Узбекистан «О первоочередных мерах по реформированию системы управления миграционными процессами» от 17 октября 2024 года; Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по упорядочению процессов осуществления трудовой деятельности за рубежом» от 17 октября 2024 года; Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию трудоустройства

граждан Республики Узбекистан за рубежом в организованном порядке» от 22 апреля 2025 года.

На международном уровне подписано 8 межправительственных соглашений, 7 межведомственных договоров, 1 соглашение и 1 конвенция в рамках СНГ, также имеется 395 договоров с рекрутинговыми компаниями и работодателями. К примеру, проработан механизм, позволяющий сократить период подготовки узбекских работников к въезду в Корею, который составляет 15-35 дней (сокращен в 2 раза).

Разработаны новые правовые, институциональные, социальные механизмы диалога с внешними трудовыми мигрантами.

Разрешена деятельность частных агентств занятости (ЧАЗ) по трудоустройству граждан Ранее это осуществлялось исключительно Агентством по вопросам внешней трудовой миграции. В реестр министерства занятости и трудовых отношений занесены 110 ЧАЗ, из которых только 7 имеют лицензию на осуществление деятельности. В 2019-2020 годы. 3214 граждан Узбекистана трудоустроились по линии ЧАЗ23. Тем не менее, за ненадлежащую работу 71 агентств лишились лицензий, в 2020 г. в отношении 11 ЧАЗ было возбуждено 51 уголовное дело за незаконное присвоение 7,6 млн. долл. 9 338 граждан.

Создан Фонд поддержки трудовых мигрантов для оказания правовой и социальной защиты, а также материальной помощи внешним трудовым мигрантам. Предусмотрена отдельная компенсация за расходы, связанные со сдачей квалификационных экзаменов, приобретением проездного билета, оформлением «рабочей визы» и др. В 2021 году. 6 283 мигрантам оказана социальная и 13 424 - материальная помощь за счёт средств Фонда.

Открыты 7 представительств Агентства миграции в городах. Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Самара, Новосибирск, Екатеринбург и Кванджу (Южная Корея). В 2021 году 8811 трудовым мигрантам оказана юридическая помощь, 295102 мигранта получили консультации, возвращены с работодателя заработных плат и денежных компенсаций в размере 984 тыс. долларов. За этот период, 358 мигрантов временно размещены в хостелах, 321 человек, оказавшихся в сложных условиях возвращены на родину, а также возмещены медицинские расходы 17 гражданам, получившим тяжёлые травмы во время трудовой миграции.

Региональным филиалам Агентства миграции предоставляется возможность заключения соглашений с иностранными работодателями и отправка трудовых мигрантов за рубеж. За 2021 г. заключены 395 соглашений с зарубежными работодателями и рекрутинговыми агентствами по трудоустройству на 70 тыс. рабочих мест.

В Узбекистане особое внимание уделяется созданию надёжных механизмов социальной поддержки трудовых мигрантов и членов их семей, в том числе в вопросах улучшения жилищных и бытовых условий, финансовой помощи, защиты жизни и здоровья.

Внедрена «Система безопасной, упорядоченной и легальной трудовой миграции», которая включает следующую социальную поддержку:

выдача микрозаймов и материальной помощи для покрытия расходов, связанных с трудоустройством (включая оплату проезда, оформление документов на осуществление трудовой деятельности, страхования) до 1000 долларов;

выдача квартир для малообеспеченных и нуждающихся в улучшении бытовых условий семей трудовых мигрантов, а также льготных кредитов и субсидий для предпринимательской деятельности после возвращения.

Также кардинально пересматриваются механизмы профессиональной и языковой подготовки трудовых мигрантов, внедряется система юридической и информационной поддержки, создаются каналы обратной связи с ними.

С 2021 года на территории Узбекистана работают 14 моноцентров «Ишга марҳамат» («Приглашаем на работу»), внедрена практика выдачи международных сертификатов «Skills passport», подтверждающих достаточный уровень владения профессиональными навыками и иностранными языками. Одновременно, в системе внешней трудовой

миграции впервые применяется практика участия органов местного самоуправления граждан – махалли. Созданы 136 мест обучения профессиям в махаллях г. Ташкента.

Межправительственными соглашениями достигнута договорённость с Российским университетом дружбы народов (РУДН) и «World skills Russia» по обучению трудовых мигрантов русскому языку и 25 востребованным профессиям в крупных городах России.

Создана онлайн-платформа по оказанию правовой помощи трудовым мигрантам, на территории Узбекистана и России постоянно работает колл-центр и телефон доверия Агентства по номеру 1282.

Внедрён программный комплекс «Labor-migration», предусматривающий предоставление в режиме онлайн гражданам, планирующим трудовую деятельность за рубежом, информации о правилах пребывания, условиях труда, социальном и жилищно-бытовом обеспечении в стране трудоустройства, правовых аспектах заключения трудовых договоров с иностранными работодателями, а также мерах финансовой поддержки, предусмотренных законодательством.

В результате предпринятых мер, организованный набор трудовых мигрантов из Узбекистана в 2024 г. вырос в 3,6 раза, достигнув 113 тыс. человек, что способствовало росту объёма денежных переводов в Узбекистан, которые составили $12,6 млрд., увеличившись на 34% по сравнению с 2023 годом.

Однако, несмотря на принимаемые государством меры по созданию условий для трудовых мигрантов, защите их прав и интересов, диверсификации внешней трудовой миграции, существует ряд проблем, которые требуют своего решения. В частности:

1. Требуется поднятие уровня профессиональной подготовки трудовых мигрантов и отсутствие международного квалификационного сертификата. По данным Института макроэкономических и региональных исследований, 97% трудовых мигрантов из Узбекистана имеют среднее, средне-специальное образование и только 3% – высшее. Вследствие этого, мигранты в основном заняты в низкооплачиваемых работах и отраслях (строительство, промышленность, оказание услуг, общественное питание, торговля, транспорт, сельское хозяйство и др.).

2. Актуализируется вопрос повышения уровня владения иностранными языками (английским, немецким, русским и др.), оценка уровня профессиональной квалификации, а также компенсации государством части расходов на рабочую визу, билеты. Следует осуществлять целевую подготовку в учреждениях профессионального образования граждан, не имеющих профессиональных навыков и не владеющих иностранными языками.

3. Необходимо усиление противодействия вовлечению трудовых мигрантов в противозаконную деятельность, связанную с торговлей людьми и наркотиками, контрабандой оружия и военными конфликтами;

4.Также целесообразно усиление мер по недопущению радикализации трудовых мигрантов за рубежом, попадания их под влияние различных террористических и экстремистских организаций.

5. Важно внедрение принципа «работа за рубежом начинается с махалли». Для этого вначале будут выявляться желающие работать за рубежом и их данные вноситься в систему «Онлайн-махалля», после чего кандидатов будут приглашать на конкурсы, объявленные зарубежными работодателями. Наряду с этим, медицинские учреждения будут проводить бесплатные медосмотры вернувшихся трудовых мигрантов и членов их семей, а центры «Инсон» - оказывать социальную помощь детям, чьи родители работают за рубежом. Для помощи в трудоустройстве гражданам, вернувшимся из трудовой миграции, по образцу Сайхунабадского района Сырдарьинской области, будет оказываться финансовая помощь для получения доходов и предоставляться другие услуги по вопросам занятости.

Таким образом, Узбекистан кардинально меняет позицию в отношении внешних трудовых мигрантов. Разработанная миграционная политика с внедрением новых правовых, институциональных и социальных механизмов, снятием регуляторных

ограничений, максимально ориентирована на поддержку граждан, в том числе пребывающих в России, до, во время и после возвращения из трудовой миграции.

Список использованной литературы:

1.Международная организация по миграции (IOM): "Migration Situation Report - Uzbekistan" (2025).

2.The Impact of Migration on Uzbekistan's Labor Market" (2024–2026).

3.Трудовая миграция в Республике Узбекистан/отв.ред. Е.В.Абдуллаев. Ташкент, 2008.

4.Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738.

5.Трансформация международных денежных переводов в капитал и инвестиции: теоретическое обоснование. А.П.Рязанцев, Е.Ю.Хрусталев, А.Г.Алексеева. Журнал Финансовая сфера, №8 (200) 2011.

Оценка влияния развития инфраструктуры физической культуры и спорта в узбекистане на демографические процессы

Аскарова М.И.

Научный сотрудник научно-исследовательского Центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете

Физическая культура и спорт с древних времён занимали важное место в жизни человека. Различные предметы быта, обнаруженные в результате археологических раскопок, разнообразные памятники, наскальные рисунки и изображения, а также эпосы и легенды, передающиеся из поколения в поколение, дают основание для размышлений о культуре предков, в том числе об их физической культуре. Сохранение до наших дней образа жизни древних племён предоставляет некоторым исследователям интересную информацию. Имена наших патриотичных и физически крепких героев, вписанные золотыми буквами в страницы истории, свидетельствуют о том, что они во имя чести и славы Родины, не уронив достоинства своего народа, проявляли образцы мужества и героизма. Такие личности, как Пахлаван Махмуд, Махмуд Тарабий, Алпомиш, Амир Темур, являются гордостью нашего народа.

В исторических источниках отмечается, что великий Сохибкирон Амир Темур был сильным шахматистом, наездником и борцом. Также указывается, что в его войске каждый воин занимался видом спорта под названием «мингаскар». Для воспитания таких сильных и выносливых борцов необходимо закладывать основу «здоровья» с самого раннего возраста. В этом возрасте формирование двигательных навыков и умений у детей происходит особенно интенсивно. Основными причинами этого являются изменения в их физическом развитии, пропорциях тела, совершенствование функций организма, увеличение роста и мышечной силы, а также улучшение координации движений.

Развивается способность различать амплитуду, скорость, направление, темп, ритм и выразительность движений, а также формируется умение анализировать движения, разделяя их на отдельные фазы. Развиваются навыки самоконтроля и оценки собственных движений и действий сверстников. Ребёнок начинает понимать зависимость результатов движений от качества их выполнения и стремится к достижению лучших результатов.

Культурные центры на территории Узбекистана имеют очень древнюю историю, включая такие древние очаги культуры, как Самарканд, Бухара, Ташкент и Термез. В древнейшие времена основным занятием населения, проживавшего на этой территории, была коллективная охота.

История занятий физической культурой показывает, что участие в коллективной охоте требовало от человека ловкости, гибкости, физического здоровья и быстроты движений. Трудовая деятельность и различные войны также требовали от человека физической подготовки и регулярных занятий физическими упражнениями. Человек готовился к охоте, труду и военным действиям с помощью специальных физических упражнений. Таким образом, в возникновении и первоначальном развитии физического воспитания важную роль сыграли трудовые процессы, в частности собирательство и охота. В ходе такой трудовой деятельности физическая культура и воспитание занимали особое место.

О физической силе, мужестве, ловкости, храбрости и выносливости древних народов упоминается в ряде произведений узбекского народа, таких как «Фархад и Ширин», «Гороглы», «Тахир и Зухра», «Алпомиш» и другие. Физическая культура на всех этапах истории общества являлась важной и неотъемлемой частью народной культуры.

В частности, народы, проживающие на территории Узбекистана, рассматривали её как критерий духовного и физического совершенства. Физическое воспитание и военное искусство особенно развивались в средние века. Политика, проводимая Амиром Темуром, как и во всех сферах общественной жизни, подняла значение физического воспитания на высокий уровень. В этот период особое внимание уделялось физической подготовке военных. Проводились соревнования по борьбе, стрельбе из лука, фехтованию и конным видам спорта.

В период бывшего Союза физическая культура в Республике Узбекистан понесла значительные потери. Ослабло внимание к национальным играм, являвшимся школой силы, быстроты и закаливания. Это привело к отдалению местного населения от физической культуры, а также негативно сказалось на их физическом развитии, уровне физической подготовки и состоянии здоровья.

В соответствии с требованиями современности в независимой Республике Узбекистан при решении экономических задач необходимо правильно использовать возможности физической культуры и человеческого фактора для повышения их эффективности и получать от этого положительные результаты. С обретением независимости в Республике Узбекистан начали происходить коренные социальные изменения. Время требует отказа не только от устаревших подходов, но и от шаблонных методов обучения, сложившихся во всех сферах народного образования, и внедрения новых, современных образовательных подходов. В этом направлении особенно актуальной задачей становится создание национальной школы и формирование новых основ обучения и воспитания.

В решении этих задач роль внимания и поддержки со стороны руководства страны имеет огромное значение. Это подтверждается рядом директивных документов по физической культуре и спорту, принятых в период независимости Узбекистана. В настоящее время все проводимые преобразования требуют качественных изменений во всех сферах. Наряду с другими отраслями, перед системой народного образования республики, в том числе перед специалистами в области физической культуры и спорта, ставятся важные задачи. К ним относятся поэтапное решение накопившихся за годы проблем, дальнейшее укрепление материально-технической базы, воспитание подрастающего поколения как физически развитых личностей, адаптация данной сферы к требованиям нового времени и её максимальная национализация. В нашей стране масштабная, глубоко продуманная и благородная работа по формированию здорового поколения с одобрением принимается народом и последовательно реализуется. Суть этого движения всем нам хорошо известна. Настоящее и будущее нашего государства неразрывно связано с воспитанием здоровой молодёжи. Мы, работники системы образования, несём особую ответственность за формирование здорового поколения в рамках своей профессиональной деятельности. Поскольку воспитание здоровой молодёжи во многом зависит от качества учебно-воспитательного процесса. Когда все предметы, преподаваемые в школе, объясняются в связи с природой и здоровьем человека, их влияние на сознание

детей становится более эффективным. Эффективность деятельности школы в данном направлении во многом зависит от тесного взаимодействия и согласованной работы с родителями и широкой общественностью, что является целесообразным и необходимым.

Формирование здорового поколения зависит от ряда факторов: чистоты окружающей среды, состояния здоровья родителей, питания, своевременного оказания медицинской помощи и других условий. При этом значительную роль играют и учреждения дошкольного образования. Именно с раннего возраста целесообразно формировать у детей интерес к физическим занятиям, объяснять их значение и воспитывать навыки самостоятельных занятий. Формирование у каждого человека, особенно у детей, таких качеств, как бережливость, соблюдение чистоты собственного тела и места занятий, а также развитие навыков самоконтроля, способствует более эффективному решению экономических задач. Физическое воспитание следует рассматривать не только как средство лечения заболеваний, но, что ещё более важно, как средство их профилактики, предупреждения, сохранения и укрепления здоровья, создания условий для долголетия, а также формирования гармоничного телосложения и осанки.

После обретения независимости в Республике Узбекистан начался период коренных преобразований. В настоящее время сама жизнь требует внедрения новых подходов в системе народного образования. В этой связи возникает необходимость создания школ на основе национальных традиций, а также разработки систем обучения и воспитания, основанных на национальных обычаях и ценностях. В период независимого Узбекистана данному вопросу уделяется большое внимание [4]. В частности, этому способствуют такие нормативно-правовые документы, как Закон «О физической культуре и спорте», постановление «О развитии детского спорта в Республике Узбекистан» и другие.

В связи с этим введение дополнительных специальностей на факультетах «Начальное образование и спортивно-воспитательная работа», а также «Дошкольное образование и детский спорт» в педагогических университетах способствует формированию у профессорско-преподавательского состава и тренеров нового подхода к развитию детского спорта и физического воспитания, а также стимулирует их к научному поиску. В нашей стране необходимо предусматривать проведение различных мероприятий, направленных на совершенствование системы образования и воспитание подрастающего поколения, обеспечивающего развитие Родины. Основными задачами данной дисциплины являются вооружение учащихся теоретическими знаниями в области физического воспитания, а также формирование у них соответствующих навыков и умений [2].

Решение вышеуказанных задач, сохранение здоровья детей, их всестороннее гармоничное развитие и воспитание всесторонне развитого поколения должны начинаться с самого раннего возраста — с учащихся начальных классов. В современных условиях при изучении двигательной активности учащихся начальных классов необходимо учитывать природно-климатические и социальные факторы нашей республики, смену сезонов, солнечную радиацию, экологию, национальные традиции и другие особенности. Без учёта этих факторов невозможно планирование и проведение уроков физического воспитания. Известно, что учителя должны закладывать прочную основу физического воспитания начиная с младших классов. Основной формой организации учебно-воспитательной работы в школе в данной сфере является урок. К сожалению, во многих школах уроки физической культуры ведут учителя начальных классов. В соответствии с решением Министерства народного образования часы, отведённые на физическую культуру в начальных классах, должны проводиться специалистами.

Безусловно, роль специалистов в области физического воспитания является весьма значительной. Они обладают знаниями о закономерностях физического развития учащихся, а также умеют правильно и эффективно использовать специальные средства и методы. Однако по различным объективным и субъективным причинам до настоящего времени уроки физической культуры в начальных классах не переданы в полной мере специалистам. В связи с этим требования и нормативы, предусмотренные программой физического

воспитания, не в полной мере соответствуют современным требованиям. В настоящее время мы осознаём, что достижение наших высоких целей и благородных стремлений, обновление общества, развитие и будущее нашей жизни, эффективность реализуемых реформ и планов — всё это, прежде всего, тесно связано с подготовкой высококвалифицированных, сознательных специалистов, отвечающих требованиям времени.

Стремление воспитать здоровое и гармонично развитое подрастающее поколение является нашей национальной особенностью. В последние годы развитие физической культуры и спорта в широком масштабе с целью формирования здорового образа жизни среди населения страны стало одним из приоритетных направлений. Особого внимания заслуживает то, что представители нашей страны достигают высоких результатов на различных международных соревнованиях, Олимпийских играх и чемпионатах мира, спортивный потенциал республики неуклонно растёт, как в столице, так и в регионах строятся современные спортивные комплексы, стадионы и теннисные корты, соответствующие мировым стандартам. Всё более популярными становятся трёхэтапные спортивные соревнования среди учащихся и студенческой молодёжи — «Умид нихоллари», «Баркамол авлод» и «Универсиада». Наряду с этим важное значение имеет пропаганда роли массового спорта в жизни человека и семьи, раскрытие его значения как основы физического и духовного здоровья, а также разъяснение молодёжи, вступающей в жизнь с большими надеждами, значимости спорта в реализации их способностей и талантов. Это также способствует дальнейшему повышению авторитета Узбекистана на международной арене. В первую очередь необходимо формировать у них общую физическую подготовленность и развивать физические качества. Наряду с этим крайне важно обогащать теоретические знания детей в области физической культуры и спорта. Только в этом случае у детей формируется устойчивый интерес и любовь к спорту, что становится жизненной потребностью. Целесообразно разработать систему, основанную на преемственности требований и стандартов физического воспитания в дошкольных учреждениях, начальном образовании, академических лицеях и профессиональных колледжах, направленную на привлечение детей к спорту, формирование интереса, а также развитие у них начальных теоретических знаний и двигательных навыков.

Физическое воспитание — это жизненные силы и структура организма, передающиеся из поколения в поколение, которые служат основой физического развития человека. Однако направление, характер и уровень физического развития, а также качества и способности, формируемые у человека, во многом зависят от условий жизни и воспитания. Освоение закономерностей физического развития и их использование в целях физического воспитания является важной задачей теории и практики физического воспитания [1]. Таким образом, социальные условия жизни людей играют решающую роль в физическом развитии. Среди них особое значение имеют труд и воспитание, в частности физическое воспитание. Следовательно, целенаправленное изменение физического воспитания представляет собой его социально обусловленную функцию. Физическое воспитание — это особый вид воспитания, направленный на развитие физических качеств человека и обучение двигательным действиям.

Говоря проще, это педагогический процесс, направленный на достижение физического совершенства, представляющий собой взаимодействие между учителем и учеником, ориентированное на формирование двигательных навыков и умений. В процессе обучения и воспитания одновременно осуществляются умственное, нравственное, эстетическое и трудовое воспитание. Под системой физического воспитания понимаются его научно-методические и педагогические основы. В нашей стране формирование данной системы является результатом деятельности, проводимой народом в сфере физического воспитания. Цель физического воспитания заключается в подготовке детей как физически крепких и здоровых людей к защите Родины, жизни и труду. Эта цель является единой для всех учреждений и организаций, осуществляющих физическое воспитание в государстве.

На основе данной цели решаются оздоровительные, образовательные и воспитательные задачи.

Все ценные знания, достигнутые теорией и подтверждённые на практике, реализуются через систему физического воспитания. Под системой физического воспитания понимаются её структурные элементы, включающие задачи физического воспитания, средства, формы работы, методы, способы организации занятий, а также физическое воспитание в семье, подготовку кадров и строительство спортивных сооружений [3]. К основным звеньям системы физического воспитания относятся:

- физическое воспитание детей дошкольного возраста;
- физическое воспитание детей школьного возраста;
- физическое воспитание в высших учебных заведениях;
- физическое воспитание в армии и военно-морском флоте;
- физическое воспитание в добровольных спортивных обществах.

После обретения независимости в нашей республике всестороннее развитие подрастающего поколения приобрело особое значение. Физическая культура и спорт были подняты на уровень государственной политики и стали одним из приоритетных направлений.

Ярким подтверждением этому являются спортивные соревнования по узбекской национальной борьбе, проводимые на европейском и мировом уровнях. Национальный спорт и физическая культура способствуют формированию у молодёжи высоких патриотических качеств, народности, осознания своей значимости для общества и Родины на основе общечеловеческих ценностей, а также, несомненно, служат фактором защиты от влияния различных религиозно-экстремистских течений.

В нашей стране привлечение широких слоёв населения, особенно подрастающего поколения, к занятиям физической культурой и спортом возведено в ранг государственной политики, а также созданы организационно-правовые механизмы последовательного развития данной сферы. Создание современной спортивной инфраструктуры, ввод в эксплуатацию спортивных сооружений, соответствующих международным стандартам, как в городах, так и в сельской местности, а также успешное проведение трёхэтапных спортивных игр среди молодёжи уже дают свои положительные результаты.

Следует отметить, что при инвентаризации законодательной базы в сфере физической культуры и спорта было выявлено наличие ряда пробелов. В действовавшем в предыдущие годы законе недостаточно были урегулированы такие аспекты, как основные понятия, организация деятельности в сфере физической культуры и спорта, национальные виды спорта и игры, массовое привлечение населения к занятиям физической культурой и спортом, а также законодательное закрепление государственных гарантий развития данной сферы. Иными словами, возникла необходимость пересмотра правовой базы в области физической культуры и спорта в соответствии с требованиями времени.

С этой точки зрения в новом варианте Закона «О физической культуре и спорте» нашли чёткое отражение определения основных понятий данной сферы, нормы, касающиеся национальных видов спорта и народных игр, а также массового вовлечения населения в занятия физической культурой и спортом, государственная поддержка физической культуры и спорта, формирование и регулирование деятельности сборных команд Республики Узбекистан, организация физической культуры и спорта в системе образования и здравоохранения, на рабочих местах, в местах отдыха и в образовательных учреждениях, а также развитие физической культуры и спорта среди лиц с ограниченными возможностями. Данный Закон по своему содержанию и значению является весьма актуальным.

В Законе особое внимание уделено основным направлениям государственной политики в сфере физической культуры и спорта, вопросам государственного регулирования данной сферы, а также полномочиям соответствующих министерств и органов местной государственной власти. Кроме того, отражены вопросы участия органов

самоуправления граждан, предприятий, учреждений и организаций в развитии физической культуры и спорта.

Закон также охватывает положения, направленные на широкое привлечение населения, прежде всего молодёжи и женщин, к занятиям спортом, создание новых механизмов государственной поддержки данной сферы, повышение эффективности спортивной инфраструктуры, а также подготовку спортсменов высокого класса и спортивного резерва. Вместе с тем в нём чётко определены задачи Национального олимпийского комитета Узбекистана. В документе предусмотрены нормы, направленные на проведение массовых спортивных мероприятий и соревнований, дальнейшее совершенствование деятельности физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, обеспечение их соответствия современным требованиям, а также оснащение качественным спортивным инвентарём и оборудованием.

Реализация Закона «О физической культуре и спорте» в новой редакции создаёт возможности для восстановления, развития национальных видов спорта и народных игр, а также их продвижения на международную спортивную арену. В данном документе отражены нормы, направленные на решение одной из наиболее актуальных проблем современного спорта — предупреждение допинга и борьба с ним, что является ещё одним важным аспектом.

Кратко говоря, недавно вступивший в силу Закон «О физической культуре и спорте» способствует ускоренному развитию данной сферы, играющей важную роль в формировании здорового образа жизни в обществе и воспитании гармонично развитого молодого поколения. Принятие данного Закона, полностью соответствующего международным правовым нормам и принципам, является ещё одним подтверждением приоритета прав человека. Исполнение данного Закона является общей ответственностью для всех нас. Ведь здоровый образ жизни предполагает приобщение к спорту, превращение его в неотъемлемую часть повседневной жизни, а также ответственное отношение к физическому воспитанию наших детей. Именно физическая культура и спорт являются залогом здоровой жизни и здорового будущего.

Летературы:

1. П.А.Базарбаев, А.А.Хожаметов, Развитие спорта в Узбекистане. Символ науки. №4/2019.

2. Асатова, Г.Р. Тенденции развития физической культуры и спорта в постсоветском Узбекистане / Г. Р. Асатова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 15 (119). — С. 376-378.

3.Мухаммадиев Б. С. СОВРЕМЕННЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ //SUSTAINABILITY OF EDUCATION, SOCIO-ECONOMIC SCIENCE THEORY. – 2023. – Т. 2. – №. 13. – С. 167-173.

4. Saparovich M. B. THE PROCESS OF DISTANCE LEARNING OF STUDENTS IN A TECHNICAL UNIVERSITY //Neo Scientific Peer Reviewed Journal. – 2023. – Т. 10. – С. 71-75.

Дистанционные образовательные технологии в Узбекистане

Ахмедиева А.Т.

Ташкентский государственный экономический университет, д.э.н., проф.

Дистанционное обучение, это одна из его форм, в основу, которой положены технологии интернета, находится на стыке всех проблем современного образования. Будучи новой формой обучения, с максимальной эффективностью, адаптирующей под свои нужды все «новинки» сетевых технологий, оно «не вписывается» в рамки традиционного академического обучения.

Во всем мире индустрия электронного обучения, по подсчетам, оценивается более чем в 38 миллиардов евро, хотя в Европейском Союзе только около 20% продукции «E-learning» производится на обычном рынке. Разработки в области интернета и мультимедийных технологий - это основа, которая делает возможным развитие E-learning, где информационное наполнение, технологии и обслуживание считаются тремя ключевыми секторами E-learningиндустрии [Роговский Е.А., 2008].

В вузах в частности, растет тенденция к созданию Виртуальной Обучающей Среды (Virtual Learning Environment- VLE) (которая иногда комбинируется с Информационной системой менеджмента (Management Information System- MIS) для создания Управляемой обучающей среды (Managed Learning Environment).В ней все аспекты курса регулируются с помощью единого, стандартного для всего института интерфейса пользователя. Растущее число университетов, также как и более новые онлайн колледжи, начали предлагать набор академических степеней и сертифицированных программ через Интернет с широким выбором уровней и дисциплин. В то время как некоторые программы требуют, чтобы студенты посещали занятия в университете, многие курсы доставляются полностью он-лайн. Кроме того, некоторые университеты предлагают студентам дополнительные он-лайн сервисы, такие как консультирование и регистрация, электронное обсуждение, он-лайн покупка книг, студенческое управление и студенческие газет.

Уроки E-learningобычно проектируются так, чтобы сориентировать студентов в информации или помочь им выполнить специальные задания. Содержание заданий в E-learningнаправлено на то, чтобы дать информацию студенту. Примеры включают информацию об истории или факты, относящиеся к услугам, компании, продукции. В информационной части не предполагается обучение специфическим навыкам. В практической части уроки выстроены независимо от практических навыков, которые позволяют студентам повышать свое мастерство.

Современные студенты и школьники - в основном сетевое поколение, для которых электронный способ получения информации (в данном случае именно учебной) является нормальной составляющей жизни. В целом высокие технологии в образовании приветствуются молодёжью, - знания, умения, навыки пригодятся в самосовершенствовании и карьерном росте. Информационные коммуникационные технологии стали их рабочим инструментом. При этом надо учесть, что в структуре населения республики молодёжь составляет существенную часть.

Еще одним важным преимуществом обучения, проводимого с использованием технологий e-Learning, является использование широкого диапозона разнообразных средств обучения. Все эти средства могут быть использованы и при проведении традиционного очного обучения, но чаще всего этого не происходит, а e-Learningтребует обязательного их использования. В результате этого обучение, проводимое с использованием технологий e-Learning, оказывается зачастую более эффективным по сравнению с традиционным очным обучением.

Важным преимуществом обучения, проводимого с использованием технологий e-Learning, является возможность его использования для проведения обучения лиц, имеющих ограниченные возможности. Также проведение обучения с использованием технологий e-Learningпозволяет предоставить доступ к качественному обучению лицам, по тем, или иным причинам, не имеющим возможности проходить обучение в традиционной очной форме. Например, в местах их проживания (например, в сельской местности) нет достаточного количества качественных учебных заведений.

Использование современных информационных технологий (технологий e-Learning) при обучении позволяет выстроить эффективную систему управления обучением, построенную на возможности сбора значительно большей информации о прохождении обучения слушателем по сравнению с традиционным очным обучением.

Разработанный проект он-лайн образование по предмету физика, открывает учащимся доступ к нетрадиционным источникам информации, повышает эффективность

самостоятельной работы, дает совершенно новые возможности для творчества, обретения и закрепления различных профессиональных навыков, а преподавателям позволяет реализовывать принципиально новые формы и методы обучения с применением концептуального и математического моделирования явлений и процессов.

Также данная система позволяет вести непрерывный рост качества обучения в динамике, а по тестовым заданиям 3 и 4 степеней сложности выявляет наиболее талантливую молодежь. Трудно переоценить влияние дистанционного обучения к самообразованию, самоконтролю и быстроте адаптации к новым информационным технологиям.

Особенности реализации проекта (исходя, из технико-экономических и методических возможностей определяется конкретный предмет по дистанционному обучению) по разработке и подготовке пилотного проекта по дистанционной системы электронного обучения (по одному предмету-физике) и мониторинга контроля качества подготовки кадров:

-система будет постоянно совершенствоваться и ее корректировка по мере изменения внешних и внутренних условий (в том числе появление новых инструментариев информационных технологий) должна быть обязательной процедурой;

-для удобства абитуриентов программы формируются исходя из общей численности участников и уровня их подготовленности, территориальной доступности и возможностей ИКТ инфраструктуры;

-техническое оснащение пилотного проекта подразумевает: программное обеспечение и компьютерное оборудование, доступность и качества коммуникаций;

-процесс осуществляется в течении календарного года в соответствии с программой обучения, результаты обучения будут постоянно тестироваться и объявляются в онлайн режиме и выводятся в монитор, а также предоставляется в письменной форме;

-технология дистанционного обучения может осуществлять контроль знаний абитуриентов расположенных в данном регионе по соответствующим направлениям обучения (по одному предмету или группе предметов);

-технология дистанционного обучения может осуществлять обучение и формировать информационные ресурсы для преподавания курсов в онлайн режиме (например, по физике);

-программа обучения осуществляет аналитическую деятельность, при этом инструменты графики и картограммы позволяют наглядно представлять информацию о состоянии образовательной системы регионов по данному предмету;

-информационным ресурсам, аккумулируемым в системе, будет обеспечена защита, конфиденциальность и целостность.

Реализация пилотного проекта по дистанционной системы электронного обучения (по одному предмету-физике) и мониторинга контроля качества подготовки кадров требует разработки следующих документов:

-методические материалы по подготовке и проведению дистанционного обучения по одному предмету (для апробации предлагается физика);

-правила проведения дистанционной системы электронного обучения (для ознакомления участников тестов и родителей).

Для эффективной организации учебного процесса:

- ученики, должны обладать минимальными навыками работы на компьютере, умение вводить и редактировать информацию, знание файловой системы, умение работать в чате и форуме и др.;

-преподаватели должны знать особенности и способы организации эффективной познавательной деятельности в условиях дистанционного обучения, методически сируктировать систему знаний и умений, активизировать самостоятельную работу обучающихся и др. [Оспенникова Е.В.,2004].

К признакам для классификации дистанционных образовательных технологий относятся: средства представления учебных материалов, способы доставки учебных материалов, синхронность обучения, управление процессом обучения и роль профессорское- преподавательского состава в организации и проведении образовательного процесса. Указанные признаки объединены, упорядочены и использованы для уточнения определений самых распространенных групп дистанционных образовательных технологий. Цель нашего уточнения классификации — показать, что основными характеристиками дистанционных образовательных технологий являются не только признаки, связанные с учебными материалами, но и способы коммуникации.

Сервисы Internet, как средства дистанционного обучения, можно разбить на две группы: сервисы взаимодействия участников обучения и сервисы доставки учебных материалов, обсуждается то, в рамках каких сервисов взаимодействия результативней осуществлять различные виды учебных коммуникаций. При проектировании технологии дистанционного обучения особенно важен выбор основополагающих характеристик, удовлетворяющих текущим и будущим требованиям к системе ДО.

В настоящий момент имеется достаточно большое количество разнообразных платформ разработки и поддержки курсов дистанционного обучения. Открытая, бесплатная, сертифицированная и регулярно обновляемая разработка, которая предоставляет широкие возможности для организации учебного процесса. Предметно-содержательное наполнение дистанционного обучения составляет совокупность УМК, основными компонентами которых являются лекции или электронные учебники, системы тестирования и статистики, справочные материалы.

Технология производства видеоролика включает несколько этапов. На первом этапе происходит наполнение слайдов. На слайдах размещаются примеры решения задач, необходимые теоретические сведения, графики, видео, при этом применяются эффекты анимации, которые позволяют выделить и привлечь внимание к наиболее важной информации. Далее на готовые слайды накладывается голосовой комментарий. Преподаватель разъясняет и комментирует ход решения задачи и наиболее трудные для понимания вопросы. Заметим, что объем получаемого видео достаточно велик, поэтому целесообразно размещать его на внешних носителях в Интернете, например, YouTube.com. В качестве тренажера для отработки навыка решения задач и контроля качества усвоения теоретического материала используется модуль «Тесты», который является одним из модулей.

Этот модуль может быть использован для контроля промежуточных результатов: в процессе решения задачи (как правило, решение включает несколько этапов), обучаемый последовательно отвечают на контрольные вопросы, которые оформлены в виде теста. Если ответ на вопрос неверен, то система выдает сообщение об ошибке и отсылает студента к указанному разделу лекций или аналогичному, уже рассмотренному в практикуме примеру.

Таким образом, можно сделать вывод, что постепенно происходит смена парадигмы мирового образования в сторону личностно-ориентированного обучения, педагогики прагматизма. В этой новой модели компьютер и интернет занимают очень важное место и используются как для администрирования учебного процесса в целом, так и для организации некоторых видов учебной деятельности студентов и школьников, преимущественно связанных с освоением новых информационных технологий, формированием базового уровня компьютерной грамотности.

Список литературы:

1.Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года», № 06/19/5847г. 09.10.2019 г., Ташкент,

2.National Science Foundation, Science and Engineering Indicators 2010 // fromhttp://www.nsf.gov/statistics/seind10/.

3.Роговский Е.А. США: Информационное общество: экономика и политика. - М.: Междунар. отношения, 2008. – 407 с.

4.Оспенникова Е.В. Информационные технологии в дидактическом обеспечении лабораторного практикума по физике / ЕВ. Оспенникова // Актуальные проблемы методики обучения физике в школе и вузе: меж.вуз. сб. науч. статей - СПб:Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. - С. 116-122.

Роль фискального контроля и управления налоговыми рисками в обеспечении устойчивости бюджетной системы

Базаров Ф.О.
Ташкентский государственный экономический университет, к.э.н., профессор

В современных условиях трансформации экономики устойчивость бюджетной системы определяется не столько абсолютным объёмом налоговых поступлений, сколько качеством институциональной среды, обеспечивающей их стабильность, предсказуемость и полноту мобилизации. Бюджетно-налоговая система выполняет не только фискальную функцию, но и выступает важнейшим инструментом макроэкономического регулирования, перераспределения ресурсов и стимулирования экономического роста. В этой связи возрастают требования к эффективности механизмов фискального контроля и управлению налоговыми рисками как ключевых элементов обеспечения финансовой устойчивости государства.

В последние годы в Республике Узбекистан наблюдается положительная динамика бюджетных показателей. Так, по данным официальной статистики, совокупные налоговые поступления в государственный бюджет демонстрируют устойчивый рост: если в 2018 году их объём составлял около 62 трлн сумов, то к 2024 году этот показатель превысил 200 трлн сумов. Вместе с тем увеличение налоговых доходов сопровождается ростом системных рисков, включая налоговую задолженность, расширение теневого сектора и нестабильность фискальных ожиданий. По оценкам экспертов, доля неформальной экономики в отдельных секторах может достигать 30-40%, что существенно снижает эффективность налогового администрирования.

Финансовая устойчивость бюджета в значительной степени зависит от способности государственных институтов противодействовать таким негативным явлениям, как уклонение от уплаты налогов, занижение налоговой базы и использование схем оптимизации. Эти факторы не только сокращают доходную часть бюджета, но и создают дисбалансы в системе налогового планирования, повышая уровень неопределённости. В условиях переходной экономики данные проблемы усугубляются недостаточной цифровизацией процессов администрирования, несовершенством нормативно-правовой базы и ограниченным уровнем налоговой дисциплины.

В этой связи фискальный контроль приобретает качественно новое содержание. Он перестаёт быть исключительно инструментом выявления нарушений и трансформируется в комплексную систему управления, направленную на обеспечение прозрачности налоговых процессов и предупреждение фискальных рисков. Современное понимание фискального контроля включает не только проверочные мероприятия, но и аналитическую деятельность, мониторинг поведения налогоплательщиков, а также использование цифровых технологий для повышения эффективности контроля.

Научные исследования в области фискального контроля и налоговых рисков свидетельствуют о том, что данная проблематика остаётся фрагментарно разработанной. Значительная часть научных работ сосредоточена на отдельных аспектах, таких как методы налогового аудита, цифровизация администрирования или классификация рисков. Однако комплексный подход, объединяющий все элементы системы управления налоговыми рисками в рамках единой концепции фискальной устойчивости, встречается сравнительно

редко. Это обусловливает необходимость дальнейшего углубления теоретических и прикладных исследований.

Фискальный контроль в современной научной интерпретации рассматривается как многоуровневая система, включающая превентивные и последующие механизмы воздействия. Превентивный контроль направлен на предупреждение нарушений за счёт внедрения цифровых платформ, автоматизации процессов отчётности и повышения прозрачности операций. В свою очередь, последующий контроль ориентирован на выявление и устранение уже совершённых нарушений, а также на восстановление утраченных бюджетных доходов.

Особое значение в системе фискального регулирования приобретает управление налоговыми рисками, которое представляет собой процесс выявления, оценки и минимизации факторов, способных привести к отклонению фактических налоговых поступлений от плановых значений. В современных условиях данный процесс базируется на использовании аналитических инструментов, включая методы эконометрического моделирования, больших данных (Big Data) и цифровых платформ мониторинга.

Следует подчеркнуть, что налоговые риски обладают сложной, многокомпонентной природой и формируются под воздействием широкого круга взаимосвязанных факторов. К их числу относятся макроэкономические условия, такие как уровень инфляции, цикличность экономического развития, колебания деловой активности и внешнеэкономические шоки, которые напрямую влияют на налоговую базу и платежеспособность хозяйствующих субъектов. Наряду с этим значительную роль играют институциональные факторы, включая степень развитости налоговой системы, качество налогового администрирования, эффективность нормативно-правового регулирования и уровень цифровизации государственных услуг. Не менее важны и поведенческие аспекты - налоговая культура, уровень доверия к государственным институтам, склонность налогоплательщиков к добровольному соблюдению обязательств либо к уклонению от налогообложения. В совокупности данные факторы обуславливают необходимость применения комплексного и системного подхода к управлению налоговыми рисками, который должен базироваться на межведомственном взаимодействии, интеграции информационных ресурсов и использовании современных аналитических инструментов, позволяющих выявлять скрытые закономерности и прогнозировать потенциальные угрозы.

Практика развитых и развивающихся стран свидетельствует о том, что одним из наиболее результативных инструментов повышения устойчивости бюджетной системы является внедрение риск-ориентированных моделей налогового контроля. Данный подход предполагает отказ от сплошных проверок в пользу селективного контроля, основанного на анализе рисков и вероятности совершения нарушений. Его сущность заключается в концентрации ограниченных ресурсов налоговых органов на тех категориях налогоплательщиков, секторах экономики или операциях, которые характеризуются повышенным уровнем риска несоблюдения налогового законодательства. Применение риск-ориентированного контроля позволяет не только повысить эффективность выявления нарушений и увеличить объём доначислений, но и оптимизировать затраты на проведение контрольных мероприятий. Одновременно снижается административная нагрузка на добросовестных налогоплательщиков, что способствует формированию более благоприятной деловой среды, укреплению налоговой дисциплины и повышению уровня добровольного соблюдения налоговых обязательств.

Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества риск-ориентированного подхода, его практическая реализация в Республике Узбекистан на современном этапе остаётся ограниченной и сталкивается с рядом объективных препятствий. Ключевыми из них являются недостаточный уровень развития аналитической инфраструктуры, выражающийся в нехватке современных инструментов обработки и анализа больших данных, а также фрагментарность существующих информационных систем, которые зачастую функционируют изолированно друг от друга и не обеспечивают полноценного

обмена данными между государственными органами. Дополнительной проблемой выступает ограниченный доступ к качественным, актуальным и сопоставимым данным, что снижает точность оценки рисков и затрудняет формирование обоснованных управленческих решений. В результате контрольные ресурсы распределяются неравномерно, что приводит к избыточной нагрузке на одни сегменты и недостаточному вниманию к другим, потенциально более рискованным направлениям. Это, в свою очередь, снижает общую эффективность системы налогового контроля и ограничивает возможности повышения устойчивости бюджетной системы в долгосрочной перспективе.

Международный опыт демонстрирует, что страны с развитой системой цифрового налогового администрирования достигают значительно более высоких показателей собираемости налогов. Например, в странах Европейского союза уровень налогового разрыва (tax gap) в среднем составляет 10-12%, тогда как в развивающихся экономиках этот показатель может превышать 20-25%. Внедрение электронных систем учёта, автоматизированного анализа данных и онлайн-мониторинга операций позволяет существенно сократить масштабы уклонения от налогообложения.

В Узбекистане в последние годы реализуется ряд реформ, направленных на цифровизацию налоговой системы. В частности, внедрение онлайн-касс, электронных счетов-фактур и автоматизированных систем отчётности способствует повышению прозрачности финансовых потоков. Однако для достижения системного эффекта необходимо обеспечить интеграцию данных между различными государственными органами, включая налоговые, таможенные и финансовые структуры.

Одним из перспективных направлений развития является использование прогнозных моделей для оценки налоговых рисков. Применение эконометрических методов позволяет выявлять закономерности формирования налоговой задолженности и прогнозировать потенциальные отклонения доходов бюджета.

Не менее важным фактором является развитие налоговой культуры. Международная практика показывает, что повышение уровня добровольного соблюдения налоговых обязательств может обеспечить до 70-80% всех поступлений без применения жёстких контрольных мер. В этой связи особое значение приобретают образовательные программы, консультирование налогоплательщиков и формирование доверия к государственным институтам.

Для дальнейшего повышения устойчивости бюджетной системы Узбекистана целесообразно реализовать комплекс мер, включающий: углубление цифровизации налогового администрирования, развитие аналитической инфраструктуры, внедрение риск-ориентированных моделей контроля, совершенствование нормативно-правовой базы и усиление межведомственного взаимодействия. Особое внимание следует уделить интеграции данных и развитию единой информационной платформы, обеспечивающей оперативный обмен информацией между государственными органами.

Таким образом, фискальный контроль и управление налоговыми рисками выступают ключевыми инструментами обеспечения устойчивости бюджетной системы. Их эффективная реализация позволяет не только повысить уровень собираемости налогов, но и обеспечить стабильность бюджетного планирования, снизить уровень неопределённости и укрепить доверие общества к фискальной политике государства.

В условиях дальнейшей модернизации экономики Узбекистана стратегическое значение данных инструментов будет только возрастать. Комплексное внедрение современных технологий, аналитических методов и институциональных механизмов позволит сформировать устойчивую, прозрачную и адаптивную бюджетно-налоговую систему, способную эффективно функционировать в условиях глобальных экономических вызовов и обеспечивать долгосрочное развитие национальной экономики.

Занятость, ремесло и профессия в социологической перспективе: к проблеме соотношения понятий

Бакулин А.В., Дерюгин П. П.
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ),
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

В социологическом анализе труда и профессиональной структуры общества сохраняется устойчивая проблема концептуального разграничения базовых категорий, описывающих формы включённости индивида в хозяйственный процесс. Несмотря на значительный массив исследований, посвящённых как категории «профессия», так и категории «занятость», их соотношение, а также место промежуточных форм трудовой деятельности остаются недостаточно теоретически проработанными. Это приводит к аналитическому смешению уровней — институционального, деятельностного и субъективного — и, как следствие, затрудняет объяснение вариативности карьерных стратегий и форм трудового поведения.

В рамках классической социологической традиции категория «профессия» преимущественно осмысляется через призму общественного разделения труда и институциональной дифференциации. Так, в макросоциологическом подходе, представленном работами К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, профессия рассматривается как структурный элемент социальной системы, возникающий в процессе усложнения и специализации деятельности. У К. Маркса профессия выступает как единица конкретного разделения труда, фиксирующая обособление видов деятельности внутри производства [1]. В эволюционной модели Г. Спенсера профессии интерпретируются как социальные институты, возникающие в результате дифференциации и последующей интеграции функций, обеспечивающих воспроизводство общества [2]. Э. Дюркгейм, связывая развитие профессий с переходом от механической к органической солидарности, подчеркивает их интегративную функцию: закрепление специализированных функций за профессиональными группами усиливает взаимозависимость членов общества и способствует социальной интеграции [3]. В теории Т. Парсонса профессия приобретает нормативно-институциональное измерение и определяется через наличие формализованных стандартов подготовки, универсалистской этики и ориентации на общественное благо, что позволяет говорить о профессиях как о специфическом «профессиональном комплексе» современного общества [4; 5].

Вместе с тем микросоциологическая традиция смещает акцент с институциональной структуры на субъективные основания профессиональной деятельности. В работах М. Вебера профессия соотносится с понятием «призвания» и понимается как устойчивый источник дохода, встроенный в систему ценностей и жизненных ориентаций индивида [6]. П. Сорокин рассматривает профессию как фактор социальной стратификации и мобильности, связывая её с длительным занятием, обеспечивающим как экономическое существование, так и социальный статус [7]. В рамках теории человеческого капитала (Г. Беккер) профессия интерпретируется как совокупность накопленных ресурсов — знаний, навыков и компетенций, обеспечивающих включение в рынок труда [8]. Отечественные исследователи (П.П Дерюгин, В.Н. Шубкин, Д.Л. Константиновский и др.) усиливают этот подход, подчеркивая значимость профессионального выбора, ценностных ориентаций и субъективного отношения к труду [9,10].

Таким образом, в существующих подходах фиксируется двойственный характер профессии: с одной стороны, как институционализированной формы разделения труда, с другой — как сферы реализации индивидуальных ресурсов и стратегий [9]. Однако данная дихотомия не исчерпывает всего спектра форм включённости в труд. Прежде всего, она оставляет вне аналитического поля те виды деятельности, которые не достигают уровня полной институционализации, но при этом не сводятся к случайной или слабо оформленной занятости.

Аналогичная проблема возникает и в отношении категории «занятость». В социологической литературе она трактуется либо как деятельность, приносящая доход, либо как система общественных отношений по поводу включения индивида в трудовой процесс [11]. Во втором случае занятость рассматривается как общественная форма труда, отражающая способ соединения работника с рабочим местом и включённость в систему социально-трудовых отношений. При этом подчеркивается, что занятость не тождественна труду: если труд характеризует содержательную сторону деятельности, то занятость фиксирует её социальную организацию и институциональные условия [11].

Несмотря на это различение, в большинстве исследований занятость выступает как универсальная категория, охватывающая все формы участия в хозяйственном процессе, что приводит к нивелированию различий в степени институционализации, автономии и социальной значимости деятельности. В результате в одном аналитическом ряду оказываются как высокоинституционализированные профессиональные практики, так и нестабильные или переходные формы трудовой активности.

В этой связи представляется методологически продуктивным введение дифференциации типов включённости в труд, позволяющей преодолеть указанное ограничение. В исследовании предлагается различать три таких типа: занятость, ремесло и профессия. Основанием для данного различения выступает степень институционализации деятельности, характер закрепления навыков и уровень социальной значимости.

Занятость в данном контексте понимается как минимально институционализированная форма включённости в труд, характеризующаяся отсутствием устойчивой профессиональной идентичности и слабой нормативной регуляцией. Она фиксирует сам факт участия индивида в хозяйственном процессе, но не предполагает наличия устойчивых стандартов, профессиональных сообществ или длительной траектории развития. Такое понимание согласуется с трактовкой занятости как общественного отношения включения в труд, но уточняет её через указание на низкий уровень структурной закреплённости.

Ремесло занимает промежуточное положение между занятостью и профессией. Оно основано на индивидуализированных навыках и практическом мастерстве, передаваемом вне формализованных образовательных институтов или в их ограниченной форме. В отличие от занятости, ремесло предполагает наличие устойчивых компетенций и определённой идентичности, однако не достигает полной институционализации, характерной для профессий. Траектории в рамках ремесла остаются вариативными, а стандарты — частично формализованными и во многом зависящими от конкретных практик и сообществ.

Профессия, в свою очередь, представляет собой наиболее институционализированную форму деятельности, включающую систему формальной подготовки, нормативное регулирование, профессиональные ассоциации и общественно признанную ответственность. Здесь реализуются те характеристики, которые выделяются в классических теориях — от парсонсовского универсализма и нормативности до дюркгеймовской функции интеграции через разделение труда.

Введение данной типологии позволяет по-новому интерпретировать вариативность карьерных стратегий. Если в рамках традиционных подходов различия в стратегиях объясняются преимущественно через ресурсы (человеческий капитал) или позиции в структуре рынка труда, то предложенное различение показывает, что сами условия

согласования действий задаются типом включённости в труд. В частности, в условиях занятости стратегии носят ситуативный и адаптивный характер; в рамках ремесла — опираются на накопление и монетизацию индивидуальных навыков; в профессиональной сфере — структурируются институциональными требованиями, нормами и долгосрочными траекториями.

Тем самым различие между занятостью, ремеслом и профессией позволяет не только уточнить понятийный аппарат социологии труда, но и связать макро- и микросоциологические уровни анализа. С одной стороны, оно отражает степень институциональной дифференциации деятельности (макроуровень), с другой — задаёт различные режимы формирования идентичности, мотивации и поведения индивидов (микроуровень). Это обеспечивает более точное объяснение того, каким образом формируются и реализуются карьерные стратегии в условиях современной неоднородной и фрагментированной структуры занятости.

Список источников:

1. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала / ред. В. Адоратский, М. Савельев, А. Стецкий; пер. И. И. Степанов-Скворцов. — М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

2. Конт О., Милль Дж. С., Спенсер Г. Западно-европейская социология XIX века: учеб. пособие / под ред. В. И. Добренькова; сост. В. П. Трошкина. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. — 352 с. — ISBN 5-89313-003-0.

3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1996. — 430 с. — ISBN 5-88373-036-1.

4. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Социология: хрестоматия / сост. Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая. — М.: Гардарики, 2003. — С. 92–123.

5. Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С. 54–66.

6. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост. и ред. Ю. Н. Давыдов. — М.: Прогресс, 1990. — С. 644–706.

7. Александрова Т. Л. Методологические проблемы социологии профессий // Социологические исследования. — 2000. — № 8. — С. 11–17.

8. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход / пер. с англ.; ред. Р. И. Капелюшников. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 670 с. — ISBN 5-7598-0173-2.

9. Белая А. В. Профессия как социологическая категория: основные подходы к определению // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2009. — № 2.

10. Дерюгин П. П., Колесникова Ю. А. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2012. — № 3.

11. Никифорова О. А. Об общественной природе занятости: социологический подход // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 1.

Искусственный интеллект и инновационные подходы в совершенствовании механизмов интеграции кадров, вернувшихся из внешней миграции, на рынок труда

Бахриддинова М.А.
Научно-исследовательский центр
«Научные основы и проблемы
развития экономики Узбекистана» при ТГЭУ
Оманова К.Б.
стажер-исследователь Научно-исследовательского
центра "Научные основы и проблемы развития экономики
Узбекистана" при ТГЭУ

Международная трудовая миграция в настоящее время выступает одним из наиболее важных и характерных аспектов миграционных процессов. Исследователи, изучающие данную проблему на мировом уровне, отмечают усиление тенденций широкомасштабного перемещения трудовых ресурсов между государствами, а также использования рабочей силы за пределами постоянного места проживания. Приток иностранной рабочей силы на национальный рынок труда одновременно порождает как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, наличие дополнительных трудовых ресурсов создаёт новые возможности для экономического роста и увеличения объёмов производства. С другой стороны, усиление конкуренции между местным населением и иностранными работниками, снижение уровня заработной платы и рост безработицы приводят к возникновению определённых проблем. В этой связи возникает необходимость разработки и реализации эффективных механизмов, направленных на защиту национального рынка труда от избыточного предложения рабочей силы, обеспечение интересов населения, поддержку роста заработной платы и снижение уровня безработицы. Эти процессы также тесно связаны с внедрением современных технологий и новых форм организации труда. Вместе с тем остаётся открытым вопрос о том, от кого и в какой степени следует защищать национальный рынок труда, а также насколько точно учитываются масштабы привлечения иностранной рабочей силы и её использования в федеральном и региональном разрезах. Специалисты единодушно отмечают, что применяемая административная статистика и другие наблюдательные данные недостаточно полны, достоверны и актуальны для принятия эффективных управленческих решений. В условиях современной глобализации усиливается международная мобильность трудовых ресурсов, и внешняя трудовая миграция становится важной составляющей социально-экономического развития многих стран. С одной стороны, внешняя миграция способствует снижению давления на рынок труда в регионах с избыточной рабочей силой, с другой стороны, на заключительном этапе миграционного процесса — при возвращении мигрантов — возникают сложные проблемы, связанные с их повторной интеграцией в национальный рынок труда. Особую актуальность приобретает вопрос эффективного использования знаний, навыков и трудового опыта, приобретённых мигрантами за рубежом, в условиях внутреннего рынка труда.

Практика показывает, что профессиональный потенциал кадров, вернувшихся из внешней миграции, не всегда полностью соответствует потребностям внутреннего рынка труда. Данное обстоятельство приводит к несоответствию навыков, низкому уровню формальной занятости, а также усилению процессов повторной миграции. Существующие механизмы содействия занятости и переподготовки зачастую основаны на общих подходах и не позволяют в полной мере учитывать индивидуальные профессиональные возможности возвращённых мигрантов. В результате снижается эффективность использования человеческого капитала.

В последние годы стремительное развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта создаёт возможности для внедрения новых подходов к регулированию рынка

труда. Системы, основанные на искусственном интеллекте, выступают в качестве важного инструмента для глубокого анализа потребностей рынка труда, оценки профессионального потенциала кадров и их направления на соответствующие рабочие места. Данные технологии позволяют решать существующие проблемы интеграции возвращённых мигрантов на рынок труда на основе системного и индивидуализированного подхода.

В этой связи особое значение приобретает научное исследование вопросов совершенствования механизмов интеграции кадров, вернувшихся из внешней миграции, в рынок труда на основе искусственного интеллекта и инновационных подходов. Цель данного исследования заключается в анализе процесса эффективной интеграции возвращённых мигрантов в внутренний рынок труда, а также в научном обосновании путей его совершенствования с использованием технологий искусственного интеллекта.

В условиях современной глобальной экономики, характеризующейся усилением межрегиональной мобильности трудовых ресурсов, внешняя трудовая миграция становится важным фактором социально-экономического развития многих стран. С одной стороны, миграционные процессы способствуют снижению давления на рынок труда в регионах с избытком рабочей силы, с другой стороны — удовлетворяют потребности принимающих стран в трудовых ресурсах. Однако заключительный этап миграционного процесса — интеграция кадров, вернувшихся из внешней миграции, в внутренний рынок труда — остаётся недостаточно системно организованным, что приводит к возникновению значимых экономических и социальных проблем [10].

Кадры, вернувшиеся из внешней миграции, несмотря на приобретённый на зарубежных рынках труда определённый профессиональный опыт, трудовую дисциплину и производственную культуру, зачастую не в полной мере соответствуют требованиям внутреннего рынка труда. Данное несоответствие, прежде всего, обусловлено различиями в структуре профессиональных навыков, технологическом уровне, а также институциональными ограничениями на рынке труда [6]. В результате часть возвращённых мигрантов не может интегрироваться в систему формальной занятости и вынуждена либо работать в неформальном секторе, либо вновь принимать решение о повторной миграции [4].

Данная ситуация снижает эффективность использования человеческого капитала, усиливает риск скрытой безработицы и социальной нестабильности на рынке труда. Особенно в условиях технологического прогресса, когда возрастает доля высококвалифицированных и адаптивных кадров, выявление и развитие имеющихся навыков возвращённых мигрантов приобретает особую актуальность [11]. Традиционные системы занятости и переподготовки, как правило, основаны на общих подходах и не обеспечивают возможности глубокого анализа индивидуального профессионального потенциала.

С этой точки зрения внедрение искусственного интеллекта и инновационных подходов в механизмы интеграции кадров, вернувшихся из внешней миграции, в рынок труда выступает как современное и научно обоснованное решение. В научных исследованиях подчёркивается, что технологии искусственного интеллекта обладают значительными возможностями для согласования спроса и предложения на рынке труда, снижения несоответствия навыков и эффективного распределения кадров [1]. Такие технологии позволяют обрабатывать большие объёмы данных, формировать индивидуальные профессиональные профили и определять подходящие рабочие места.

На основе искусственного интеллекта возможно комплексное анализирование уровня образования возвращённых мигрантов, приобретённого за рубежом трудового опыта, неформальных навыков и истории трудовой деятельности. В отличие от традиционных методов оценки, данный подход снижает субъективность и способствует более точному определению реального профессионального потенциала [7]. В результате расширяются возможности для эффективного направления возвращённых кадров в соответствии с потребностями внутреннего рынка труда и повышения уровня их занятости.

В рамках инновационных подходов цифровые платформы, разработанные на основе искусственного интеллекта, позволяют индивидуализировать процессы переподготовки и повышения квалификации возвращённых мигрантов. Международный опыт показывает, что использование таких систем значительно повышает эффективность программ профессиональной ориентации и переобучения [2]. Это подтверждает важную роль технологий в развитии человеческого капитала [5].

Кроме того, использование технологий искусственного интеллекта способствует совершенствованию территориальной интеграции возвращённых мигрантов на рынок труда. Прогнозирование спроса на рабочую силу в разрезе регионов и направление возвращённых мигрантов в соответствующие регионы позволяет сократить дисбалансы на внутреннем рынке труда [9]. Это, в свою очередь, создаёт возможности для более точной и целенаправленной реализации политики занятости, а также способствует сокращению межрегиональных социально-экономических различий.

В целом интеграционные механизмы, основанные на искусственном интеллекте и инновационных подходах, играют важную роль в эффективном использовании человеческого капитала возвращённых мигрантов, обеспечении устойчивой занятости и сокращении потоков повторной миграции. Данные подходы позволяют принимать современные, гибкие и научно обоснованные решения в управлении рынком труда.

Выводы и предложения. Результаты проведённого научного анализа показывают, что существующие механизмы интеграции кадров, вернувшихся из внешней миграции, в рынок труда не в полной мере соответствуют современным требованиям. В частности, отсутствует системный подход к оценке навыков, приобретённых за рубежом, и их адаптации к условиям внутреннего рынка труда. Данная ситуация приводит к снижению эффективности использования человеческого капитала и усилению процессов повторной миграции.

Внедрение механизмов, основанных на искусственном интеллекте и инновационных подходах, позволяет комплексно и устойчиво решать существующие проблемы. Такие механизмы имеют важное значение для определения профессионального потенциала возвращённых мигрантов, формирования индивидуальных траекторий развития и их адаптации к потребностям рынка труда. В результате повышается эффективность политики занятости и улучшается уровень использования трудовых ресурсов. В этой связи целесообразно предложить следующие научно-практические рекомендации:

— во-первых, сформировать единую цифровую информационную базу данных по возвращённым мигрантам и внедрить механизм её анализа на основе искусственного интеллекта;

— во-вторых, создать систему профессиональной диагностики на основе искусственного интеллекта, направленную на оценку формальных и неформальных навыков, приобретённых мигрантами за рубежом;

— в-третьих, разработать индивидуальные программы переподготовки и повышения квалификации на основе потребностей рынка труда;

— в-четвёртых, расширить использование прогностических моделей на основе искусственного интеллекта при совершенствовании региональной политики занятости.

Реализация данных предложений на практике позволит ускорить процесс интеграции возвращённых мигрантов в рынок труда, обеспечить эффективное использование человеческого капитала, а также существенно снизить социально-экономические негативные последствия миграционных процессов.

Список использованной литературы:

1. Acemoglu, D., & Restrepo, P.. Artificial intelligence and jobs: Evidence from US labor markets. Journal of Political Economy, 128(6), 2188–2244. (2020)

2. OECD. Artificial Intelligence, Automation and Work. Paris: OECD Publishing (2021).

3. International Labour Organization (ILO). Global Employment Trends for Migrant Workers. Geneva (2022).

4. World Bank. Reintegration of Return Migrants: Evidence and Policy Options. Washington, DC (2020).
5. McKinsey Global Institute (2019).
6. Dustmann, C., & Weiss, Y.. Return migration: Theory and empirical evidence. British Journal of Industrial Relations, 45(2), 236–256. (2007)
7. Bessen, J.. AI and jobs: The role of demand. NBER Working Paper No. 24235. (2019)
8. Clemens, M. A., & Gough, K.. Skilled emigration and skill creation. World Development, 112, 305–320. (2018)
9. European Commission(2021).
10. UN DESA. International Migration 2020 Highlights. New York.
11. Autor, D. H., Levy, F., & Murnane, R. J.. The skill content of recent technological change. Quarterly Journal of Economics, 118(4), 1279–1333. (2003)
12. World Economic Forum. The Future of Jobs Report. Geneva. (2023)

Роль брачного договора в обеспечении стабильности семьи: на примере Узбекистана

Бахриддинова М.А.
Научно-исследовательский центр
«Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при ТГЭУ

В настоящее время в Узбекистане укрепление института семьи, обеспечение его устойчивого развития и повышение благосостояния населения являются одними из приоритетных направлений государственной политики. В стране реализуются масштабные реформы, направленные на правовое регулирование семейных отношений, поддержку женщин и формирование здорового поколения. В частности, в Указе Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года № ПФ–60 «О Стратегии развития Нового Узбекистана» укрепление института семьи, защита прав и интересов женщин, а также обеспечение равенства в семейных отношениях определены как одни из приоритетных задач [8].

В октябре 2025 года Президент Шавкат Мирзиёев на совещании, посвящённом вопросам укрепления социальной среды в махаллях и воспитания молодёжи, призвал к более активному продвижению брачных договоров, подчеркнув, что это способствует защите прав детей и предотвращению материальных трудностей для семей после расторжения брака [10]. Кроме того, в стране действует Семейный кодекс Республики Узбекистан как основная правовая база регулирования семейных отношений, в котором институт брачного договора также предусмотрен как отдельный правовой механизм.

Вместе с тем в последние годы в стране наблюдаются определённые изменения в демографических процессах. В частности, сохраняется высокий уровень заключения браков, однако также отмечается тенденция роста числа разводов. По некоторым оценкам, увеличивается доля разводов, приходящихся на 1000 браков [9]. Данная ситуация свидетельствует о необходимости внедрения новых правовых и экономических механизмов для обеспечения устойчивости семьи. Кроме того, усиление процессов трудовой миграции, изменение структуры доходов населения и усложнение имущественных отношений оказывают заметное влияние на семейные отношения. В особенности такие факторы, как раздельное проживание членов семьи, изменения в источниках дохода и перераспределение экономической ответственности, выступают как угрозы стабильности семьи. В этих условиях институт брачного договора приобретает важное значение как эффективный инструмент правового и экономического регулирования семейных отношений. С его помощью создаются возможности для предварительного определения имущественных отношений, распределения экономической ответственности и предотвращения возможных конфликтов в будущем. С этой точки зрения изучение роли брачного договора в

обеспечении устойчивости семьи, его современного состояния и перспектив развития определяет актуальность данного исследования.

Институт брачного договора широко изучался зарубежными и отечественными учёными, при этом его теоретико-правовые и экономические аспекты исследовались на основе различных подходов. Обобщая данные подходы, взгляды различных учёных на брачный договор систематизированы в следующей таблице.

Таблица 1

Подходы учёных к брачному договору

Учёные	Основная идея	Преимущества	Недостатки
Гэри Беккер	Брак как экономический институт, важна распределение ресурсов	Объясняет экономическую эффективность семьи	Недостаточно раскрыт правовой аспект
Ричард Познер	Брак как правовой контракт	Снижает конфликты, обеспечивает определённость	Недостаточно учитываются социальные факторы
Элизабет Скотт	Подход, основанный на свободе договора	Защищает интересы сторон	На практике не всегда обеспечивается равенство
Шелли Лундберг, Роберт Поллак	Модель переговоров (bargaining)	Раскрывает механизмы семейных решений	Преобладает теоретический характер
Джонатан Гловер	Гендерное равенство и защита	Защищает права женщин	Не одинаково применимо во всех обществах
Мамадалиева Хафиза Холдаровна	Снижение роли семейных ценностей	Раскрывает национальные особенности	Брачный договор напрямую глубоко не изучен

Данные таблицы показывают, что подходы к брачному договору являются разнообразными: одни учёные рассматривают его как экономический инструмент, другие акцентируют внимание на его правовых и социальных аспектах. Это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости комплексного изучения данного института.

Гэри Беккер в своей теории экономики семьи рассматривает брак как экономический институт, объясняя процессы распределения ресурсов и принятия решений между членами семьи [1]. По его мнению, брачные отношения основаны на взаимных интересах, а брачный договор позволяет эффективно регулировать данные отношения. Ричард Познер оценивает брак как правовой контракт и рассматривает его в рамках экономического анализа права [2]. По его мнению, брачный договор снижает вероятность конфликтов и сокращает судебные издержки за счёт предварительного определения имущественных отношений. В то же время Элизабет Скотт обосновывает брачный договор как правовой инструмент, обеспечивающий свободу соглашения между сторонами [3]. Исследуя распределение ресурсов и механизмы договорённостей в семейных отношениях, Шелли Лундберг и Роберт Поллак объясняют брачные отношения на основе «модели переговоров» (bargaining model), показывая решающую роль экономических факторов в процессе принятия семейных решений [4]. В их исследованиях брачный договор рассматривается как важный инструмент согласования экономических отношений между членами семьи. В современных исследованиях брачный договор также изучается с точки зрения гендерного равенства и социальной защиты. В частности, Джонатан Гловер и другие исследователи рассматривают брачный договор как механизм защиты экономических интересов женщин [5]. В исследованиях, посвящённых анализу опыта зарубежных стран, показано, что уровень применения и правовой статус брачного договора существенно различаются в зависимости от государства [6].

В отечественных исследованиях особое внимание уделяется вопросам взаимосвязи института семьи, демографических процессов и трудовой миграции. В частности, Мамадалиева Хафиза Холдаровна рассматривает семейные отношения, процессы воспроизводства населения и миграционные процессы во взаимосвязанном контексте [7]. В её исследованиях трудовая миграция оценивается как фактор, оказывающий непосредственное влияние на структуру семьи, устойчивость брака и демографические процессы. В частности, высокий уровень разводов обусловлен не только экономическими факторами, но и социальными изменениями, включая противоречия между традиционными ценностями и современными взглядами молодёжи, вмешательство родственников и ранние браки. Это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости совершенствования правовых и экономических механизмов регулирования семейных отношений, в том числе повышения значимости института брачного договора.

Вместе с тем в отечественных исследованиях институт брачного договора изучен недостаточно глубоко, а его влияние на устойчивость семьи требует отдельного научного исследования. С этой точки зрения анализ существующих научных работ показывает необходимость комплексного изучения института брачного договора в контексте обеспечения устойчивости семьи.

В Узбекистане институт семьи является одной из важнейших социальных основ общества, а его устойчивость непосредственно связана с демографическими и экономическими процессами. В последние годы в стране сохраняется высокий уровень заключения браков, однако одновременно наблюдается определённая тенденция роста числа разводов. Данная ситуация свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов правового и экономического регулирования семейных отношений.

Анализ показывает, что основная часть семейных конфликтов возникает в связи с имущественными отношениями, распределением доходов и экономической ответственностью. Данное положение также можно увидеть на основе данных, представленных в следующей таблице.

Таблица 2

Основные причины семейных конфликтов

Причины	Доля (%)
Экономические проблемы (доходы и имущественные споры)	35%
Несовпадение мировоззрения супругов	20%
Социальные факторы (безработица, стресс)	15%
Вмешательство родственников	15%
Бездетность	5%
Трудовая миграция	5%
Прочие факторы	5%

Из данных таблицы видно, что основная часть семейных конфликтов связана с экономическими факторами, что ещё более повышает значимость института брачного договора.

С этой точки зрения брачный договор выступает как эффективный механизм, позволяющий заранее определить имущественные отношения в семье, распределить экономическую ответственность и снизить вероятность возникновения конфликтов. Его влияние на устойчивость семьи можно представить в следующей таблице.

По результатам анализа установлено, что при наличии брачного договора наблюдается снижение имущественных споров и относительное упрощение процесса развода. Вместе с тем отношение населения к брачному договору пока недостаточно сформировано. Во многих случаях он воспринимается как признак недоверия, что ограничивает его практическое применение. Это, в свою очередь, препятствует полной реализации эффективности данного института.

Таблица 3

Влияние брачного договора на устойчивость семьи

Показатель	При наличии брачного договора	При отсутствии брачного договора
Имущественные споры	Низкий уровень	Высокий уровень
Процесс развода	Упрощённый	Сложный
Экономическая определённость	Высокая	Низкая
Устойчивость семьи	Стабильная	Относительно низкая

Анализ показывает, что широкое внедрение института брачного договора способствует обеспечению экономической определённости в семейных отношениях, снижению имущественных споров и укреплению устойчивости семьи. Особенно высоко его значение в семьях, занимающихся предпринимательской деятельностью, а также в регионах с высоким уровнем трудовой миграции. Согласно полученным результатам, брачный договор выступает важным правовым и экономическим инструментом обеспечения прочности семьи, а его широкое внедрение в практику оказывает положительное влияние на устойчивое развитие семейных отношений.

Выводы и практические рекомендации. По результатам проведённого исследования можно сделать вывод, что брачный договор является важным механизмом правового и экономического регулирования семейных отношений. В современных демографических и социально-экономических условиях его значение в обеспечении устойчивости семьи возрастает. Особенно в условиях снижения влияния национальных ценностей, а также при наличии в отдельных семьях значительной нагрузки на женщин, дисбаланса доходов, усиления трудовой миграции и усложнения имущественных отношений, брачный договор выступает как эффективный инструмент предотвращения семейных конфликтов. Результаты анализа показали, что основная часть семейных конфликтов связана с экономическими факторами, и их предварительное регулирование позволяет обеспечить устойчивость семьи. С этой точки зрения брачный договор играет важную роль в чётком определении имущественных отношений, распределении экономической ответственности и обеспечении правовой определённости в случае расторжения брака. Вместе с тем в Узбекистане уровень практического применения брачного договора остаётся низким. Это, прежде всего, связано с недостаточной популяризацией данного института, недостаточным уровнем правовой культуры населения, а также влиянием национальных традиционных взглядов.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие практические рекомендации:

— усилить правовую пропаганду среди населения, направленную на разъяснение сущности и значения брачного договора;

— упростить порядок заключения брачного договора и совершенствовать его правовые механизмы;

— стимулировать применение брачного договора в регионах с высоким уровнем трудовой миграции;

— внедрить услуги экономического анализа и консультирования в сфере семейных отношений;

— развивать институт брачного договора как институциональный механизм обеспечения устойчивости семьи.

В заключение следует отметить, что на совещании в октябре 2025 года глава государства Шавкат Мирзиёев подчеркнул: «…особенно важно продвигать преимущества заключения брачного договора для предотвращения тяжёлого материального положения детей в случае развода» [10]. Совершенствование института брачного договора и его широкое внедрение в практику будут способствовать обеспечению устойчивости семейных отношений, снижению экономических рисков и повышению благосостояния населения.

Список использованной литературы:

1. Becker G.S. A Treatise on the Family. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
2. Posner R.A. Economic Analysis of Law. – 7th ed. – New York: Aspen Publishers, 2007.
3. Scott E.S. Family Law and the Theory of Contract. – Stanford Law Review, 1990.
4. Lundberg S., Pollak R.A. Separate Spheres Bargaining and the Marriage Market. – Journal of Political Economy, 1993.
5. Glover J. Gender, Family and Economic Inequality. – Journal of Economic Perspectives, 2005.
6. Cherednychenko O.O. Comparative Family Law: Prenuptial Agreements in Different Legal Systems. – European Review of Private Law, 2010.
7. Мамадалиева Хафиза Холдаровна Социально-демографические особенности развития семьи в Узбекистане: монография. – Ташкент: ТГЭУ, 2022.
8. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 года № ПФ–60 «О Стратегии развития Нового Узбекистана».
9. Данные Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. – https://stat.uz
10. https://podrobno.uz/cat/politic/neobkhodimo-propagandirovat-preimush

Роль цифровизации высшего образования в формировании цифровых компетенций населения

Вахабова Д.Х.
старший преподаватель кафедры «Зеленая экономика» PhD, ТГЭУ

Старение населения становится одной из наиболее значимых социальных трансформаций двадцать первого века. Это отражается практически на всех секторах общества . Согласно прогнозам, глобальная численность людей в возрасте 60 лет и старше увеличится с 1,1 миллиарда в 2023 г. до 1,4 миллиарда в 2030 г. Данная тенденция происходит наиболее отчетливо и быстро в развивающихся регионах . В этом контексте возрастает значимость развития цифровых компетенций населения, а также сокращения разрыва между городским и сельским населением.

В Узбекистане, согласно данным Международного союза электросвязи (ITU) несмотря высокий уровень доступности Интернета (96,9% домохозяйств в 2024 году) и положительную динамику развития цифровых навыков населения, сохраняется неравенство по возрастным, гендерным и территориальным характеристикам. Так, в период 2017-2022 гг. доля пользователей, способных отправлять электронные письма с вложениями, увеличилась с 13,8% до 24,1%, тогда как использование VoIP и мессенджеров возросло более чем в два раза — с 26,8% до 65,1%.

Анализ возрастных различий показывает, что в 2022 году уровень цифровых навыков среди молодежи (15–24 лет) достигал 40%, тогда как среди лиц старше 75 лет он составлял лишь 1,5%. Аналогичная ситуация наблюдается и в использовании коммуникационных технологий, где разрыв между молодыми и пожилыми пользователями превышает пятикратный уровень.

Гендерный анализ также свидетельствует о наличии цифрового разрыва: мужчины демонстрируют более высокий уровень цифровых компетенций (27% против 21,2% среди женщин). Территориальные различия в таких компетенциях, как отправление электронного письма через почту и др. также сохраняются — уровень цифровых навыков в городах (в 2018 году 16,7% до 26,7% в 2022 году) стабильно превышает показатели сельской местности (в 2018 году 11,4% до 21,3% в 2022 году). А в использовании VoIP и мессенджеров наблюдается следующий разрыв: с 23,6% в 2018 году до 61,7% в 2022 году в сельской местности. С 29,6% в 2018 году до 68,3% в 2022 году в городской местности.

Особого внимания заслуживает тот факт, что, несмотря на рост цифровой активности в коммуникационной сфере, участие населения в цифровом гражданском взаимодействии (таких как онлайн-консультации и электронное голосование) остается практически на нулевом уровне.

Таким образом, цифровизация в Узбекистане носит преимущественно коммуникационный характер и не сопровождается развитием цифрового гражданского участия. Это указывает на необходимость институциональных реформ, а также системного развития цифровых компетенций в системе образования, включая высшее образование.

Дополнительно следует отметить, что абитуриенты, подающие заявления в высшие учебные заведения Узбекистана в онлайн-формате, уже обладают базовыми цифровыми навыками (регистрация, загрузка документов, отправка заявок). Так, за последние семь лет 7 290 662 абитуриента (см. рисунок 1) дистанционно подали документы для участия во вступительных экзаменах. Это свидетельствует о формировании базового уровня цифровой грамотности среди молодежи. В этой связи система высшего образования может выступать ключевым драйвером дальнейшего развития цифровых компетенций и ускорения цифровой трансформации общества.

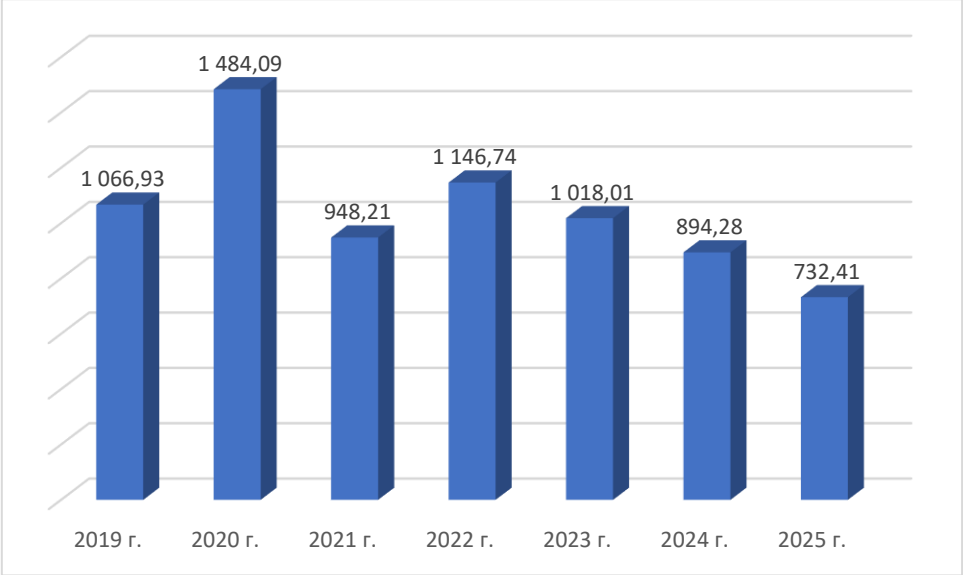

Рисунок 1. Численность абитуриентов подавших завку на участие во вступительных экзаменах, тыс.чел.

Источник: Составлено автором на основе данных https:// www.gazeta.uz /ru/2025/06/26/ students/

Учитывая то, что в ближайшее десятилетие (11-12 лет) доля населения трудоспособного возраста может снизиться с 65% в конце 2021 года до 62%, однако уже к середине 2040-х годов этот показатель должен вернуться к прежнему уровню и составить почти две трети общей численности населения , уже сейчас нужно обучать население старше трудоспособного возраста цифровым навыкам.

Проведённый анализ показывает, что цифровизация в Узбекистане характеризуется высоким уровнем инфраструктурной доступности (доступ к Интернету), однако сопровождается значительными диспропорциями в уровне цифровых компетенций населения по возрастному, гендерному и территориальному признакам. Наиболее выраженный цифровой разрыв наблюдается между молодёжью и пожилыми группами населения, что усиливается в условиях глобального старения населения.

Несмотря на положительную динамику развития базовых цифровых навыков, цифровая активность населения преимущественно сосредоточена в сфере коммуникации (мессенджеры, VoIP), тогда как участие в цифровом гражданском взаимодействии остаётся крайне низким. Это свидетельствует о фрагментарном характере цифровизации и недостаточной интеграции цифровых компетенций в социально-экономические процессы.

Высшее образование выступает ключевым институтом формирования цифровых компетенций. Массовый переход к цифровым сервисам в системе приёма в вузы (более 7,2 млн онлайн-заявок за последние 7 лет) свидетельствует о формировании базовых цифровых навыков у молодёжи. Однако данный потенциал требует дальнейшего развития и институционального закрепления.

В условиях ожидаемых демографических изменений (снижение доли трудоспособного населения в перспективе) возрастает необходимость расширения цифровых компетенций среди старших возрастных групп, что делает систему образования, включая высшее и дополнительное обучение, стратегическим инструментом устойчивого развития.

Рекомендации:

Интеграция цифровых компетенций в образовательные программы.

Разработать и внедрить обязательные междисциплинарные модули по цифровой грамотности и цифровому гражданству во всех направлениях высшего образования.

Развитие концепции «обучения в течение всей жизни» (lifelong learning).

Создать государственные и университетские программы повышения цифровых навыков для населения старших возрастных групп, включая краткосрочные курсы и онлайн-платформы.

Снижение территориального цифрового разрыва

Расширить доступ к качественным цифровым образовательным ресурсам в сельских регионах, включая развитие цифровой инфраструктуры и дистанционных форм обучения.

Сокращение гендерного цифрового неравенства

Разработать целевые образовательные инициативы и программы поддержки, направленные на повышение цифровых компетенций среди женщин.

Стимулирование цифрового гражданского участия

Включить в образовательные программы практико-ориентированные элементы (использование e-government сервисов, участие в онлайн-консультациях, цифровая демократия).

Связь образования с рынком труда

Усилить взаимодействие вузов с работодателями для формирования прикладных цифровых навыков (data literacy, цифровая аналитика, работа с платформами).

Мониторинг и оценка цифровых компетенций

Внедрить национальную систему оценки цифровых навыков населения на основе международных индикаторов (ITU, OECD), что позволит отслеживать эффективность проводимых реформ.

Платформенная среда и женское предпринимательство в крупном городе

Вэй Л.
Санкт Петербургский государственный университет,
Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Современная городская экономика всё в большей степени развивается через цифровые платформы, которые становятся не просто техническим инструментом, а особой средой организации труда, обмена и продвижения [1]. Это особенно заметно в сфере женского предпринимательства, где вход в собственное дело всё чаще осуществляется не через классические формы малого бизнеса, а через маркетплейсы, социальные сети, платформы услуг, агрегаторы заказов и цифровые каналы поиска клиентов. В условиях крупного города платформы снижают порог входа на рынок, расширяют доступ к аудитории и позволяют быстрее начать деятельность без значительных первоначальных

вложений. Вместе с тем они создают и новые формы зависимости, поскольку доступ к клиентам, видимость товара или услуги, темп работы и даже репутация предпринимательницы всё чаще определяются не ею самой, а логикой платформенной инфраструктуры. Именно в этом заключается основное противоречие темы. Цель данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть, каким образом платформенная среда влияет на развитие женского предпринимательства в крупном городе, какие возможности она открывает и какие ограничения одновременно производит.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, женское предпринимательство сегодня всё чаще развивается именно в тех сферах, где цифровые платформы становятся главным каналом входа на рынок, поиска заказов и удержания клиентов. Во-вторых, в крупном городе платформенная среда оказывается особенно значимой, поскольку здесь выше плотность конкуренции, быстрее меняются потребительские запросы и сильнее выражена зависимость бизнеса от цифровой видимости [3]. В-третьих, платформы нередко воспринимаются как пространство новых возможностей для женщин, поскольку позволяют совмещать доходную деятельность с семейным ритмом, уменьшать постоянные издержки и выстраивать более гибкий режим занятости. Однако за этой внешней доступностью скрывается более сложная реальность. Платформы не являются нейтральным посредником: они задают собственные правила допуска, ранжирования, оценки и распределения внимания. Поэтому вопрос состоит не только в том, облегчают ли они старт собственного дела, но и в том, какую именно модель предпринимательства они формируют в городской среде.

С организационной точки зрения платформы создают для женщин-предпринимательниц новые каналы доступа к ресурсам. Речь идёт не только о финансовых возможностях, но и об информации, клиентской базе, доверии, логистике, рекламном продвижении и технической инфраструктуре. То, что раньше требовало длительного накопления связей, аренды помещения, найма сотрудников или включения в устойчивые офлайн-сети, теперь частично становится доступным через цифровой интерфейс. Женщина может начать продавать товары, оказывать услуги, собирать аудиторию и продвигать собственное дело, не проходя весь путь классического малого бизнеса в его традиционной форме. В этом смысле платформенная среда действительно расширяет пространство экономической активности и делает предпринимательство более достижимым. Особенно важно это в крупных городах, где высокая стоимость аренды, насыщенность рынка и сложность прямого входа в устойчивые каналы продаж долгое время оставались серьёзным ограничением. Таким образом, платформы выступают не просто средством коммуникации, а механизмом перераспределения доступа к рыночным возможностям.

Однако платформенная доступность не означает полной автономии. Напротив, по мере включения в цифровую среду предпринимательница оказывается встроенной в систему, правила которой формируются извне [2]. Платформы регулируют порядок выдачи, систему рейтингов, объём комиссий, правила продвижения, способы взаимодействия с клиентом и механизмы санкций. Это означает, что собственное дело всё чаще развивается не как полностью независимый проект, а как деятельность внутри уже заданной инфраструктуры. Такая зависимость может быть особенно чувствительной для малого бизнеса, поскольку даже небольшие изменения алгоритмов, повышение комиссии, блокировка аккаунта или снижение видимости страницы напрямую отражаются на доходе. В результате гибкость, которая изначально воспринимается как преимущество, нередко оборачивается нестабильностью, а свобода входа на рынок сопровождается необходимостью постоянно приспосабливаться к внешним изменениям. Тем самым цифровая среда одновременно расширяет пространство действия и сужает пределы самостоятельного контроля.

Для женского предпринимательства эта ситуация имеет дополнительное значение. Платформы действительно позволяют легче войти в экономическую деятельность, особенно там, где важны гибкий график, возможность работать из дома, постепенное

наращивание занятости и сочетание нескольких повседневных ролей. Но одновременно они усиливают индивидуализацию ответственности. Риски нестабильного дохода, необходимость постоянного присутствия в цифровой среде, высокая зависимость от клиентской оценки, а также значительный объём невидимой организационной работы переносятся на саму предпринимательницу. Речь идёт о коммуникации с клиентами, поддержании цифровой активности, самопрезентации, обработке отзывов, быстрой реакции на запросы и постоянном эмоциональном вовлечении в сервисную работу. Тем самым платформенная среда не просто открывает новые возможности, но и перераспределяет нагрузку, делая её менее заметной как для внешнего наблюдателя, так и для самой участницы этой деятельности. За внешне удобной и гибкой формой занятости скрывается высокая интенсивность повседневного самоконтроля и необходимость всё время поддерживать собственную конкурентоспособность.

Таким образом, платформы выступают одним из важнейших факторов трансформации женского предпринимательства в крупном городе. Они расширяют доступ к рынку, снижают порог входа, позволяют выстраивать более гибкие траектории занятости и быстрее находить клиента [5]. Но одновременно они создают новую зависимость от цифровой инфраструктуры, усиливают нестабильность и переносят значительную часть организационных рисков на самих предпринимательниц. Поэтому платформенную среду следует рассматривать не просто как удобный инструмент, а как особую институциональную и организационную форму, которая одновременно открывает возможности и задаёт ограничения. Анализ этой двойственности позволяет точнее понять, каким образом сегодня меняется женское предпринимательство в условиях крупного города и почему его развитие нельзя объяснять только индивидуальной инициативой, личной мотивацией или готовностью женщины к самостоятельной экономической активности. В этом смысле изучение платформенной среды выводит исследование женского предпринимательства на более широкий уровень анализа городской экономики, труда и современных форм социально организованной зависимости.

Список источников:

1. Р

2. аупов, Ж. Р. Роль и значение цифровых платформ в экономике / Ж. Р. Раупов // Экономика и социум. – 2023. – № 7(110). – С. 604–609.

3. Колодезникова, И. В. Реализация предпринимательского потенциала женщин при ведении бизнеса в сети Интернет / И. В. Колодезникова // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – 2013. – № 3. – С. 27–32. – EDN RQAXFD.

4. Cutolo, D., Kenney, M. Platform-dependent entrepreneurs: Power asymmetries, risks, and strategies in the platform economy // Academy of Management Perspectives. – 2021. – Vol. 35, № 4. – P. 584–605.

5. Чилипенок, Ю. Ю. Женский блогинг как предпринимательская деятельность / Ю. Ю. Чилипенок, Л. С. Данилова // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 3(88). – С. 74–84. – DOI 10.21064/WinRS.2018.3.7. – EDN VABESU.

6. Дерюгин, П. П. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в трансформирующейся России / П. П. Дерюгин, Е. Л. Самарина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2014. – № 8. – С. 87-105. – DOI 10.12731/2218-7405-2014-8-10. – EDN TGRVBP.

7. Толкачев, П. А. Нарративы идентичности предпринимателя: от героического модерна к постмодернистскому множеству ролей // Философская мысль. – 2025. – № 4. – DOI 10.25136/2409-8728.2025.4.73924. – EDN SSFGNH.

Цифровое социальное доверие: роль модерации и верификации

Денисова Э.М., Деминская О.Н.
Севастопольский государственный университет

Аанализируется трансформация социального доверия в условиях цифровизации. На основе синтеза теории Н. Лумана и современных российских эмпирических исследований предлагается авторское определение цифрового социального доверия как функционального эквивалента межличностного доверия, основанного на ожидании корректной работы технологических механизмов модерации и верификации. Представлены результаты корреляционного анализа эмпирических данных (n=60), показывающие, что модерация умеренно связана с субъективным чувством защищённости ($r=+0,52$; $p<0,05$), но не влияет на общее доверие к людям. Влияние верификации на доверие статистически не подтвердилось ($r=-0,03$; $p>0,05$). Делается вывод о частичной подтвержденности гипотез и обосновываются возможные интерпретации полученных результатов.

Ключевые слова: цифровое доверие, социальное доверие, модерация, верификация, цифровые платформы, Никлас Луман, корреляционный анализ, российская социология.

Введение. В условиях тотальной цифровизации социальных практик проблема доверия приобретает принципиально новые очертания. Если в традиционных обществах доверие строилось на личном опыте, репутации и институциональных гарантиях, то сегодня всё большее число взаимодействий опосредовано цифровыми платформами — от государственных услуг и интернет-банкинга до маркетплейсов и социальных сетей [1, с. 45]. При этом ключевая особенность современной ситуации заключается в том, что пользователь вынужден доверять не столько конкретному человеку или организации, сколько невидимым для него технологическим механизмам: алгоритмам модерации, системам верификации аккаунтов, процедурам проверки данных.

В российской социологической дискуссии всё чаще поднимается вопрос о «дефиците доверия» к цифровым институтам, однако сам механизм формирования этого доверия через технические процедуры остаётся недостаточно концептуализированным [2; 3]. Особенно остро эта проблема стоит в контексте роста фейковой информации, мошенничества и «отмены приватности», когда именно качество модерации и верификации напрямую определяет, будет ли пользователь готов совершить действие или предпочтёт отказаться от взаимодействия.

Теоретические основы исследования. Понятие доверия является одной из фундаментальных категорий социологического анализа, позволяющей объяснить стабильность социальных взаимодействий в условиях неопределённости. В классической работе Н. Лумана доверие трактуется не столько как психологическое состояние, сколько как механизм редукции социальной сложности [1, с 10-15]. Луман утверждал, что без способности «приписать» ожидания будущего поведения другого агента (будь то человек или система) повседневная рутина была бы парализована бесконечным страхом перед возможными негативными исходами. Таким образом, доверие можно интерпретировать как своего рода «социальный катализатор», ускоряющий принятие решений и нейтрализующий парализующий эффект от страха негативных исходов.

Однако при переносе оптики Лумана в пространство цифровых коммуникаций мы сталкиваемся с теоретическим разрывом. Традиционная дилемма доверия у Лумана строилась вокруг бинарной оппозиции «личное знакомство» и «системное доверие». В классическом обществе мы доверяли институтам, потому что они обладали атрибутами власти и историей репутации. В цифровую эпоху агент, заслуживающий доверия, часто является невидимым: это не человек «в костюме», а сложный алгоритм, рекомендательная лента или распределённый реестр.

Современные российские исследователи, в частности Ю.В. Веселов и Н.Г. Скворцов, указывают на трансформацию «культуры доверия» под влиянием цифровизации [4, с. 22–

25]. Они отмечают, что если в аграрных и индустриальных обществах России доверие было партикуляристским, то цифровая среда вынуждает пользователя вырабатывать новые формы генерализованного доверия — на этот раз к «невидимому коду». Здесь возникает ключевой парадокс: в условиях, когда интерфейс становится единственным посредником, доверие к контрагенту подменяется доверием к технологическому артефакту.

В контексте нашей статьи мы предлагаем рассматривать модерацию и верификацию как два взаимосвязанных инструмента создания именно системного цифрового доверия. Модерация (как человеческий, так и автоматический фильтр) и верификация (подтверждение подлинности) призваны снизить энтропию в цифровых системах. Как показали А.Г. Санина и соавторы, в датацентричных системах управления доверие к техническим системам выступает критическим медиатором: пользователь готов взаимодействовать не потому, что он лично знает администратора платформы, а потому, что он доверяет «железу» и процессу проверки данных [5, с. 67].

Эмпирическая база и методика. Согласно данным отчёта РОМИР «Информационные технологии в восприятии россиян - 2024», отечественная социология фиксирует амбивалентность цифрового доверия [6]. С одной стороны, исследование демонстрирует преобладание технорационализма: 39,5% респондентов проявляют оптимистичный взгляд на внедрение технологий, а уровень технофобии минимален. С другой - наблюдается значительный разрыв между высокой тревожностью и реальными действиями по защите данных. Так, 57,4% россиян обеспокоены утечкой персональных данных и использованием их в мошеннических целях, а 55,4% опасаются потери доступа к аккаунтам. Однако при этом лишь 28,5% читают соглашения о конфиденциальности, а 30,2% проверяют уровень безопасности сайтов.

Таким образом, теоретический синтез подходов Лумана и современных российских эмпирических исследований позволяет нам определить цифровое социальное доверие как функциональный эквивалент традиционного межличностного доверия, основанный на ожидании корректной работы технологических механизмов модерации и верификации, снижающих неопределённость в среде с высоким уровнем анонимности и информационной асимметрии.

Эмпирическую базу исследования составили данные авторского анкетного опроса, проведённого в 2026 году. Выборка (N=60) носила целевой характер и включала пользователей цифровых платформ (социальных сетей, маркетплейсов, государственных порталов) в возрасте от 18 до 45 лет. В структуре выборки: 50% респондентов с гуманитарным образованием (или профилем деятельности) и 50% — с техническим, что позволило провести сравнительный анализ по данному критерию.

В ходе исследования проверяются две гипотезы:

Г1 - Высокая модерация в сетевых сообществах способствует более высокому уровню социального доверия;

Г2 - Символ верификации в сетевых сообществах повышает социальное доверие.

Операционализация ключевых понятий осуществлялась через систему эмпирических индикаторов, зафиксированных в вопросах анкеты.

1. **Модерация** измерялась через субъективную оценку респондентом уровня модерации в часто используемых сообществах с вариантами ответа: «высокий», «средний», «низкий», «отсутствует», «не обращал внимания».

2. **Чувство защищённости через модерацию** фиксировалось ответами на вопрос о том, помогает ли модерация чувствовать себя защищённым: «да», «отчасти», «нет», «затрудняюсь ответить».

3. **Верификация** определялась как наличие знаков верификации у участников сообщества: «да, у многих», «у некоторых», «нет, таких знаков нет», «не обращал внимания».

4. **Влияние верификации на доверие** оценивалось по шкале: «сильно влияет», «отчасти влияет», «затрудняюсь ответить», «не влияет / совсем не влияет».

Для целей статистического анализа исходные порядковые шкалы были перекодированы в числовые.

Для проверки гипотез использовался коэффициент корреляции Пирсона (r). Статистическая значимость оценивалась на уровне $p < 0,05$ (см. табл. 1). Обработка данных выполнена в программной среде Excel.

Таблица 1

Корреляционный анализ гипотез о факторах доверия

Гипотеза	**Проверяемая связь**	**Коэффициент корреляции (r)**	**Уровень значимости**	**Подтверждение**
Г1	Модерация-чувство защищённости	+0,52	$p < 0,05$	Частично
Г1	Модерация - готовность доверять в реальной жизни	+0,11	$p > 0,05$	нет
Г1	Модерация - общее доверие к людям	+0,08	$p > 0,05$	нет
Г2	Верификация - влияние на доверие	–0,03	$p > 0,05$	нет

При визуализации связи «модерация — защищённость» выявлено, что при высокой модерации (инверс. балл 5) 70% респондентов ответили «Да» или «Отчасти», тогда как при низкой или отсутствующей модерации (инверс. балл 2–3) 80% ответили «Нет».

Дополнительные корреляции для гипотезы 2 (n=60) показали отсутствие значимой связи между верификацией и влиянием на доверие как в общей выборке (r=–0,03), так и в подвыборках респондентов с гуманитарным образованием (r=+0,06) и с техническим образованием (r=–0,09). Связь верификации со снижением доверия из-за подозрительных аккаунтов также оказалась очень слабой (r=+0,11).

Заключение

По гипотезе 1 (влияние модерации на доверие) можно сделать следующие выводы: Гипотеза подтверждается частично. Обнаружена умеренная положительная корреляция ($r=+0,52$; $p<0,05$) между уровнем модерации и субъективным чувством защищённости участников. Респонденты, оценивающие модерацию как высокую, в 2,3 раза чаще чувствуют себя защищёнными благодаря работе модераторов. Модерация не влияет на общее доверие к людям или готовность доверять в реальных жизненных ситуациях. Доверие, сформированное в сети, не транслируется автоматически на офлайн-контексты. Различий между гуманитариями и технарями не выявлено.

По гипотезе 2 (влияние верификации на доверие):

Гипотеза не подтверждается. Коэффициент корреляции ($r=–0,03$; $p>0,05$) близок к нулю. Наличие символов верификации в сообществе не связано с тем, насколько пользователь считает верификацию важной для доверия. Возможные интерпретации: верификация воспринимается как абсолютная ценность (важна всегда, независимо от

опыта); большинство респондентов не замечают верификацию в своих сообществах (25% ответили «Не обращал внимания»); влияние верификации может быть опосредовано другими факторами (например, размером сообщества или типом платформы).

Результаты корреляционного анализа показали, что гипотеза о влиянии модерации на доверие подтверждается лишь в отношении субъективного чувства защищённости ($r=+0,52$; $p<0,05$). Респонденты, высоко оценивающие уровень модерации в своих сообществах, значимо чаще отмечают, что чувствуют себя более защищёнными благодаря работе модераторов. Однако модерация не оказывает значимого влияния на общее доверие к людям или готовность доверять в реальных жизненных ситуациях.

Гипотеза о влиянии верификации на доверие не нашла эмпирического подтверждения. Коэффициент корреляции между наличием знаков верификации в сообществе и оценкой их влияния на доверие близок к нулю ($r=–0,03$; $p>0,05$). Это может свидетельствовать о том, что верификация воспринимается респондентами как абсолютная ценность, либо о недостаточной заметности данного элемента в используемых сообществах.

Список литературы:

1. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева ; под ред. Н.А. Головина. - СПб. : Наука, 2007. - 648 с.

2. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе: вызовы и перспективы / Ю.В. Веселов, Н.Г. Скворцов // Социологические исследования. -2021. - № 3. - С. 20–30.

3. Санина А.Г. Доверие к техническим системам в датацентричном управлении / А.Г. Санина, Е.В. Кузнецова, М.А. Терехов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. -2022. -№ 4. - С. 60-78.

4. Скворцов Н.Г. Культура доверия в условиях цифровой трансформации / Н.Г. Скворцов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2020. — Т. 23, № 2. — С. 18–35.

5. Санина А.Г. Цифровое доверие как социологическая категория / А.Г. Санина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 55–72.

6. РОМИР. Информационные технологии в восприятии россиян – 2024 [Электронный ресурс]: аналитический отчет. — М. : РОМИР, 2024. — Режим доступа: https://romir.ru/ (дата обращения: 10.04.2026).

Социальные реалисты и цифровые авангардисты в обществе дополненной современности (итоги пилотажного исследования)

Дерюгин П. П., Кузнецова О.В., Алексеева О. М., Юй Я.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский государственный электро-технический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Центр содействия адаптации детей-инофонов, ГАОУ ДПО МО «Корпоративный университет развития образования»,
Российско-китайский центр междисциплинарных исследований Социологического института РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Цифровизация социальных связей представляет собой комплексный феномен, который радикально трансформирует традиционные модели взаимодействия, заменяя их

цифровыми и гибридными практиками. В данной работе проводится исследование, направленное на выявление новых ценностных оснований групповой солидарности среди молодёжи в контексте цифровизации. Объект исследования - студенты Санкт-Петербурга. Данные были собраны в 2026 году и представляют собой репрезентативную выборку для анализа текущих тенденций в формировании социальных связей. Методологическая основа исследования интегрирует классические социологические теории солидарности (Эмиль Дюркгейм, Карл Маркс, Толкотт Парсонс) с современными концепциями дополненной реальности, включая работы в области цифровых технологий и социальных медиа. Анкетирование, проведённое среди респондентов, включало ранжирование различных ценностных категорий, что позволило выявить ключевые факторы, определяющие их отношение к социальной солидарности. Использован метод анкетирования, предполагавший ранжирование от 1 до 20 ценностей, характеризующих, институциональную, интеракционистскую, сетевую и потоковую солидарности (по пять позиций). Рейтинги суммировались по типам ценностей и обобщались в две группы, ценности социальной реальности и ценности дополненной современности. Эмпирическая часть осуществлена в 2026 г. в университетах Санкт-Петербурга.

В рамках исследования был применен метод анкетирования, который предусматривал ранжирование от 1 до 20 различных ценностей, отражающих институциональную, интеракционистскую, сетевую и потоковую солидарности (по пять позиций для каждой категории). Полученные рейтинги были суммированы по типам ценностей и классифицированы в две основные группы: ценности социальной реальности и ценности дополненной современности. Эмпирическая часть исследования была проведена в 2026 году в университетах Санкт-Петербурга.

Результаты исследования демонстрируют, что 61% опрошенных можно отнести к категории «цифровых авангардистов», которые рассматривают цифровые технологии как основу для формирования социальной солидарности. В то же время лишь 10,3% респондентов полагаются на традиционные институциональные механизмы. Выявлен значительный разрыв в восприятии взаимопомощи: «реалисты» высоко оценивают её значимость (0,22), однако демонстрируют низкую готовность к участию в институциональных формах (0,08). В то же время «авангардисты» также высоко оценивают взаимопомощь (0,13), но проявляют меньшую активность в её реализации (0,10). «Реалисты» связывают взаимопомощь с локальными сообществами (0,38), в то время как «авангардисты» акцентируют внимание на гибких сетевых структурах (0,16) и культуре мгновенной помощи (0,20). Наблюдается рост значимости цифровых диаспор (0,16 против 0,09) и алгоритмической солидарности (0,10 против 0,08).

Анализ полученных данных демонстрирует явное доминирование ценностей цифровой солидарности в современной социальной структуре. Молодые люди активно формируют социальные связи, выходящие за рамки географических границ, а алгоритмы машинного обучения целенаправленно подбирают контент, способствующий усилению чувства принадлежности к определённым группам. Традиционные институты, напротив, теряют свою значимость: лишь 10,3% респондентов (23 из 223) считают их основой социальной солидарности. Лишь 7 человек в качестве ключевой ценности выделили сохранение связей с исторической родиной, что свидетельствует о переориентации молодёжи на цифровые формы взаимодействия.

Прослеживается тенденция к фрагментации социальной солидарности и маргинализации живого общения. Только 6,5% респондентов разделяют интеракциональные ценности, что указывает на снижение значимости межличностных взаимодействий. Отказ от реального общения сопровождается ростом сетевой солидарности: 15,5% респондентов отмечают её возрастающую роль, а также тенденцию к увеличению значимости краткосрочных объединений, так называемой потоковой солидарности, которая составляет 7,3%. В молодёжной среде наблюдается ослабление

реальных социальных связей, которые компенсируются цифровой солидарностью, зачастую имеющей поверхностный характер и сводящейся к лайкам и репостам.

Алгоритмы машинного обучения, направленные на персонализацию контента, усиливают поляризацию общества через создание эхо-камер. В результате социальная солидарность строится не на созидании общих ценностей, а на отрицании «чужих». Это приводит к формированию фрагментированного социального пространства, где реальные социальные связи уступают место цифровым формам взаимодействия, которые, несмотря на свою распространённость, не всегда способствуют укреплению социальной сплочённости.

Выводы: современное общество находится в состоянии переходного периода, где цифровизация социальных связей формирует новые формы общности и идентичности. Для обеспечения устойчивого развития необходимо разработать комплексный подход, который интегрирует традиционные и цифровые механизмы формирования социальной солидарности, а также повысить уровень цифровой грамотности среди молодёжи.

Литература:

Иванов Д.В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 23–36).

Гапич, А. Э. Теоретико-методологические основы исследования феномена коммуникативной солидарности в социальных сетях / А. Э. Гапич, А. В. Кучукян // Общество: социология, психология, педагогика. — 2017. — № 3. — URL: (дата обращения: 22.03.2026).

Дерюгин, П. П. Ценности дополненной социальности в восприятии возрастных когорт ки тайцев: опыт эмпирического исследования / П. П. Дерюгин, Л. Вэй, А. В. Бакулин [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — № 10 (160). — DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.44.

Исследование факторов, влияющих на принятие управленческих решений с использованием социальной аналитики

Джуманов А.А.,
к.т.н., исследователь Международного
Вестминстерского университета в г. Ташкенте

В сериях экспериментов, проведенных в небольших обществах, обнаружены убедительные доказательства того, что просоциальные нормы справедливости и взаимности усиливаются с большей интеграцией рынка. При этом, необходимо различать лежащие в основе «просоциальные нормы» и «просоциальное поведение», где первые могут вызывать вторые. Соответственно, в исследовании используется термин «***поведение***» только для действий, демонстрируемых испытуемыми в ходе эксперимента для оценки формирования социальной номы.

Большая интеграция рынка ослабляет сильные механизмы обеспечения соблюдения норм в сообществе, связанные с небольшими обществами, увеличивая вероятность оппортунизма. Осознавая это и стремясь получить выгоду от большего разделения труда, участники обмена реагируют, вознаграждая такие качества, как справедливость и взаимность, в отношениях с незнакомцами, и наказывая случаи несправедливого поведения. Соответственно, большая интеграция рынка укрепляет просоциальные нормы по отношению к незнакомцам [**Ошибка! Закладка не определена.**,**Ошибка! Закладка не определена.**,**Ошибка! Закладка не определена.**]. Однако в этих исследованиях рыночной интеграции рассмотрены исключительно роли неформальных институтов, таких как механизмы обеспечения соблюдения норм на уровне сообщества, в структурировании и

регулировании обмена в примитивных обществах. Соответственно, эта концепция рыночной интеграции не учитывает:

(а) обширные, безличные рынки и узкоспециализированное разделение труда, характеризующие современный обмен, и

(б) то, что обменные операции регулируются как формальными, так и неформальными институтами [**Ошибка! Закладка не определена.**].

Цель данного раздела исследования – расширить это направление исследований в обоих измерениях, чтобы изучить, является ли просоциальное поведение сильнее или слабее в более рыночно-ориентированных экономиках [**Ошибка! Закладка не определена.**]. Во-первых, расширяется фокус, чтобы включить обширные рынки, где обменные транзакции более эфемерны и анонимны, чтобы изучить предрасположенность к справедливости и честности по отношению к незнакомцам в ситуациях, когда выгоды от торговли возрастают, но где механизмы мониторинга и обеспечения соблюдения правил сообществом становятся соответственно более размытыми. Во-вторых, путем явного включения формальных институтов, которые развиваются одновременно, чтобы поддерживать обмен на обширных рынках, можно изучить, вытесняется ли или вытесняется ли просоциальное поведение более развитыми, совместимыми с рынком формальными институтами.

Экономики на разных этапах перехода предоставляют подходящую среду для выявления преобладания социально ориентированного поведения по сравнению с эгоистичным. В то время как экономики на ранних этапах характеризуются относительно небольшими, однородными клановыми и родственными сетями, повсеместной коррупцией и заботой о коллективных интересах [3], более рыночно-ориентированные экономики на более поздних этапах отличаются более обезличенной торговлей с все более разнородными партнерами и усиленными денежными стимулами.

Ряд связанных исследований проведены эксперименты как в условиях отдельных, так и в сравнительных условиях стран с переходной экономикой, но без перехода (или рыночной интеграции) в качестве основного вопроса. Напротив, те немногие экспериментальные исследования, которые явно фокусируются на переходном периоде [**Ошибка! Закладка не определена.**], проводятся в отдельных условиях. Таким образом, в экспериментальной литературе существует пробел, изучающий взаимосвязь между переходным этапом и просоциальным поведением. Учитывая задокументированную роль такого поведения в структурировании обменных отношений, растущее число обменных транзакций, проводимых с экономическими единицами из стран с переходной экономикой, и множество экономик, находящихся на пути перехода, это, безусловно, нетривиальная проблема.

Социальные нормы представляют собой общепринятые представления о том, что является приемлемым поведением среди значительной части определенной социальной группы. Они побуждают к конформизму в поведении, даже ценой личных жертв, и обеспечиваются внеправовыми санкциями, которые могут быть как внутренними – смущение, чувство вины и т. д., так и внешними: например, неодобрение, остракизм и т. д.. Социальные нормы развиваются посредством механизма интернализации – чем больше членов сообщества интернализируют норму, тем больше другие члены будут ей соответствовать, учитывая условное предпочтение конформизма. В основе поведения в данном обществе лежат нормы, которые влияют на него (например, в ходе экспериментов), либо когда внимание индивида привлекается к ним, либо когда он наблюдает за тем, как другие ведут себя в соответствии с этой конкретной нормой [**Ошибка! Закладка не определена.**].

Различные ученые приводят доказательства роли социальных норм справедливости, взаимности и честности как противодействующих сил мотивам личной выгоды [**Ошибка! Закладка не определена.**]. Например, предлагается доказательство справедливого поведения, поскольку люди, по-видимому, оставляют чаевые одинаково как в местных

ресторанах, предположительно, чтобы поощрить хорошее обслуживание в следующий раз, так и при использовании такси, когда вероятность повторного обращения невелика [**Ошибка! Закладка не определена.**]. В экспериментальных условиях предложения в игре «ультиматум» обычно составляют 40–50% от суммы ставки, и участники, как правило, отклоняют предложения ниже 20%, а участники экспериментов в игре «диктатор» обычно делают позитивные предложения, даже если у получателя нет возможности отклонить предложенное разделение. Аналогично, несколько исследователей приписывают проявление норм честности таким явлениям, как соблюдение налогового законодательства, сдача полных кошельков в полицейские участки , раскрытие поставщикам расхождений в счетах-фактурах в свою пользу и возврат полностью адресованных и проштампованных «потерянных писем» с деньгами их законным владельцам.

Исходя из вышеизложенного, возникает актуальный вопрос – просоциальное поведение сильнее или слабее в более рыночно-ориентированных экономиках? Существуют интуитивные аргументы в поддержку каждого утверждения. С одной стороны, ряд ученых утверждают, что нормы справедливости, взаимности и честности, вероятно, будут сильнее в более рыночно-ориентированных экономиках с более развитыми формальными институтами по трем основным причинам. Во-первых, в то время как для стран на ранних стадиях перехода характерен обмен, обычно проводимый внутри внутренне однородных, высоко сплоченных клановых и родственных сетей, первоначально созданных для обхода ограничений планирования [2], обмен в более рыночно-ориентированных странах на более поздних стадиях перехода является более эфемерным, анонимным, и осуществляется в более широком географическом и временном пространстве. Соответственно, по мере того как рыночная экономика ослабляет роль механизмов обеспечения соблюдения общественных санкций, индивидам необходимо создавать и поддерживать репутацию честных и справедливых людей, чтобы получать выгоду от торговли на обширных рынках [**Ошибка! Закладка не определена.**]. Во-вторых, заменив плановую экономику, характеризующуюся повсеместной коррупцией, где преимущества произвольно предоставлялись одним, а другим нет, на ориентированную на заслуги рыночную экономику (где такие качества, как результативность, в основном, соизмеримы соответствующим образом), индивиды, вероятно, будут проникнуты большим чувством справедливости. В-третьих, развитие формальных институтов, поддерживающих рынок, повышает эффективность механизмов правового регулирования (улучшая наблюдаемость и проверяемость), снижая выгоды от девиантного поведения и, таким образом, поощряя честное и справедливое поведение по отношению к незнакомцам [2]. В одном из немногих исследований, затрагивающих просоциальное поведение и переходный период, обнаружено, что жители Западной Германии демонстрируют значительно более кооперативное поведение, чем их восточные коллеги [**Ошибка! Закладка не определена.**]. Ряд ученых предполагают, что нормы справедливости/взаимности и честности, вероятно, слабее в более рыночно-ориентированных экономиках по трем причинам. Во-первых, теория некооперативных игр предполагает, что рыночные экономические условия, характеризующиеся большей безличностью, эфемерными контрактами и легкостью входа и выхода, ослабляют проблемы контроля и смягчают санкционирующую роль клановых/родственных сетей, основанных на повторяющихся взаимодействиях. Это делает все более «привлекательным для некоторых игроков обманывать и предать, принимая относительно низкий риск быть пойманным». Соответственно, становится сложнее поддерживать справедливые и честные практики. Это может объяснить вывод о том, что жители деревень, расположенных ближе к главному рыночному городу в боливийской Амазонии, делают значительно меньшие предложения в игре «ультиматум». В этом исследовании утверждается, что «повышенная анонимность в более крупных, рыночных обществах может… сделать оппортунистический предательство распространенной и заметной социальной нормой» [4]. В аналогичном ключе, в другом исследовании рассмотрены два варианта игры в ультиматум – с давлением, связанным с выживанием, и

без него, и приходят к выводу, что «смысл справедливости или честности меняется, как только агенты сталкиваются с типами опасностей для выживания, присутствующими в рыночных институтах» [1].

Во-вторых, в то время как государственный социализм характеризовался общим отсутствием частной собственности и отсутствием денежных стимулов, полноценные рыночные экономики в значительной степени монетизированы и ориентированы в большей степени на внешнюю мотивацию. Соответственно, более эгалитарные представления и сопутствующие заботы о коллективе в странах с переходной экономикой на ранних стадиях, вероятно, уступят место уважению к собственным интересам, денежному вознаграждению и максимизации богатства в странах с переходной экономикой на более поздних стадиях. Во-третьих, повышая эффективность механизмов правового регулирования, одновременное развитие формальных институтов снижает необходимость для индивидов полагаться на социальные нормы для обеспечения справедливых отношений.

Список использованной литературы:

1.Henrich, J., Boyd, R., Bowles, S., Camerer, C., Fehr, E., Gintis, H., McElreath, R., Alvard, M., Barr, A., Ensminger, J., Smith Henrich, N., Hill, K., Gil-White, F., Gurven, M., Marlowe, F.W., Patton, J.Q., Tracer, D., 2005. Economic man in cross-cultural perspective: behavioral experiments in 15 small-scale societies. Behavioral and Brain Sciences 28, 795–855.

2.Bowles, S., Gintis, H., 1998. The moral economy of communities: structured populations and the evolution of pro-social norms. Evolution and Human Behavior 19, 3–25.

3.Gneezy, U., Rustichini, A., 2000. A fine is a price. Journal of Legal Studies 29, 1–17.

4.Reeson, A.F., Tisdell, J.G., 2008. Institutions, motivations and public goods: an experimental test of motivational crowding. Journal of Economic Behavior and Organization 68, 273–281.

Социологический анализ трансформации образовательных практик студентов в условиях цифровизации

Долгова Т.А.
Севастопольский государственный университет

Проблема исследования: противоречие между жесткими институциональными требованиями образовательной организации (стремлением к стандартизации, контролю и сохранению академических норм) и реальными повседневными образовательными практиками студентов, которые стремительно перемещаются в цифровую среду и приобретают все более неформальный характер.

Гипотеза исследования: формальные образовательные практики, инициируемые образовательной организацией (лекции, семинары, практические занятия, зачёты, экзамены и т.д.), эволюционируют в сторону гибридного формата, сохраняя академические нормы. Повседневные практики студентов (ведение конспектов, поиск и чтение научной литературы, подготовка заданий и т.д.) мигрируют в цифровую среду, часто минуя официальные каналы, что ведёт к формированию новых неинституционализированных способов обучения. При этом предполагаются различия в образовательных практиках между студентами гуманитарных и технических направлений. У гуманитариев, чья учебная деятельность преимущественно связана с работой с текстами и самостоятельным освоением материала, цифровизация проникает глубже: они активнее используют электронные библиотеки, нейросети, цифровые заметки и мессенджеры для обсуждения заданий. У технарей, напротив, больше практических и лабораторных занятий, которые требуют непосредственного взаимодействия с преподавателями и другими студентами, поэтому они в большей степени сохраняют приверженность очным формам общения, личным консультациям и работе с оборудованием, что снижает их потребность в полной

цифровизации учебных практик. Также ожидаются различия между младшими и старшими курсами: к старшим курсам студенты больше погружены в цифровую среду и демонстрируют более высокий уровень использования цифровых инструментов в учебной деятельности. Объект исследования: образовательные практики студентов. Предмет исследования: трансформация образовательных практик студентов в условиях цифровизации образования.

Предполагаемые результаты:

1. Будет эмпирически подтверждено, что формальные образовательные практики (лекции, семинары, экзамены) сохраняют академические нормы и эволюционируют в сторону гибридного формата, в то время как повседневные практики студентов (конспектирование, поиск литературы, подготовка заданий) мигрируют в цифровую среду, минуя официальные каналы, что ведёт к формированию новых неинституционализированных способов обучения.

2. Ожидаемые различия между гуманитариями и технарями подтвердятся: гуманитарии будут демонстрировать более глубокое проникновение цифровизации в учебные практики (активное использование электронных библиотек, нейросетей, цифровых заметок и мессенджеров), тогда как технари сохранят большую приверженность очным формам общения, личным консультациям и работе с оборудованием.

3. Ожидаемые различия между младшими и старшими курсами подтвердятся: студенты старших курсов окажутся более погружёнными в цифровую среду и будут демонстрировать более высокий уровень использования цифровых инструментов в учебной деятельности по сравнению с младшими курсами.

4. Будут выявлены основные направления и механизмы трансформации образовательных практик студентов под воздействием цифровизации.

5. На основе полученных результатов будут разработаны практические рекомендации по совершенствованию образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего образования в цифровую эпоху.

Формирования приоритетов стратегических целей социально-экономического развития региона

Закирова У.М.
Ташкентский государственный экономический университет

Решение проблемы разработки стратегических целей социально-экономического развития региона, как и любой другой проблемы управления, имеет определенную логику.

Содержание логики стратегического регионального целеполагания раскрывает следующие ее структурные элементы:

определение социальных целей стратегического развития региона;

обоснование стратегического выбора региона;

разработка системы экономических целей стратегического развития региона.

Перспективным целям социального развития региона должен соответствовать его новый стратегический выбор. Речь идет об обосновании перечня приоритетных функций, которые регион будет реализовывать в стратегической перспективе, что должно позволить в свою очередь обеспечить достижение главных целей его комплексного развития.

Принципиальная схема формирования целей стратегического социально-экономического развития региона приведена на рис. 1.

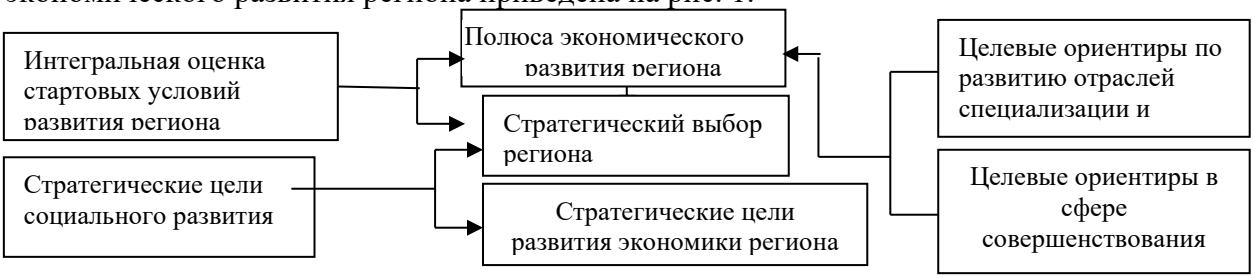

Рис. 1. Схема формирования приоритетов стратегических целей социально-экономического развития региона[7]

Важным методологическим вопросом стратегического анализа социально-экономического развития региона является определение последовательности выполнения аналитических работ. Анализ различных аспектов экономики региона проводится с целью диагностики проблем и разработки тактики и стратегии регионального развития. Для анализа экономики регионов используются в основном те же макропоказатели, что и для анализа национальной экономики. Это валовый региональный продукт, доходы населения, с учетом их покупательной способности, природно-экономический потенциал, сосредоточенное на территории региона и др. Для межрегиональных сопоставлений эти данные берутся в расчете на душу населения, одного трудоспособного или занятого. Стоимостные показатели сопоставляются с темпами инфляции.

В настоящий момент отечественными и зарубежными исследователями накоплен определенный опыт анализа социально-экономического положения регионов.

Так, в США одной из распространенных форм оценки социально-экономического положения штатов и городов является ежегодная разработка так называемых статистических карт, содержащих четыре обобщающих индекса индекс экономической эффективности, индекс деловой жизнеспособности, индекс потенциала роста, налогово-фискальный индекс.

Получил распространение метод анализа региональной экономики через сравнение конкурентных преимуществ. В этом случае оценка уровня развития территории производится на основе таких критериев как доступ к ресурсам, географическое положение, квалификация рабочей силы, наличие и стоимость помещений, развитие региональной финансовой системы, политика местной администрации, качество жизни.

Вместе с тем, механическое использование этого опыта не представляется целесообразным, так как ориентация только на традиционные статистические показатели (уровень безработицы, производительность труда, объем промышленного производства и т.д.), без учета специфики их интерпретации, не позволяет в полной мере отразить объективные особенности трансформирующейся экономики регионов.

Анализ и оценка положения в регионах весьма затруднены ввиду отсутствия в них многих требуемых условий (надежных методических подходов, нужной информации, специальных аналитических служб и пр.)

Основная сложность заключается в невозможности дать однозначную интегральную оценку ситуации в регионах. Регион как сложная социально-экономическая система выполняет множество общественно полезных функций, которые являются главным группировочным признаком классификации целей.

К числу основных функций региональной системы следует отнести базисные, экономические на основе которых выполняются также социально-экономические социальные, административно-управленческие, рекреационно-экологические и другие. Конечной целью развития хозяйства региона является повышение жизненного уровня населения. Это основополагающий принцип, на котором базируется новая стратегия экономических преобразований в регионе. Экономической основой социального подхода является заинтересованность территорий в повышении эффективности производства и решении на этой основе социальных и других проблем.

Таким образом, формирование целевых установок в части социального развития региона вытекает из выполняемой им социальной функции, существо которой может быть сведено к обеспечению стандартов качества жизни населения, реализация которых находится в компетенции субъекта Республики Узбекистан.

[7] Разработка автора

Основные направления интеграции Узбекистана и Российской Федерации

Исламов Б.А., Талипова Н.Т., Турдибаева М.М.,
Ташкентский филиал Российского
экономического университета им. Г.В Плеханова

Проведённое исследование показало, что углубление интеграции Узбекистана в рамках СНГ и взаимодействие с Россией имеют стратегическое значение для устойчивого социально-экономического развития страны. Узбекистан, находясь на этапе модернизации экономики и либерализации внешнеэкономической политики, объективно заинтересован в расширении торгово-экономических связей, диверсификации рынков и привлечении инвестиций. Россия, в свою очередь, остаётся ключевым торговым партнёром и стратегическим союзником, что открывает возможности для формирования долгосрочных и взаимовыгодных форм сотрудничества.

Анализ интеграционных процессов позволил выявить как значительный потенциал, так и существующие барьеры — институциональные, нормативные и инфраструктурные. Для их преодоления необходимо развитие комплексных мер, включающих совершенствование правовой базы, гармонизацию технического регулирования, расширение межрегиональных связей и активное использование цифровых инструментов в торгово-экономической сфере. Особое значение приобретает сотрудничество в энергетике, транспорте и логистике, агропромышленном комплексе и инвестиционной деятельности.

Отдельное внимание следует уделить синхронизации стратегий экономического развития Узбекистана и России, что позволит максимально использовать эффекты комплементарности их экономик. В этом контексте важным направлением выступает участие Узбекистана в многосторонних интеграционных форматах, включая СНГ и ЕАЭС, где возможно поэтапное углубление сотрудничества без ущерба для национальных интересов. Такой подход создаёт условия для поэтапной адаптации национальной экономики к повышенной конкуренции, а также для защиты уязвимых отраслей.

Перспективы развития интеграционного взаимодействия во многом будут определяться эффективностью работы двусторонних и многосторонних механизмов — межправительственных комиссий, деловых советов, специализированных союзных программ. Их активизация позволит не только институционализировать интеграционные инициативы, но и обеспечить гибкость реагирования на вызовы глобальной экономики.

Проведённый анализ показал, что интеграционное сотрудничество Узбекистана и России в рамках СНГ и формирующихся евразийских институтов обладает высоким потенциалом, но сдерживается рядом барьеров — институциональных, инфраструктурных, финансовых и кадровых. Существующие ограничения проявляются в несогласованности стандартов, высокой стоимости транспортно-логистических услуг, недостаточной цифровизации документооборота, валютных рисках и ограниченном доступе предприятий к финансовым инструментам.

Вместе с тем выявлено, что при реализации согласованной стратегии стороны способны существенно увеличить объёмы торговли (до $30 млрд к 2030 году), повысить долю несырьевого экспорта, диверсифицировать отраслевую структуру и создать устойчивые производственно-кооперационные цепочки. Системное развитие торгово-инвестиционного партнёрства позволит не только расширить взаимный рынок, но и повысить устойчивость экономик к глобальным вызовам, усилив их конкурентоспособность.

Рекомендации по торгово-экономическому сотрудничеству в рамках СНГ и ЕАЭС

1. Гармонизация и упрощение торговли

– приведение национального законодательства Узбекистана в соответствие с нормами ЕАЭС и соглашениями СНГ;

– взаимное признание электронных таможенных деклараций и унификация правил сертификации продукции;

– Поэтапное снятие технических и санитарно-фитосанитарных барьеров.

2. Формирование единого рынка услуг

– расширение участия Узбекистана в соглашениях СНГ о либерализации торговли услугами;

– включение в программы ЕАЭС по цифровой торговле и электронной коммерции;

– совместные меры по упрощению трансграничных онлайн-платежей;

3. Кооперация и инвестиции

– запуск совместных промышленных кластеров в рамках Соглашения СНГ о зоне свободной торговли;

– создание узбекско-российско-казахстанских агропромышленных хабов для совместного выхода на рынки третьих стран;

– поддержка проектов в энергетике и транспорте через Евразийский банк развития.

4. Логистика и транспортные коридоры

– интеграция транспортных инициатив Узбекистана в общую систему евразийских международных транспортных коридоров ЕАЭС;

– совместное развитие мультимодальных маршрутов через Казахстан и Россию для выхода на Балтику и Европу;

– согласование тарифной политики на железнодорожные перевозки в рамках ЕАЭС.

5. Цифровизация торговли и администрирования

– подключение Узбекистана к Евразийской системе прослеживаемости товаров;

– использование платформы «Евразийский экспортный хаб» для кооперации МСП;

– развитие цифровых инструментов трансграничного документооборота (единый стандарт e-invoice, электронная сертификация).

6. Совместная внешнеэкономическая политика

– координация позиций Узбекистана и России по переговорам о свободной торговле СНГ с третьими странами (например, с Египтом, Ираном, Индией);

– участие Узбекистана в работе Совета по промышленной политике ЕАЭС для защиты интересов национальных производителей;

– совместная разработка мер по обеспечению продовольственной и энергетической безопасности в рамках СНГ.

Секторальная диверсификация и «новые ниши» сотрудничества

– развивать сотрудничество в зелёной энергетике (солнечные и гидроэнергетические проекты), где Узбекистан обладает ресурсным потенциалом, а Россия – технологиями;

– поддерживать совместные проекты в фармацевтике и медтехнике — это снизит зависимость от импорта из третьих стран и повысит устойчивость систем здравоохранения;

– стимулировать цифровую кооперацию (ИТ-парки, совместные стартап-инкубаторы, интеграция в цифровую повестку ЕАЭС).

Межрегиональное сотрудничество и локализация производств

– создать узбекско-российские индустриальные зоны в приграничных регионах (например, Самарканд – Оренбург, Фергана – Новосибирск);

– развивать систему «город–партнёр» (Ташкент–Москва, Наманган–Казань, Бухара–Санкт-Петербург) для укрепления связей МСП, обмена кадрами и логистических цепочек;

– запустить региональные торгово-логистические кластеры, которые могут работать как экспортные «ворота» в рамках ЕАЭС.

Совместный выход на рынки третьих стран

– формировать третьесторонние экспортные альянсы (Россия + Узбекистан + страна Африки/Ближнего Востока) в сферах АПК, машиностроения, текстиля;

– использовать СНГ и ЕАЭС как переговорные площадки для продвижения общих инициатив в ВТО и двусторонних соглашениях о ЗСТ;

– создать совместные экспортные агентства или «экспортные дома» для координации стратегии продвижения на рынках Ближнего Востока, Южной Азии и Африки.

Укрепление научно-образовательной интеграции

– запустить программу подготовки кадров для совместных производств (двойные дипломы, отраслевые колледжи):

– развивать сотрудничество вузов Узбекистана и России в рамках ЕАЭС в области агротехнологий, машиностроения и IT:

– включить образовательные проекты в интеграционную повестку СНГ и ЕАЭС.

Стратегическое планирование и координация

– принять долгосрочную «дорожную карту» до 2035 г. по торгово-экономическому сотрудничеству РФ–Узбекистан в рамках СНГ/ЕАЭС;

– учредить Ежегодный форум интеграционного сотрудничества с участием бизнеса, регионов и государственных органов;

– ввести систему индикаторов интеграции (например, % несырьевого экспорта, доля совместных производств, уровень гармонизации стандартов).

Ожидаемый эффект от участия Узбекистана в СНГ и ЕАЭС совместно с Россией

1. Расширение доступа узбекских товаров к рынкам ЕАЭС без дополнительных барьеров.
2. Рост кооперационных проектов в промышленности и АПК.
3. Снижение транзакционных и логистических издержек для бизнеса.
4. Участие в формировании единого экономического пространства с Россией и странами ЕАЭС.
5. Повышение конкурентоспособности национальной экономики за счёт доступа к более широким рынкам и технологиям.

Предложенные в работе рекомендации ориентированы на создание условий для увеличения товарооборота, повышения конкурентоспособности национальной экономики и постепенного вовлечения Узбекистана в более глубокие интеграционные форматы. Последовательная реализация этих мер позволит укрепить позиции страны в региональных объединениях, повысить устойчивость национальной экономики и придать новый импульс развитию стратегического партнёрства с Россией.

Список использованной литературы:

1.Узбекистан — ЕАЭС: архитектура взаимовыгодных отношений. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/speech/uzbekistan-eaes-arhitektura-vzaimovygodnyh-otnosheniy/?utm_source=chatgpt.com

2. Узбекистан в поисках выхода к морю: транспортные коридоры с участием и в обход России. https://worldmarketstudies.ru/article/uzbekistan-v-poiskah-vyhoda-k-moru-transportnye-koridory-s-ucastiem-i-v-obhod-rossii/?utm_source=chatgpt.com

3. Узбекистан и РФ реализовали проект «Упрощенного таможенного коридора». Режим доступа: https://www.uzdaily.uz/ru/uzbekistan-i-rf-realizovali-proekt-uproshchennogo-tamozhennogo-koridora/?utm_source=chatgpt.com

4. Центр экономических исследований и реформ. Торговые отношения Узбекистана со странами ЕАЭС: структура и динамика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://review.uz/post/infografika-torgove-otnosheniya-uzbekistana-s-eaes-za-yanvar-2024-goda, свободный.

5. Экономический совет СНГ. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material

Региональная конкурентоспособность как фактор устойчивого экономического развития

Исматова С.А.
Научно-исследовательский центр
«Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана»
Ташкентского государственного экономического университета

В современных условиях региональная конкурентоспособность определяется не только масштабом производства, но и способностью территории формировать устойчивую производительность, привлекать инвестиции, развивать человеческий капитал, инфраструктуру, инновации и качественный сектор услуг. В международной аналитике конкурентоспособность связывается с совокупностью институтов, политик и факторов, определяющих уровень производительности, тогда как для регионального уровня особое значение имеют продуктивность, инновации и качество управления территориальным развитием.

Для Узбекистана проблема межрегиональной дифференциации приобретает практическое значение, поскольку различия в структуре экономики, уровне валового регионального продукта и специализации территорий прямо влияют на инвестиционную привлекательность, занятость и устойчивость экономического роста. При отсутствии единого официального индекса региональной конкурентоспособности ее целесообразно оценивать через систему косвенных индикаторов - ВРП на душу населения, темпы роста, отраслевую структуру и степень диверсификации экономики.

По предварительным данным Национального комитета по статистике, в 2025 году ВРП на душу населения в Узбекистане составил 48 816,4 тыс. сум. Наиболее высокие значения зафиксированы в Навоийской области - 152 238,2 тыс. сум, в городе Ташкенте - 116 747,3 тыс. сум и в Ташкентской области - 57 480,2 тыс. сум. Эти различия указывают на значительную пространственную асимметрию экономического развития и концентрацию конкурентных преимуществ в ограниченном числе территорий.

Таблица 1

Регионы-лидеры по ВРП на душу населения в 2025 году

Регион	ВРП на душу, тыс. сум	Темп роста, %	Доминирующий сектор
Навоийская	152 238,2	105,9	Промышленность
г. Ташкент	116 747,3	108,9	Услуги
Ташкентская	57 480,2	105,4	Промышленность
Бухарская	41 399,1	105,6	Услуги
Сырдарьинская	38 137,2	107,9	Услуги

Источник: составлено автором по данным Национального комитета по статистике Республики Узбекистан за 2025 год.

Лидерство Навоийской области связано прежде всего с высокой долей промышленности в структуре ВРП, тогда как конкурентные преимущества города Ташкента формируются за счет концентрации услуг, деловой активности и урбанизационных эффектов. Ташкентская область также демонстрирует относительно высокий уровень конкурентоспособности благодаря промышленной специализации и близости к крупнейшему потребительскому рынку страны. Вместе с тем высокие показатели отдельных регионов не всегда означают сбалансированное развитие, поскольку чрезмерная отраслевая концентрация повышает уязвимость к внешним шокам.

Регионы с более низким уровнем ВРП на душу населения - прежде всего Сурхандарьинская, Республика Каракалпакстан, Ферганская и Кашкадарьинская области - нуждаются в усилении структурных источников конкурентоспособности. Для них

ключевое значение имеют модернизация инфраструктуры, рост производительности в аграрном секторе, развитие переработки, логистики, малого бизнеса и рыночных услуг.

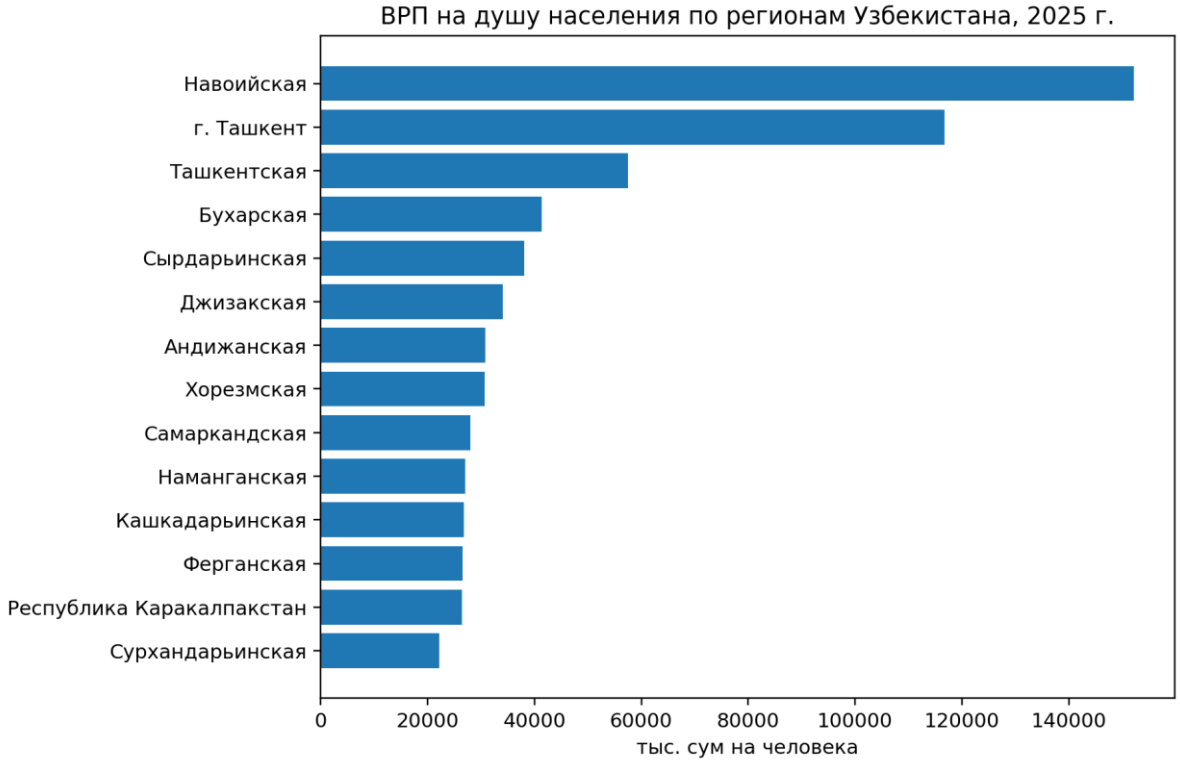

Рисунок 1. ВРП на душу населения по регионам Узбекистана в 2025 году

Источник: построено автором по данным Национального комитета по статистике Республики Узбекистан.

Таким образом, региональная конкурентоспособность в Узбекистане характеризуется выраженной неоднородностью. Наиболее конкурентоспособные территории концентрируют либо промышленный потенциал, либо развитый сектор услуг, тогда как часть регионов сохраняет зависимость от менее производительных видов деятельности.

В среднесрочной перспективе политика повышения региональной конкурентоспособности должна опираться на три приоритета: во-первых, диверсификацию экономической структуры регионов; во-вторых, развитие инфраструктуры, навыков и инновационной среды; в-третьих, расширение инструментов территориальной инвестиционной политики с учетом отраслевой специализации каждой области. Это позволит сократить межрегиональные разрывы и обеспечить более устойчивую модель национального роста.

Список использованных источников:

World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2019. Appendix A: The Global Competitiveness Index 4.0 Methodology.

OECD. Productivity and innovation in regions. OECD thematic materials on regional productivity and competitiveness.

OECD. Regions and Cities at a Glance 2024: Productive, competitive and innovative regions and cities.

National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan. Gross regional product of the Republic of Uzbekistan, January-December 2025. Press release dated 26 January 2026.

Развития цифровых цифровых технологий в системе высшего образования в Узбекистане

Кадыров А.М.
заведующий сектором Научно-исследовательского центра
«Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана»
при Ташкентском государственном экономическом университете,
доктор экономических наук, профессор

Цель цифровизации высшего образования состоит в подготовке всех участников системы образования - от дошкольного до окончания высшей школы и последующих форм подготовки и переподготовки специалистов; повышение роли компетенций, профессионализма и способностей к творчеству как важнейшей характеристики развития человеческого капитала, необходимого для модернизации и технологического развития экономики страны.

Важнейшими задачами цифровизации образования являются:

-повышение качества подготовки специалистов на основе использования в учебном процессе современных информационных технологий и применение активных методов обучения, повышение творческой и интеллектуальной составляющих учебной деятельности;

- интеграция различных видов образовательной деятельности (учебной, исследовательской и т.д.) с адаптацией информационных технологий обучения к индивидуальным особенностям обучаемого;

-разработка новых информационных технологий обучения, способствующих активизации познавательной деятельности обучаемого и повышению мотивации на освоение средств и методов информатики для эффективного применения в профессиональной деятельности;

-обеспечение непрерывности, преемственности и доступности в обучении с разработкой виртуальных информационных технологий (дистанционного обучения, виртуальных лабораторий, открытые образовательные ресурсы, а также развитие навыков по их созданию, совместному использованию и распространению и др.);

-совершенствование программно-методического обеспечения учебного процесса с внедрением информационных технологий обучения в процесс специальной профессиональной подготовки специалистов различного профиля (обучаемый имеет возможность доступа к различным методам усвоения предмета и выбрать для себя наиболее подходящий, новые технологии легко тиражируются и делаются доступными для любого обучаемого и др.).

Необходимо обеспечение развития целостной системы непрерывного образования, отвечающей требованиям, предъявляемым цифровой экономикой, для этого требуется:

-доступ к информации - определяется как идентификация информационных источников, а также освоение способов сбора и получения информации, что является одним из базовых компонентов цифровой грамотности;

-интеграция - еще один навык, связанный с базовыми компетенциями. В случае цифровой грамотности этот навык предполагает интерпретацию и репрезентацию информации с использованием инструментов цифровых технологий. Самая трудная задача - научиться синтезировать, суммировать, сравнивать и выявлять противоречия в информации, получаемой из разнообразных источников (учебные программы, сформированные с встраиванием цифровых технологий в конкретные учебные дисциплины, приобретают в этом контексте особую ценность и ориентированы на междисциплинарный подход);

-создание новых знаний - ключевая задача всех основных видов грамотности. Аналогичным образом построение новой цифровой информации путем адаптации,

применения компьютерных программ, дизайна, изобретения или разработки авторских материалов также составляет ядро цифровой грамотности;

-коммуникации представляют собой важный компонент основных видов цифровой грамотности. Цифровые технологии обеспечивают более быструю передачу информации и более убедительную ее презентацию для более широкой аудитории, чем могли предоставить любые прежние средства коммуникаций;

-расширено участие представителей высокотехнологичного бизнеса в сфере цифровых технологий в формировании и реализации образовательных программ высших учебных заведений;

-в рамках национальной программы подготовки кадров в ведущих международных университетах будет организована подготовка нового поколения специалистов в сфере цифровых технологий (в том числе, в Международном Вестминстерском университете г.Ташкента, университете Инха и др.).

Навыки выпускников специализированных высших образовательных учреждений в области цифровых технологий должны включать:

-пользователя (эффективно выбирать и применять информационные системы; использовать общедоступное программное обеспечение в повседневной жизни; использовать специализированные цифровые инструменты средства и инструменты для работы; гибко адаптироваться к изменениям инфраструктуры и прикладных цифровых инструментов);

-специалиста в сфере электронного бизнеса представляют собой способности, необходимые для использования возможностей этого вида деятельности на базе Интернета (рационализация управления; продвижение наиболее эффективных и результативных способов организации бизнеса; освоение новых путей управления уже существующим бизнесом; выстраивание нового бизнеса);

- специалиста в области цифровых технологий требуют высокого уровня специальных знаний (необходимых для того, чтобы: исследовать, развивать и совершенствовать инструменты; управлять, производить, обеспечивать маркетинг и продавать цифровые инструменты и услуги; консультировать, внедрять и устанавливать прикладные программы на основе цифровых технологий.; обеспечивать работу, администрирование и поддержку, оказывать сервисные услуги при применении цифровых технологий.).

Одна из ключевых стратегических задач, включает механизмы выявления талантливой молодежи на всех этапах образования, начиная с максимально ранних, сквозную систему подготовки и повышения квалификации студентов, стажёров-исследователей, эффективные механизмы передачи научных знаний и опыта.

Выпускники магистратуры должны приобретать способность:

- применять естественнонаучные, математические и технические знания;

-планировать и проводить эксперименты, анализировать и интерпретировать данные;

- проектировать системы, их компоненты или процессы в соответствии с поставленными задачами;

- работать по междисциплинарной тематике, формулировать и решать технические проблемы;

- демонстрировать широкое мировоззрение, необходимую для понимания глобальных и социальных последствий технических решений в области информатизации;

- применять навыки и современные технические методы, необходимые для научной деятельности.

Выпускник должен обладать следующими профессиональными компетенциями:

-готовностью использовать знание в области информационных технологий при решении образовательных и профессиональных задач;

-способностью к самостоятельному освоению новых методов исследования на основе информационных технологий, к изменению научного профиля своей профессиональной деятельности;

-способностью формировать ресурсно-информационные базы для решения профессиональных задач;

-способностью самостоятельно приобретать с помощью информационных технологий и использовать в практической деятельности новые знания и умения, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных со сферой деятельности;

-готовностью работать с текстами профессиональной направленности на иностранном языке.

Для реализации задачи подготовки кадров для инновационной деятельности, республиканским органам государственного управления и другим заинтересованным необходимо:

-разработать методологию прогнозных характеристик перспективной потребности в кадрах и специалистах в сфере цифровых технологий;

-создать межотраслевые (межведомственные) научно-исследовательские и учебно-методические центры по приоритетным направлениям развития цифровых технологий;

-совершенствовать систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров и специалистов в области цифровых технологий путем создания государственных и коммерческих образовательных центров и кафедр по подготовке и переподготовке специалистов в области информационного менеджмента и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

Быстрое развитие "информационной экономики", растущая взаимосвязь между рынками капитала и новыми технологиями, усиление социальной ориентации новых технологий, масштабный характер создания и использования знаний, информационных технологий, программных продуктов, услуг обусловили необходимость формирования институциональных основ инновационного развития стран.

Эти глубинные процессы как ответ на глобальные вызовы создали те необходимые предпосылки, без которых было бы невозможно органичное соединение первичных инновационных ячеек, субъектов и объектов инновационной деятельности в единую целостную систему (НИС). В качестве таких предпосылок, сформировались: системные образования (технологические цепи, квалифицированный кадровый ресурс и др.), сетевые технологии, единое информационное пространство, единая экономическая и правовая среда, крупные проекты национального масштаба, интегрирующая роль государства, инновационная культура общества и др.

Но эти связующие, системообразующие факторы могли действовать эффективно лишь при наличии таких условий:

- технологический и интеллектуальный потенциал, достаточный для запуска инновационных процессов в сфере цифровых технологий;

- постоянный рост числа участников инновационных сетей в сфере цифровых технологий, в том числе в результате вовлечения в нее новых социальных групп;

- институциональная система (включающая как формальные, так и неформальные элементы), ориентированная на активизацию инновационных инициатив(например, институт поддержки стартапов);

- востребованность инноваций в сфере цифровых технологий большинством хозяйствующих субъектов и физических лиц;

- достаточный уровень экономического развития (объем ВВП, в том числе на душу населения), позволяющий необходимое финансирование инновационной системы.

Существующий механизм управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью в сфере цифровых технологий все еще не отвечает задачам инновационного развития:

- отсутствует системность в создании мотиваций и механизмов для инновационной активности в сфере цифровых технологий;

- приоритетные направления сформулированы настолько широко, что могут включать в себя любые виды НИР в этой сфере (в том числе преобладают проекты по подготовке учебных материалов в традиционной форме), вне зависимости от их фактической прикладной ценности, и не способствуют разработке конкретных стратегий и программ;

-отсутствие эффективной координации инновационных работ, как структурами сферы цифровых технологий, так и академическим сообществом (институты АН РУз, НУУз, ТГТУ и др.),

-слабость кооперационных связей между научными организациями, учреждениями образования и производственными предприятиями;

-неразвитость современных форм инновационного менеджмента и коммерциализации нововведений (посредством рынка научно-технической продукции).

При этом важное значение приобретают опыт передовых стран-инноваторов в сфере цифровых технологий, подходящий для Узбекистана, и успешные методы организации эффективной инновационной экономики, в том числе коммерциализации новых технологий. Модель стран Юго-Восточной Азии (Республика Корея, Малайзия и др.) показала, что сначала – приобретение, поглощение и адаптация иностранных технологий, параллельно – инвестиции в собственную науку и высшее образование, а затем имитация, улучшение и создание новых для всего мира технологий.

Инновационная стратегия в сфере цифровых технологий должна определять систему взаимоувязанных по задачам, срокам и ресурсам целевых программ, отдельных проектов и внепрограммных мероприятий. При этом надо выделить следующие основные задачи:

- создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок, включая условия для его расширенного воспроизводства;

- развитие институтов использования и защиты прав интеллектуальной собственности (ИС);

-формирование благоприятного «инновационного климата», включая создание условий и стимулов для инновационной деятельности в сфере цифровых технологий;

-необходима масштабная технологическая модернизация ключевых секторов в сфере цифровых технологий, определяющих повышение производительности труда во всех секторах;

-повышение открытости степени интеграции сферы цифровых технологий Узбекистана в мировые процессы создания и использования нововведений, расширения двухстороннего и многостороннего международного сотрудничества;

-наращивание человеческого потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций в сфере цифровых технологий;

-обеспечение научно-исследовательских работ программными инструментальными средствами, компонентами искусственного интеллекта (экспертные системы, базы научных знаний, подключение к международным сетям, средствами мультимедиа-технологий и др.);

-использование искусственного интеллекта (ИИ) в высшем образовании находится на этапе активной трансформации: от вспомогательного инструмента до фундаментального изменения образовательной парадигмы. Основные направления включают: **п**ерсонализированное обучение **(с**оздание адаптивных траекторий, которые подстраиваются под уровень знаний каждого студента), автоматизация рутины (проверка тестов, анализ рефератов и освобождая время преподавателя для научной и творческой работы), **и**нтеллектуальные помощники **(ч**ат-боты и виртуальные ассистенты обеспечивают поддержку студентов) и **а**налитика данных (прогнозирования успеваемости и выявления студентов, рискующих отсеяться);

-создание эффективной системы интерактивного планирования, обеспечивающей согласование интересов общества, бизнеса и государства в сфере цифровых технологий (в том числе частно-государственного партнерства территориальных кластеров, технологических парков и др.).

Таким образом, решение о целесообразности применения новейших технологий с учетом опыта зарубежных стран в связи с повышением качества образования и кадров в сфере цифровых технологий следует принимать с учетом общих стратегических целей развития образовательной системы Республики Узбекистан. При этом необходимо принимать во внимание следующие аспекты:

-применение новых технологий не только в учебной деятельности, но и для решения административных задач. Это обеспечит более четкую и продуктивную работу персонала и позволит уделять больше времени и энергии для решения других проблем, связанных с обучением;

-совершенствование навыков владения цифровыми технологиями, которое дает преподавателям не просто использовать новые программы при обучении, но и откроет им возможность разработки собственных методик и навыков создания информационных образовательных сред. Особое внимание здесь необходимо обратить на повышение квалификации преподавателей с помощью средств дистанционного образования;

-использование современных технологий для развития общения, работы в сети, обмена информацией и опытом между преподавателями, учениками и школами как внутри одной страны, так и на международном уровне;

-расширение возможностей применения цифровых технологий с помощью организации общедоступных ресурсных центров;

-объединение усилий правительств и руководителей системы образования и педагогических организаций, бизнеса и промышленности для обеспечения доступности новейших цифровых технологий на всех уровнях системы образования;

-продолжение исследований о влиянии, роли, возможностях и недостатках использования цифровых технологий в образовании, а также постоянный обмен информацией и материалами исследований.

Список использованной литературы:

1.Тартаковский Л.М. Получение современных знаний и создание ЭУМК с использованием различных ресурсов Интернети его сервисов. Журнал «Педагогическая информатика. М., 2016. № 3. С 73-76

2.Ильчиков М.З., Тартаковский Л.М. Дистанционное обучение с активным использованием ресурсов Интернет.- Москва: МЭСИ, 2021, Международная конференция «Информационные технологии в открытом образовании», материалы конференции - 231с.

3. http://c4lpt.co.uk/140Learning/facebook.html

4. http://www.articulate.com/rapid-elearning/

Динамика миграционных процессов в Узбекистане в 2020–2025 гг.: сравнительный анализ и тенденции развития

Киличов У.Р.
Стажер-исследователь сектора "Демография и рынок труда" научно-исследовательского центра "Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана" при Ташкентском государственном экономическом университете
Студент магистратуры ташкентского государственного экономического университета
Саидова С.Ё.
Стажер-исследователь сектора "Демография и рынок труда" научно-исследовательского центра "Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана" при Ташкентском государственном экономическом университете
Студент магистратуры ташкентского государственного экономического университета

В 2025 году миграционные процессы в Республике Узбекистан характеризовались умеренной мобильностью населения и сохранением отрицательного сальдо внешней миграции. Согласно статистическим данным, общее число прибывших составило 252 792 человека, из которых подавляющее большинство (251 633 человека) пришлось на внутреннюю миграцию между регионами страны [1]. Это свидетельствует о том, что внутренние миграционные потоки остаются ключевым механизмом перераспределения трудовых ресурсов и населения в целом. Доля международной иммиграции осталась незначительной и составила лишь 1 159 человек [1]. Низкий уровень внешней иммиграции отражает текущую демографическую и экономическую специфику страны.

В то же время общее количество выбывших достигло 261 750 человек, из которых 251 633 человек переместились внутри страны, тогда как 10 117 человек эмигрировали за рубеж [1]. Превышение числа выбывших над прибывшими формирует отрицательное сальдо, что может оказывать влияние на трудовой рынок и социально-экономическое развитие регионов. Таким образом, наблюдается превышение числа выбывших над прибывшими, что свидетельствует о формировании отрицательного миграционного сальдо [2].

Доминирование внутренней миграции подтверждает, что основное перераспределение населения происходит внутри страны, в то время как внешняя миграция носит преимущественно трудовой характер и сопровождается устойчивым оттоком населения [3]. Это указывает на сохраняющуюся тенденцию миграции рабочей силы за рубеж и необходимость разработки программ по удержанию специалистов внутри страны.

Таблица 1

Сравнительная динамика миграционных процессов в Узбекистане (2020–2025 гг.)

Год	Прибывшие (чел.)	Внутренняя миграция (чел.)	Из-за рубежа (чел.)	Выбывшие (чел.)	За рубеж (чел.)	Сальдо миграции
2020	198 000	196 500	1 500	205 000	9 000	–7 000
2021	210 500	208 900	1 600	218 300	10 300	–7 800
2022	225 800	224 100	1 700	233 900	10 400	–8 100
2023	238 600	236 900	1 700	247 200	10700	–8 600
2024	245 300	243 800	1 500	254 600	10900	–9 300
2025	**252 792**	**251 633**	**1 159**	**261 750**	**10117**	**–8 958**

Источник: *Таблица составлена автором на основе данных Агентства статистики Республики Узбекистан и анализа динамических тенденций за 2020–2025 гг.*

Сравнительный анализ миграционных потоков за период с 2020 по 2025 годы показывает устойчивую тенденцию к увеличению как внутренней, так и общей миграции населения. Так, общее число прибывших в страну выросло с 198 000 человек в 2020 году до 252 792 человек в 2025 году [1]. Этот рост обусловлен, прежде всего, расширением внутренних миграционных потоков, число которых за указанный период увеличилось с 196 500 до 251 633 человек, что составляет более 99% от общего числа прибывших [1]. Доля международной иммиграции оставалась относительно стабильной, варьируясь от 1 500 человек в 2020 году до 1 159 человек в 2025 году, что указывает на ограниченный приток населения из-за рубежа [2].

В то же время, число выбывших также демонстрирует положительную динамику — с 205 000 человек в 2020 году до 261 750 человек в 2025 году. Внутренняя миграция при этом практически сохраняет свою долю, варьируя от 196 000 до 251 633 человек. Напротив, международная миграция показывает устойчивый отток, увеличиваясь с 9 000 человек в 2020 году до 10 117 человек в 2025 году [1,4]. Это подтверждает тенденцию трудовой эмиграции населения и формирование отрицательного миграционного сальдо, которое варьировалось от –7 000 человек в 2020 году до –8 958 человек в 2025 году.

Рисунок 1. Количество прибывших из зарубежных страни выбывших в зарубежные страны, человек

Источник: *График составлен автором на основе данных Агентства статистики Республики Узбекистан и анализа динамических тенденций за 2020–2025 гг.*

Наибольшая доля прибывших на постоянное место проживания в Республику Узбекистан из-за рубежа приходится на граждан Российской Федерации (39,9%) и Казахстана (20,3%) [1]. Значительная часть иммигрантов также прибывает из Таджикистана (10,3%), Кыргызстана (4,3%), Туркменистана (3,1%), и из других стран – 22,1% [1]. Такая структура свидетельствует о сохранении традиционных миграционных связей с соседними государствами и о географической концентрации международной миграции.

В то же время основная доля выбывших на постоянное место проживания из Узбекистана в зарубежные страны приходится на Казахстан (76,7%). Далее следуют Российская Федерация (18,6%), Кыргызстан (1,2%), Южная Корея (1,0%), Таджикистан (0,4%), и другие страны – 2,1% [2]. Такой перекос указывает на интенсивный трудовой обмен с соседними странами и на значительную роль Казахстана как ключевого направления трудовой миграции.

В период 2020–2025 годов миграционные процессы в Узбекистане демонстрируют устойчивый рост, при этом ключевую роль играет внутренняя миграция, которая составляет более 99% от общего числа прибывших и выбывших. Международная миграция характеризуется отрицательным сальдо, что отражает значительный отток трудовых ресурсов за рубеж, особенно в Казахстан и Россию. Структурный анализ показывает, что основной приток населения из-за рубежа приходится на Россию и Казахстан, в то время как основной отток направлен в Казахстан, что свидетельствует о сохранении традиционных миграционных связей и экономической зависимости. Внутренние миграционные потоки играют ключевую роль в перераспределении трудовых ресурсов между регионами, тогда как международная миграция выступает индикатором трудовой мобильности и потребности населения в поиске рабочих мест за рубежом.

Для эффективного регулирования миграционных процессов рекомендуется разработать региональные программы занятости и стимулирования внутренней миграции, что позволит уменьшить перегрузку отдельных городов и равномерно распределить рабочую силу. Необходимо создавать механизмы удержания квалифицированных специалистов, включая меры поддержки трудоустройства и повышение заработной платы в регионах с высоким оттоком населения. Важно укреплять сотрудничество с соседними странами, принимающими мигрантов, для защиты прав трудовых мигрантов и оптимизации трудовой мобильности. Также целесообразно внедрять системы мониторинга миграционных потоков с использованием цифровых технологий и регулярной

статистической отчетности, что позволит прогнозировать тенденции и разрабатывать обоснованные меры государственной политики. Программы профессиональной переподготовки и адаптации возвращающихся мигрантов помогут использовать их опыт и навыки для развития региональной экономики.

Комплексное регулирование внутренних и международных миграционных потоков, а также координированная миграционная политика позволят снизить отрицательное сальдо внешней миграции, повысить эффективность использования трудовых ресурсов и способствовать сбалансированному социально-экономическому развитию страны.

Список литературы:

1. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Официальные данные по миграции населения Республики Узбекистан за 2025 год. – Ташкент, 2026.

2. Организация Объединённых Наций. International Migration Report 2022. – New York: UN DESA, 2022.

3. Всемирный банк. Migration and Development Brief. – Washington, DC, 2023.

4. Международная организация по миграции. World Migration Report 2022. – Geneva, 2022.

Мошенничество как социальный феномен в цифровой среде: региональные и поведенческие особенности

Кузнецова И. Ю.*, *Ярмак О. В.
Севастопольский государственный университет

Активное развитие цифровых технологий привело к существенной трансформации мошенничества, которое всё чаще проявляется как устойчивый социальный феномен, встроенный в повседневные коммуникации. Расширение цифровой среды упрощает реализацию мошеннических практик и одновременно усиливает уязвимость пользователей.

Цель исследования заключается в анализе региональных различий и поведенческих характеристик, определяющих восприимчивость населения к мошенническим воздействиям. Эмпирическую основу составили данные мониторинга информационного пространства (N = 103 157 сообщений) [5]. В работе использованы методы количественного анализа и кластеризации, а также интегральный показатель уязвимости.

Установлено, что наибольшее распространение получили дистанционные формы мошенничества, реализуемые через цифровые и телефонные каналы. Их эффективность обусловлена имитацией действий социально значимых институтов и использованием доверия как ключевого ресурса воздействия. В данном контексте доверие рассматривается как механизм снижения социальной сложности, который может становиться объектом манипуляции [4].

Сравнительный анализ показал выраженные региональные различия. В Москве зафиксирован наиболее высокий уровень уязвимости, что связано с высокой интенсивностью информационных потоков и склонностью к быстрому принятию решений. Санкт-Петербург демонстрирует более низкий уровень восприимчивости, что обусловлено большей критичностью восприятия информации. В Севастополе наблюдается повышенная реакция на эмоциональные стимулы, такие как страх и авторитет, что усиливает восприимчивость к мошенническим воздействиям.

Анализ социально-демографических характеристик показывает, что наибольшую долю пострадавших составляют лица в возрасте 30–50 лет с высоким уровнем образования. Данный результат согласуется с концепцией асимметрии информации, согласно которой даже подготовленные субъекты могут оказываться уязвимыми в условиях неопределённости [1].

Финансовые последствия мошенничества носят значительный характер и проявляются в существенных экономических потерях. При этом в разных регионах степень их влияния на уровень жизни населения различается.

Наряду с экономическим ущербом выявлены выраженные социально-психологические последствия, включая рост тревожности, снижение доверия и формирование установок самообвинения, что может быть объяснено действием глубинных психологических механизмов реагирования на угрозу [3].

Кластерный анализ позволил выделить различные поведенческие стратегии реагирования, варьирующиеся от импульсивных до критически ориентированных. Существенную роль в вовлечении играют когнитивно-эмоциональные триггеры, ограничивающие способность к рациональной оценке информации. Это соотносится с выводами о снижении способности к распознаванию обмана в условиях ограниченных каналов восприятия [2].

Таким образом, мошенничество в цифровой среде выступает как сложное социальное явление, формируемое сочетанием институциональных, информационных и психологических факторов. Снижение уязвимости населения требует комплексного подхода, включающего развитие цифровой грамотности, формирование навыков критического анализа информации и внедрение поведенческих механизмов самоконтроля.

Список источников:

1. Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределённость качества и рыночный механизм // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 91–104.
2. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / П. Экман. — Санкт-Петербург: Питер, 2010. — 304 с.Фрейд З. Я и Оно. — М.: АСТ, 2020. — 224 с.
3. Фрейд З. Я и Оно / З. Фрейд. — Москва: АСТ, 2020. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).
4. Луман Н. Доверие: механизм снижения социальной сложности / Н. Луман. — Москва: Логос, 2005. — 276 с.
5. Медиалогия. Аналитические материалы по цифровому мошенничеству. — 2025.

Социологический анализ туристических практик представителей творческих профессий и ИТ-специалистов: результаты пилотного исследования

Лебединцев Д.А.,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Методология исследования базируется на синтезе двух концептуальных подходов, объединяющих концепцию дополненной современности и мобильности (Дж. Урри), и теорию виртуализации общества (Д. В. Иванов). Концепция дополненной современности Дж. Урри [Urry, 2007] акцентирует внимание на множественных формах мобильностей - физических, виртуальных, символических — и гибридности опыта, возникающей на пересечении реального и виртуального миров. В рамках этой концепции туризм выступает ключевой формой современной мобильности, интегрирующей различные виды перемещений и взаимодействий. Теория виртуализации Д. В. Иванова [Иванов, 2010] дополняет эту картину, выделяя процессы замещения реальных практик симулякрами, имплозию смыслов (сжатие и упрощение значений) и приоритет опыта над материальностью. Совмещение этих подходов позволяет глубже исследовать

трансформацию туристических мотивов в условиях цифровизации общества, особенно у социально-профессиональных групп, активно вовлечённых в цифровые практики.

Цель исследования - проанализировать трансформацию туристических практик в контексте глобализации, цифровизации и виртуализации общества, а также выявить социальные последствия этих изменений. В задачи исследования входит характеристика влияния глобализационных процессов и цифровизации на туристические предпочтения различных социальных групп, выявление и анализ противоречий между виртуальной потребностью (потребностью в симуляции опыта) и спросом на аутентичный, «физический» туристический опыт, исследование роли туризма в формировании индивидуальной и групповой идентичности, развитие межкультурной коммуникации и снижении уровня социального отчуждения. Важно эмпирически зафиксировать (ил опровергнуть) социальные детерминанты возникновения и распространения гибридных форм туризма (сочетающих реальные и виртуальные компоненты), а также ценить потенциал туризма как инструмента становления «потокового общества» (по Дж. Урри) - новой социальной формации, основанной на непрерывных потоках и мобильностях. *Объект исследования* - туристические практики современных социальных групп. *Предмет исследования* - социальные, технологические и культурные факторы, влияющие на трансформацию туристических практик представителей творческих профессий и ИТ-специалистов в условиях дополненной современности. *Методика исследования* – онлайн-опрос и контент-анализ ответов анкетирования с открытыми вопросами по проблемам восприятия туризма. Выборка включает молодых людей двух профессиональных профилей – представителей творческих профессий (по самоопределению респондентов) (п= 197) и ИТ-специалистов (п=315). Выборка непрезентативная. Опрос проведен в Санкт-Петербурге в марте 2026 г. Результаты приведены в таблице № 1.

Таблица 1

Основные мотивы туризма

Мотивы туризма	Творческие % ответов	ИТ-спец % ответов
Познавательные интересы: культура, история, языки, искусство других людей	31	27
Выход за пределы обычного состояния и обстановки	27	18
Чисто отдых	7	4
Новые социальные связи	9	8
Аутентичность, самопознание, саморазвитие, побыть в одиночестве, йога	2	18
Стимул новых идей	5	9
Шопинг по новым кухням	4	4
Побыть на природе	4	4
Модные направления туризма, туризм для статуса	1	1
Физическая активность	1	1
Пожить в комфорте	2	2
Пожить в дискомфорте	1	1
Ностальгия	1	-
Детокс, отказ от гаджетов	2	1
Собрать фото-информацию для сетей	2	2
Экстремальные увлечения и нетривиальные маршруты	1	3
Интернет, блогерство, цифровой туризм	1	2
Ремесло, профессия, стажировка, обучение, профессиональная эмиграция, волонтерство	1	4
Автотуризм	-	1
Непонимание значения туризма		1

(Примечание. Респондентами могут быть указаны несколько мотивов туризма)

Эмпирические результаты и их интерпретация

1. Познавательные мотивы и мобильность знания. Познавательные интересы зафиксированы у 31% представителей творческих профессий и 27% ИТ-специалистов.

Различия проявляются в формах реализации этих мотивов, представители творческих профессий стремятся к «глубокой мобильности» (Урри), требующей физического присутствия в культурных локациях (музеи, фестивали, языковые погружения). Это связано с необходимостью эмоционального и сенсорного опыта как источника вдохновения. ИТ-специалисты чаще используют гибридные формы (виртуальные туры, цифровые гиды), что иллюстрирует процесс виртуализации познания (Иванов). Цифровые инструменты позволяют сократить временные и ресурсные затраты, сохраняя при этом доступ к информации.

2. Туризм как стимул профессионального развития. Туризм стимулирует генерацию новых идей у 5% творческих профессий и 9% ИТ-специалистов. Это отражает, что для представителей творческих профессий характерна ориентация на создание нового продукта через прямое взаимодействие с культурными кодами. У ИТ-специалистов - запрос на «готовые» решения для профессионального применения, что соответствует концепции симулякра творчества (адаптация существующих моделей вместо генерации оригинальных идей).

3. Мобильность и профессиональная детерминация. Выход за пределы привычного отмечают 27% представителей творческих профессий и 18% ИТ-специалистов. Представители творческих профессий используют туризм для перезагрузки восприятия и смены обстановки как части творческого процесса. Для ИТ-специалистов мобильность чаще профессионально детерминирована (конференции, стажировки, волонтёрство), что соответствует тенденции гибридизации работы и отдыха (Урри).

4. Экстремальный туризм и симулякры риска. Экстремальный туризм актуален для 1% представителей творческих профессий и 3% ИТ-специалистов. У последних он выполняет функцию симулякра риска: выбор нетривиальных маршрутов обеспечивает эмоциональную разрядку через контролируемую опасность, компенсируя рутинность цифровой среды.

5. Аутентичность и сопротивление виртуализации. Мотивы аутентичности и самопознания демонстрируют резкий контраст: 2% у представителей творческих профессий и 18% у ИТ-специалистов. Это объясняется тем, что для представителей творческих профессий аутентичность - естественная часть самовыражения, не требующая искусственных практик. ИТ-специалисты создают симулякры аутентичности (йога, уединение, медитации) как способ «остановить» поток информации и восстановить баланс.

6. Цифровой детокс и социальные связи. Цифровой детокс фиксируется на уровне 2% (представителей творческих профессий) и 1% (ИТ-специалисты), что подтверждает общую зависимость от технологий при минимальном стремлении к полной отключённости. Интерес к расширению социальных связей через туризм умерен (9% и 8% соответственно), отражая снижение роли туризма как инструмента социального лифта.

7. Профессионализация туризма и гибридные практики. Соотношение профессиональных мотивов составляет 1:4 в пользу ИТ-специалистов, что связано с: Гибридизацией мобильностей (Урри): работа перестаёт быть привязанной к офису, а путешествия интегрируются в карьерное развитие. Виртуализацией карьеры (Иванов) представляют возможность удалённой занятости и стимулируют совмещение туризма с обучением и стажировками, гибридными практиками использования интернета и блогерства (1% против 2%), где физическое путешествие дополняется цифровой активностью.

8. Базовые потребности и невиртуализируемые аспекты туризма. Потребности в природе, шопинге и комфорте зафиксированы на одинаковом уровне (4%, 4%, 2% соответственно) у обеих групп. Это подтверждает существование «невиртуализируемых» потребностей, сохраняющих приоритет физического опыта над цифровым.

Анализ туристических практик в контексте концепций Дж. Урри и Д. В. Иванова позволяет выделить следующие закономерности:

Во-первых, представители творческих профессий тяготеют к аутентичному опыту как источнику вдохновения. Их туризм характеризуется «глубокой мобильностью», где физическое присутствие и эмоциональное погружение остаются ключевыми. Виртуализация затрагивает их минимально.

Во-вторых, ИТ-специалисты используют туризм для создания симулякров аутентичности, риска и творчества. Их выбор отражает стратегию компенсации виртуализации повседневной жизни через контролируемые практики (уединение, экстремальный отдых, профессиональное обучение). Мобильности носят гибридный характер.

ВА-третьих, общие черты включают низкий интерес к статусу, высокий - к познанию и природе, что свидетельствует о сохранении базовых человеческих потребностей, не поддающихся полной виртуализации.

Таким образом, туризм становится зеркалом социальных трансформаций, в котором одновременно отражаются процессы виртуализации и способы сохранения аутентичного человеческого опыта в дополненной современности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния новых технологий (VR/AR, ИИ) на эволюцию туристических практик и их роль в профессиональной социализации.

Список литературы:

Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007.

Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.

Социодинамика занятости молодежи в сфере информационных технологий урбанизированных регионов России и Китая (Сравнительный анализ)

Ли Минсюань,
Санкт Петербургский государственный университет

Цифровая экономика трансформирует глобальную занятость. Урбанизированные регионы аккумулируют IT-рабочие места, молодежь — основной носитель цифровых компетенций. Исследование занятости IT-молодежи приобретает социодинамическую значимость: необходимо понять, как социальные изменения, технологические сдвиги и институциональные условия формируют профессиональные траектории[7].

Китай и Россия как транзитивные экономики сталкиваются с общими вызовами: демографические изменения, технологические трансформации, глобальная конкуренция[5]. Однако их политики различны. Россия испытывает санкционное давление, IT-отрасль становится вопросом безопасности и импортозамещения[6]. Китай реализует стратегию «Цифровой Китай», ориентированную на глобальную интеграцию[2]. Цель работы — выявить механизмы дифференциации IT-занятости молодежи в России и Китае и построить теоретическую рамку для сравнительного анализа.

В России последнее десятилетие — государственно-доминируемая модель развития IT. Политика импортозамещения, госзаказ и оборонный сектор формируют спрос на узкоспециализированные кадры. Российская IT-молодежь ориентирована на стабильность и долгосрочную занятость в крупных корпорациях. Рынок труда ограничен по масштабу[4]. Российские IT-специалисты используют стратегии мобилизации личных сетей для социальной мобильности[4].

В Китае — стратегически координируемая рыночная экономика. Государство стимулирует массовое внедрение IT. Китайская IT-молодежь ориентирована на высокую мобильность, предпринимательство и быстрое коммерческое применение технологий[2][6]. В России — «узкая специализация, стабильность», в Китае — «масштабное применение, высокая мобильность» [6].

Глобальное развитие IT характеризуется сетевыми структурами и удаленной занятостью[3]. Концентрация IT-рабочих мест в крупных городах выше, чем в городах второго уровня. Коэффициент локализации (LQ) измеряет эту неравномерность [3]. Согласно теории пространственного несоответствия, разрыв между местом жительства и работы повышает безработицу среди молодежи [8].

Для объяснения различий исследование опирается на несколько теорий. Теория социального капитала (N. Lin): социальный капитал — ресурсы, доступные через связи [7]. В Китае доминируют сети «guanxi», в России — «блат» [4]. Теория институциональных изменений (P. Pierson): path dependence через возрастающую отдачу [9]. Внешние шоки (санкции, торговая война) — критические точки, закрепляющие траектории [8]. Теория пространственного несоответствия объясняет неравенство доступа [8]. Коэффициент локализации — операциональный инструмент [3]. Динамика ценностей IT-специалистов раскрывается через изменение статусно-ролевых позиций [1].

На основе этих теорий предложена интегративная модель «институты — технологии — индивид — культура» [4]. Модель представлена на рис. 1.

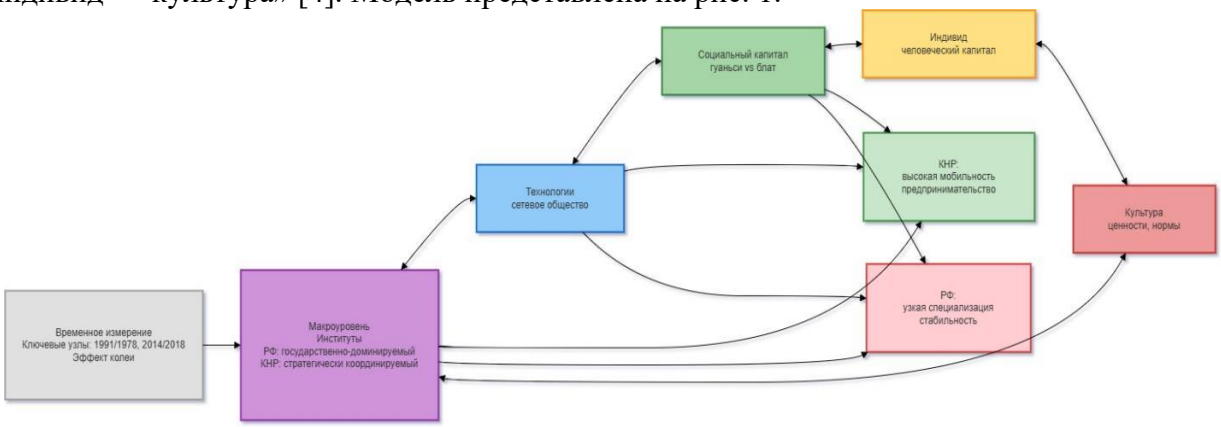

Рис. 1. Модель взаимодействия «институты — технологии — индивид — культура»

Новизна модели: 1) интеграция теории социального капитала и институциональных изменений в четырехфакторную рамку; 2) операционализация «города» как аналитической единицы через коэффициент локализации; 3) инструментарий для эмпирической проверки гипотез.

Предложенная рамка объясняет различия в IT-занятости молодежи Китая и России. Институциональная колея, закрепленная санкциями против России и торговой войной с Китаем, фиксирует национальные траектории. Пространственная гиперконцентрация IT-рабочих мест в Пекине и Москве создает неравенство для городов второго уровня. Политико-институциональные различия — государственно-доминируемая модель России против стратегически координируемой рыночной экономики Китая — формируют разнонаправленные векторы: в России — узкая специализация и стабильность, в Китае — массовое применение и высокая мобильность. Модель «институты — технологии — индивид — культура» системно увязывает эти факторы. Перспективы — эмпирическая верификация через опросы IT-молодежи в Пекине, Москве, Чэнду и Казани.

Список источников:

1. Баннова О. С., Дерюгин П. П., Куражев С. Д., Маранчак А. Г. Социодинамика ценностей IT-специалистов в цифровой среде // Mediapapir. — 2024. (статья)

2. Чэнь Б., Лю Т., Го Л., Се З. Дезинтегрированная цифровая экономика // Социальная политика и администрирование. — 2020. — Т. 54, № 7. — С. 1246–1260.

3. Кроули А., Бейнон М., Мандей М. Повышение релевантности коэффициентов локализации // Городские исследования. — 2013. — Т. 50, № 9. — С. 1854–1869.

4. Куражев С. Д., Маранчак А. Г., Дерюгин П. П. Стратегии социальной мобильности российских IT-специалистов // Информация — Коммуникация — Общество. — 2023. — Т. 1. — С. 178–182.

5. Левина Е. В., Дудин М. Н. Проблема занятости молодежи в контексте глобальной цифровизации // Экономика труда. — 2020. — Т. 7, № 6. — С. 519–536.

6. Новиков Д. А. Сравнительное исследование подходов к правовому регулированию занятости на цифровых платформах в России и Китае // Правовые проблемы в цифровую эпоху. — 2025. — Т. 6, № 4. — С. 52–73.

7. Лин Н. Социальный капитал: теория социальной структуры и действия. — Кембридж : Cambridge University Press, 2002. — 294 с. — (Структурный анализ в социальных науках). — ISBN 9780521521673.

8. Ван Л., У Ц., Чжао С. Обзор исследований пространственного несоответствия // Земля. — 2022. — Т. 11, № 7. — С. 1049.

9. Пирсон П. Возрастающая отдача, зависимость от пути и изучение политики // Американский политологический обзор. — 2000. — Т. 94, № 2. — С. 251–267.

10. Дудина, В. И. Прикладная социология: социальное моделирование и программирование : учебное пособие / В. И. Дудина, П. П. Дерюгин, С. Е. Дубровская. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – ISBN 978-5-288-04810-4. – EDN QOKBXP.

Применение метода расчёта коэффициента локализации в анализе влияния городской иерархии на занятость молодёжи в IT-сфере

Ли Минсюань,
Санкт Петербургский государственный университет

Коэффициент локализации (LocationQuotient, LQ) является классическим инструментом измерения степени пространственной концентрации отраслей в региональной экономике. В данной статье коэффициент локализации вводится в анализ влияния городской иерархии на занятость молодёжи в сфере информационных технологий. На основе изложения теоретических оснований, расчётных формул, требований к данным и правил интерпретации оцениваются применимость и ограничения данного метода в этой области исследования. Показано, что коэффициент локализации, опирающийся на теорию пространственного несоответствия и теорию креативного класса, позволяет эффективно количественно оценить относительный уровень концентрации специалистов в сфере информационных технологий в городах разных иерархических уровней. Данный метод отличается простотой расчёта и наглядностью результатов, что делает его особенно подходящим в качестве базового аналитического инструмента в условиях международных сопоставлений и при ограниченном доступе к данным.

коэффициент локализации,городская иерархия,занятость молодёжи в сфере информационных технологий,пространственная концентрация

В силу различий в численности населения, экономических функциях и инновационном потенциале между городами разных иерархических уровней существует значимая внутренняя взаимосвязь с пространственным распределением рабочих мест. В условиях бурного развития информационно-коммуникационных технологий понимание того, как городская иерархия формирует возможности и структуру занятости молодёжи в IT-сфере, является важной задачей региональной экономики и социологии труда. При проведении межстрановых сопоставительных исследований часто возникают трудности, связанные с неодинаковой доступностью данных в разных странах и несовместимостью статистических классификаций. В связи с этим необходим такой метод исследования, который может быть единообразно применён в разных странах и не предъявляет чрезмерно высоких требований к детализации данных.

Коэффициент локализации (LQ) представляет собой именно такой инструмент. LQ является широко используемым показателем специализации в региональном экономическом анализе; его основная функция заключается в измерении степени

концентрации конкретной отрасли в определённом регионе по сравнению со средним уровнем по стране [3]. Для расчёта коэффициента локализации требуются только данные о численности занятых в сфере информационных технологий на городском и общенациональном уровнях, а также общая численность занятых на городском и общенациональном уровнях. Коэффициент локализации также является важным инструментом географического анализа, особенно при оценке уровня отраслевой специализации и концентрации [2].

Пространственное несоответствие (spatial mismatch). Современное расширение и реструктуризация городов неизбежно приводят к разрыву между жилыми и рабочими зонами, что оказывает негативное влияние на благосостояние работников [4]. Коэффициент локализации, количественно оценивая степень пространственной концентрации рабочих мест в сфере информационных технологий, предоставляет операциональный аналитический инструмент для проверки гипотезы пространственного несоответствия.

Помимо теории пространственного несоответствия, теория креативного класса (Creative Class Theory) объясняет закономерности миграции талантов с микроуровня [2]. Молодёжь в IT-сфере относится к ядерной группе креативного класса, и выбор ею места работы зависит не только от распределения рабочих мест, но и от инновационной среды города, культурной толерантности и качества жизни. Крупные города, обладая развитой технологической инфраструктурой, достаточным кадровым резервом и открытой инновационной атмосферой, в большей степени способствуют привлечению IT-специалистов. Это и является ключевой причиной различий в уровне концентрации IT-отраслей в городах разных иерархических уровней, что обеспечивает теоретическую основу для анализа различий в значениях коэффициента локализации [4].

Будучи инструментом измерения пространственной концентрации отраслей, коэффициент локализации опирается на множество теоретических оснований. Теория пространственного несоответствия выдвигает ключевой тезис о влиянии пространственной структуры на занятость, теория креативного класса объясняет механизм привлечения талантов в города высшего уровня, а теория сетевого общества раскрывает трансформацию взаимосвязи между пространством и занятостью в цифровую эпоху.

В цифровую эпоху новые формы занятости, такие как удалённая работа и платформенная экономика, могут ослабить преимущества географической концентрации. Информация, капитал и власть непрерывно циркулируют в глобальных сетях, что приводит к дифференциации с физическим пространством, в котором реально живут люди. Развитие информационных технологий коренным образом изменяет сложившуюся пространственную структуру. Коэффициент локализации способен фиксировать этот эффект реструктуризации: если удалённая работа снижает преимущества географической концентрации, то значения коэффициента локализации в городах высокого иерархического уровня могут демонстрировать тенденцию к снижению, тогда как в городах низкого уровня — к росту. Это обеспечивает теоретическую основу для динамического анализа коэффициента локализации.

Теория пространственного несоответствия формирует четырёхмерную системную аналитическую рамку: объект исследования — факторы влияния — пространственные отношения — эффекты воздействия [4]. Стержневым положением этой теории является то, что пространственное несоответствие между местоположением рабочих мест и местом проживания работников ведёт к росту уровня безработицы среди определённых групп населения, особенно среди молодёжи. Применительно к занятости молодёжи в IT-сфере рабочие места в информационных технологиях в высокой степени сконцентрированы в крупных городах и городских агломерациях, тогда как молодые люди из малых и средних городов из-за пространственной удалённости не имеют равного доступа к таким возможностям. Данное явление может быть количественно измерено именно с помощью коэффициента локализации.

Коэффициент локализации является базовым инструментом анализа экономического развития [3]. Основная идея этого метода заключается в следующем: путём сравнения доли занятых в данной отрасли в регионе в общей численности занятых в этом регионе с долей занятых в данной отрасли по стране в общей численности занятых по стране определяется, обладает ли данный регион сравнительным преимуществом в данной отрасли.

Формула расчёта：

$$LQ_i = \frac{IT_{emp_i}/Total_{emp_i}}{IT_{emp_n}/Total_{emp_n}}$$

где：

LQi：Коэффициент локализации отрасли информационных технологий в i-м городе

ITempi：Численность занятых в отрасли информационных технологий в i-м городе

Totalempi：Общая численность занятых в i-м городе

ITempn：Численность занятых в отрасли информационных технологий по стране

Totalempn：Общая численность занятых по стране

Правила интерпретации：

LQ>1：Уровень концентрации IT-отрасли в данном городе выше среднего по стране, что свидетельствует об относительной концентрации специалистов в сфере информационных технологий.

LQ=1：уровень концентрации соответствует среднему по стране

LQ<1：уровень концентрации ниже среднего по стране

Как правило, считается, что LQ > 1,5 соответствует высокой концентрации, 1,0 ≤ LQ < 1,5 — средней концентрации, а LQ < 0,5 — уровню, значительно ниже среднего по стране.

Данный метод предъявляет крайне низкие требования к данным: необходимы лишь четыре базовых показателя: численность занятых в IT-сфере в городе, общая численность занятых в городе, численность занятых в IT-сфере по стране, общая численность занятых по стране. Такие данные могут быть получены из национальных статистических органов, обследований рабочей силы, отраслевых отчётов или с платформ по подбору персонала. Если прямые данные по городу недоступны, можно использовать оценку на основе доли количества рабочих мест в IT-сфере в данном городе в общем количестве рабочих мест в IT-сфере по стране.

$$IT_{emp_i} = IT_{emp_n} \times \text{доля IT} - \text{вакансий данного города}$$

Данный метод особенно полезен в межстрановых исследованиях, поскольку данные с платформ по подбору персонала зачастую более доступны и оперативны по сравнению с официальной статистикой.

В межстрановых сравнительных исследованиях операционализация коэффициента локализации требует систематического планирования сбора данных. На примере Китая и России конкретные шаги выглядят следующим образом.

Первый шаг: определение единиц анализа и временного диапазона. Единицами анализа выступают конкретные города (например, Пекин, Шэньчжэнь, Москва, Санкт-Петербург, Казань). Временной диапазон должен быть по возможности единообразным для всех городов; для анализа тенденций необходимо обеспечить сопоставимость годовых данных.

Второй шаг: сбор данных на общенациональном уровне. Национальные показатели $ITemp_n$ и $Totalemp_n$ являются знаменателем в формуле. Источники данных: для Китая — Национальное бюро статистики, Министерство промышленности и информатизации, Ассоциация программного обеспечения; для России — Федеральная служба государственной статистики (Росстат), автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Третий шаг: сбор данных на городском уровне. Городские показатели $ITemp_i$ и $Totalemp_i$ являются числителем в формуле. Источники данных: для Китая — статистические управления городов, местные органы по вопросам информатизации (промышленности и информатизации), отчёты платформ по подбору персонала (Zhaopin.com); для России — аналитические отчёты hh.ru, местные статистические органы (например, Петростат), база данных CEIC. При отсутствии официальных данных допускается использование данных с платформ по подбору персонала для расчёта оценочных значений.

Четвёртый шаг: расчёт и интерпретация.

Пятый шаг:представление результатов. Результаты расчёта коэффициента локализации могут быть представлены в табличной форме с указанием города, $ITemp_i$, $Totalemp_i$, доли IT-отрасли в городе, доли IT-отрасли по стране, значения коэффициента локализации и его интерпретации.

Метод анализа с помощью коэффициента локализации имеет некоторые ограничения в практическом применении. Во-первых, он не позволяет отразить структурные различия внутри самой IT-отрасли, поскольку измеряет лишь численность занятых, но не даёт возможности дифференцировать уровень квалификации рабочих мест, типы выполняемых функций и формальность занятости. Во-вторых, он способен лишь описать текущий уровень отраслевой концентрации, но не объяснить глубинные причинно-следственные механизмы её формирования. В-третьих, результаты расчёта чувствительны к несогласованности временных периодов используемых данных, что легко может привести к вычислительным искажениям. В-четвёртых, расчётные значения зависят от масштаба пространственного деления в соответствии с административно-территориальным делением; использование разных пространственных единиц даёт различные результаты.

Для преодоления указанных ограничений можно применить следующие стратегии улучшения: комбинировать коэффициент локализации с такими показателями, как уровень заработной платы, уровень образования, распределение типов рабочих мест и т.д., формируя многомерную картину качества занятости, что позволяет восполнить проблему неспособности макроэкономических данных о занятости отражать реальные изменения в профессиональной структуре [6]; использовать коэффициент локализации в качестве описательного аналитического инструмента, в дальнейшем сочетая его с качественными исследованиями или эконометрическими моделями для изучения причинно-следственных механизмов агломерации, а результаты его анализа могут служить эмпирической основой для разработки региональной экономической политики [1]; по возможности унифицировать годы исследуемых данных, а если это невозможно — указывать различия в годах и проводить проверку устойчивости (робастности) путём замены данных, а также использовать анализ временных рядов для точного отслеживания динамических изменений на рынке труда [5]; чётко определять пространственный уровень анализа и при необходимости проводить многоуровневый сравнительный анализ для ослабления влияния пространственного деления. Кроме того, можно применить метод доверительных интервалов для улучшения ограничений коэффициента локализации в отношении статистической значимости и выбора пороговых значений [2]. Коэффициент локализации как базовый инструмент анализа экономического развития [3] в сочетании с теорией пространственного несоответствия [4] позволяет более полно проанализировать влияние городской пространственной структуры на занятость, а соответствующие результаты исследований предоставляют эмпирическую поддержку для интерпретации структурных характеристик региональных рынков труда [5][6].

Коэффициент локализации служит отправным инструментом для описательного анализа и отбора кейсов. В качестве первого шага для последующего изучения механизмов и межстрановых сравнений данный метод закладывает операциональную методологическую основу для дальнейшего эконометрического анализа и качественных исследований.

Список источников:

1. Bogoviz, A. V. Leading tools of state regulation of regional economy / A. V. Bogoviz, V. S. Osipov, T. G. Stroiteleva // The Impact of Information on Modern Humans : Conference proceedings, Nizhny Novgorod, 23–24 ноября 2017 года. Vol. 622. – Springer Nature Switzerland AG: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – P. 562-567. – DOI 10.1007/978-3-319-75383-6_71. – EDN XXIREL.、
2. Crawley, A., Beynon, M., & Munday, M. (2013). Making location quotients more relevant as a policy aid in regional spatial analysis. Urban Studies, 50(9), 1854-1869.
3. Miller, M. M., Gibson, L. J., & Wright, N. G. (1991). Location quotient: A basic tool for economic development analysis. Economic development review, 9(2), 65.
4. Wang, L., Wu, C., & Zhao, S. (2022). A review of spatial mismatch research: empirical debate, theoretical evolution and connotation expansion. Land, 11(7), 1049.
5. Елкина, О. С. Проблемы рынка труда России и Санкт-Петербурга и его адаптация к санкционному давлению / О. С. Елкина // Теоретическая экономика. – 2025. – № 4(124). – С. 62-80. – DOI 10.52957/2221-3260-2025-4-62-80. – EDN PDBOKW.
6. Сравнительный анализ ценностей молодых российских и китайских предпринимателей в координатах менеджмента: методика исследования и некоторые выводы / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Ц. Цзинь, А. С. Шиляева // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VII международной научно-практической конференции, Благовещенск - Хэйхэ, 22–23 мая 2017 года. Том Выпуск 7. – Благовещенск - Хэйхэ: Благовещенский государственный педагогический университет, 2017. – С. 267-271. – EDN YOUPPB.
7. Орехова, И. М. О востребованности профессий на региональном рынке труда: пример Республики Тыва / И. М. Орехова // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 53-67. – DOI 10.19181/vis.2022.13.4.849. – EDN PDJRSX.

Интеграция университетов и бизнеса в условиях цифровизации образования как фактор повышения занятости выпускников

Мавланова У.Б.
старший преподаватель,
экономический факультет
Национальный Университет Узбекистана имени М.Улугбека

В условиях ускоренной цифровой трансформации экономики возрастает значение человеческого капитала как ключевого ресурса инновационного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики. Развитие цифровых технологий, автоматизация производственных процессов и распространение искусственного интеллекта существенно меняет структуру современного рынка труда, формирует новые требования к профессиональным компетенциям работников. В таких условиях система высшего образования должна адаптироваться к новым социально-экономическим условиям и обеспечивать подготовку специалистов, обладающим не только фундаментальными знаниями, но и современными цифровыми навыками, способностью к инновационной деятельности и непрерывному обучению. Согласно докладу The Future of Jobs Report 2025 наибольший рост занятости в ближайшие годы ожидается в сферах, связанных с цифровыми технологиями и анализом данных [https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf]. Среди наиболее востребованных профессий выделяются специалисты по искусственному интеллекту (ИИ) и машинному обучению, аналитики больших данных, инженеры программного обеспечения и разработчики, специалисты по кибербезопасности, финтех-инженеры и др. По оценкам экспертов, именно трансформация экономики формирует значительную часть

новых рабочих мест, а к 2030 году на мировом рынке труда может появиться около 78 миллионов новых рабочих мест [https://www.weforum.org].

Цифровизация образования становится важным стратегическим направлением развития университетов. Внедрение цифровых образовательных технологий, систем дистанционного обучения и элементов ИИ способствует расширению возможностей образовательного процесса, повышению его гибкости и доступности. Использование онлайн-платформ, электронных образовательных ресурсов и интерактивных технологий позволяет университетам расширять форматы обучения, обеспечивая возможность получения знаний независимо от территориального расположения обучающихся. Цифровая трансформация образования требует обновления содержания образовательных программ и формирования новых компетенций, соответствующих требованиями цифровой экономики, включая развитие цифровой грамотности, навыков работы с данными, аналитического мышления и способности к непрерывному обучению.

В Республике Узбекистан развитие дистанционного и цифрового обучения закреплено на нормативном уровне. В частности, предусмотрено использование современных форма обучения, включая дистанционное образование, электронное обучение и другие инновационные образовательные технологии, направленные на повышение доступности, инклюзивности и качества образования [ЗРУ-637 от 23.09.2020 г. «Об образовании»]. Кроме того, развитие цифровых форм обучения и внедрения современных образовательных технологий рассматриваются как важные направления модернизации системы высшего образования и подготовки конкурентоспособных кадров для цифровой экономики.

Одним из ключевых механизмов повышения эффективности подготовки специалистов в условиях цифровизации образования является развитие интеграции университетов с бизнес-структурами. Такое взаимодействие позволяет обеспечить более тесную связь образовательных программ с потребностями рынка труда, повысить практическую направленность обучения и сформировать у студентов навыки, востребованные в профессиональной деятельности. Участие работодателей в разработке образовательных программ, организация стажировок и практик, а также реализация совместных образовательных проектов способствует формированию профессиональных компетенций, ориентированных на решение реальных задачи экономики.

Взаимодействие университетов и бизнеса приобретает особое значение в условиях цифровой экономики, где скорость технологических изменений значительно возрастает. Компании заинтересованы в подготовке специалистов, способных быстро адаптироваться к новым технологиям и участвовать в разработке инновационных решений. В свою очередь, университеты получают возможность обновлять образовательные программы с учетом актуальных требований рынка труда и внедрять современные практико-ориентированные методы обучения.

Одной из наиболее эффективных моделей такого взаимодействия является дуальное образование, при котором теоретическая подготовка осуществляется в университете, а практическая часть обучения проходит непосредственно на предприятиях. В рамках данной модели работодатели участвуют в разработке образовательных программ, предоставляют рабочие места для практики и участвуют в оценке профессиональных компетенций студентов. В Республике Узбекистан подобные механизмы уже начинают активно внедряться. Так, с 2025/2026 учебного года в Ташкентском архитектурно-строительном университете реализуется пилотный проект дуального образования, предусматривающий сочетание теоретический подготовки студентов в университете с практической деятельностью на предприятиях строительной отрасли. Согласно данной модели, значительная часть учебных занятий и практических работ проводится непосредственно на производстве, а специалисты предприятий привлекаются к преподаванию и разработке учебных программ [ПП-209 от 01.07.2025 г. «О мерах по повышению эффективности

образовательной системы и обеспечению интеграции научных исследований с практикой в деятельности ТАСУ»].

Развитие интеграции образования и бизнеса также оказывают положительное влияние на уровень занятости выпускников. Практико-ориентированные образовательные программы, участие студентов в реальных проектах компаний, образовательные стажировки способствуют формированию профессионального опыта еще в период обучения. Такая практика реализуется в сфере информационных технологий. Например, Ташкентский университет информационных технологий сотрудничает с компанией UZINFOCOM, где студенты проходят производственную практику и знакомятся с реальными процессами разработки информационных систем. В рамках сотрудничества предусмотрена организация стажировок для студентов, проведение практических занятий на базе предприятия, участие специалистов компании в образовательном процессе, что повышает возможности трудоустройства выпускников [https://tuit.uz/].

Важную роль в развитии интеграции образования и бизнеса играют негосударственные высшие учебные заведения, которые активно внедряют международные образовательные стандарты и ориентируются на подготовку специалистов для глобального рынка труда. Такие университеты, как Westminster International University in Tashkent, Inha University in Tashkent, Amity University Tashkent и другие активно сотрудничают с международными компаниями и технологическими организациями, обеспечивая студентам возможность прохождения стажировок и участия в международных и инновационных проектах. Это также способствует формированию конкурентоспособных специалистов на международном рынке труда.

Вместе с тем цифровизация образования поднимает ряд важных этических и социальных вопросов. Среди них – обеспечение равного доступа к цифровым образовательным ресурсам, предотвращение цифрового неравенства и формирование ответственного отношения к использованию цифровых технологий. Решение данных задач предполагает развитие цифровой образовательной инфраструктуры, включая расширение доступа к высокоскоростному интернету, создание современных цифровых платформ обучения, обеспечение студентов необходимыми технологическими средствами и повышение уровня цифровой грамотности обучающихся и преподавателей.

Важным направлением является также внедрение инклюзивных образовательных технологий, обеспечивающих равные возможности получения образования для студентов из различных социальных и региональных групп. В этих условиях университеты должны не только обеспечивать подготовку специалистов для цифровой экономики, но и формировать у студентов навыки цифровой этики, критического мышления, ответственного использования ИИ и социальной ответственности в профессиональной деятельности.

Таким образом, интеграция университетов и бизнеса в условиях цифровизации образования выступает важным фактором повышения эффективности подготовки кадров и роста занятости выпускников. Развитие институционального взаимодействия между системой образования и реальным сектором экономики способствует формированию человеческого капитала, способного обеспечить инновационное развитие экономики и повышение ее конкурентоспособности.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Узбекистан №ЗРУ-637 от 23 сентября 020 года «Об образовании».

2. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан №559 от 3 октября 2022 года «О мерах по организации дистанционной формы обучения в организациях высшего образования»

3. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-209 от 1 июля 2025 года «О мерах по повышению эффективности образовательной системы и обеспечению

интеграции научных исследований с практикой в деятельности Ташкентского архитектурно-строительного университета»
4. https://www.weforum.org
5. https://tuit.uz/

Сравнительный анализ профессиональных ценностей студентов-журналистов и студентов-программистов в контексте цифрового неравенства

Магомедова А.Т.
Санкт Петербургский государственный университет

Цифровое неравенство традиционно понимается как разрыв в доступе к технологиям – наличие компьютера, интернета, цифровых навыков. Однако, согласно Д.В. Иванову, современные общественные процессы требуют более глубокого понимания данного явления. В современном обществе цифровое неравенство проявляется не столько в техническом обеспечении, сколько в различии ценностных систем, через которые представители разных профессиональных групп воспринимают и конструируют «дополненную социальную реальность».

В данном контексте значимый интерес представляет сравнение двух профессиональных траекторий – журналистики и программирования. Эти различия в ценностных системах во многом предопределены профессиональной социализацией. Согласно типологии Дж. Голланда, эти профессии относятся к разным типам: «артистические/социальные» (журналисты) и «исследовательские/реалистические» (программисты) (1). Соответственно, их профессиональные ценности формируются в разных «средах». Так, у журналистов в структуре ценностей доминируют институты и интеракции, а у программистов – сети и потоки.

Период обучения в университете является этапом активного формирования профессиональных ценностей. Изучение того, как будущие специалисты осмысляют ценности цифрового общества, позволит не только диагностировать текущее состояние, но и прогнозировать будущие конфликты или точки сотрудничества в создании и ведении совместных проектов.

Объектом исследования являются студенты, обучающиеся по направлениям «Программирование» и «Журналистика» (2–4 курсы).

Предметом исследования выступают профессиональные ценности студентов двух направлений в аспекте цифрового неравенства и дополненной социальной реальности.

Теоретическая рамка. Данное исследование опирается на концепцию «дополненной социальной реальности» Д. В. Иванова. Исходя из теории Д. В. Иванова, современная социальная реальность представляет собой взаимопроникновение четырёх типов социальности – институтов (нормы, правила, профессиональные стандарты), интеракций (живое общение лицом к лицу), сетей (профессиональные сообщества, платформы) и потоков (движение информации, технологических обновлений, трендов) (2). На стыках этих типов возникают гибридные формы (платформы, проекты, ивенты, коммуникации), в которых и разворачивается профессиональная деятельность.

Проблема исследования заключается в существовании социальных противоречий, возникающих из-за отличающихся ценностных установок у двух профессиональных групп, в контексте цифрового неравенства.

Настоящее исследование планируется провести с помощью методики, которая включает 16 пунктов, распределённых по четырём сферам – экономика, политика, социальная сфера, культура и четырём типам социальности (институты, интеракции, сети, потоки). Респондентам будет предложен список утверждений, отношение к которым они проранжируют по 16-ти балльной шкале, где 1- наиболее значимо, 16 - наименее значимо.

Данная структура позволяет измерить ценностные приоритеты респондентов в рамках концепции «дополненной современности» Д.В. Иванова.

Основная гипотеза. Существенные различия в ценностных приоритетах между студентами-программистами и студентами-журналистами, проявляющиеся в предпочтении разных типов социальности, могут приводить к возникновению коммуникативных барьеров и конфликтных ситуаций при совместной работе над цифровыми проектами, таких как разработка сайтов и цифровых медиа.

Ожидаемые результаты. Ожидается, что студенты-журналисты продемонстрируют более высокую значимость институциональных норм и межличностных интеракций, а студенты-программисты – значимость сетевых взаимодействий и информационных потоков. Результаты могут показать латентный конфликт ценностей ещё на этапе обучения.

Список используемых источников:

1. Иванов Д.В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности // Социологические исследования. – 2024. – № 7. – С. 24–35.
2. Holland J.L. A theory of vocational choice // Journal of Counseling Psychology. 1959. Vol. 6. No. 1. P. 35–45.

Теоретические основы и экономическое содержание воспроизводства населения

Мамадалиева Х.Х.
Доктор экономических наук, проф.
Ташкентский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

В условиях современного глобального развития проблема воспроизводства населения становится одним из приоритетных направлений демографической, экономической и социальной политики. Демографические изменения, наблюдаемые в мире, в частности снижение уровня рождаемости, старение населения, усиление миграционных процессов и рост спроса на человеческий капитал, обусловливают необходимость глубокого научного анализа процессов воспроизводства населения. Особенно в условиях глобальных экономических кризисов, пандемий и геополитических противоречий изменения в динамике населения оказывают непосредственное влияние на устойчивое развитие стран.

С этой точки зрения воспроизводство населения следует рассматривать не только как процесс восстановления демографических показателей, но и как комплексный социально-экономический процесс, охватывающий человеческий капитал, рынок труда, социальную инфраструктуру и институциональные системы. В современных научных исследованиях данный процесс оценивается как важный механизм, обеспечивающий взаимосвязь демографического и экономического развития. Актуальность изучения процессов воспроизводства населения, прежде всего, объясняется его влиянием на экономику страны. Поскольку изменения в структуре населения непосредственно воздействуют на формирование трудовых ресурсов, производственный потенциал, динамику доходов, а также уровень социальной нагрузки. Вместе с тем посредством развития человеческого капитала, обеспечения занятости и совершенствования систем социальной защиты создаются возможности для достижения демографической устойчивости.

В широком смысле воспроизводство населения представляет собой сложный, многоэтапный процесс восстановления и развития демографической структуры страны, человеческого капитала и трудовых ресурсов после серьезных нарушений, вызванных различными внешними и внутренними шоками — в частности, войнами, экономическими кризисами и социальными трансформациями. Данный процесс не ограничивается лишь количественным восстановлением численности населения, но включает в себя многогранные изменения, такие как демографическое обновление, оживление

экономической активности, обеспечение социальной стабильности и формирование новой институциональной среды. С этой точки зрения воспроизводство населения в современных научных исследованиях рассматривается как комплексная, интегрированная система [1].

Понятие воспроизводства населения, прежде всего, трактуется как процесс, направленный на преодоление негативных демографических тенденций и обеспечение устойчивого роста численности и качества населения. В научных подходах данный процесс, как правило, объясняется через три взаимосвязанных основных направления: демографическое восстановление (регулирование процессов рождаемости, смертности и миграции), формирование человеческого капитала (через образование, здоровье и навыки), а также восстановление экономической активности (развитие рынка труда и источников дохода) [2]. Таким образом, данное понятие выходит за рамки простых показателей демографического роста и направлено на формирование системных условий, обеспечивающих благосостояние населения и экономическую эффективность.

В современных условиях актуальность данной проблемы продолжает возрастать. Особенно в последние годы глобальные конфликты, пандемии и экономические кризисы, наблюдаемые в мировом масштабе, оказали негативное влияние на демографические процессы во многих странах. Исследования показывают, что в таких условиях демографический спад связан не только со снижением уровня рождаемости или ростом смертности, но и с вынужденной миграцией населения, утратой человеческого капитала и ослаблением социальных институтов [3]. В связи с этим для обеспечения воспроизводства населения недостаточно лишь демографической политики, требуется комплексный подход, охватывающий сферы здравоохранения, образования, занятости, жилищного обеспечения и социальной защиты [4].

Экономическое содержание воспроизводства населения, прежде всего, связано с человеческим капиталом. Человеческий капитал — это совокупность знаний, навыков, здоровья и трудоспособности, воплощённых в населении, и он является одним из основных драйверов экономического роста [5]. В этом контексте инвестиции в образование, здравоохранение и профессиональную подготовку выступают в качестве центрального элемента процесса воспроизводства населения. Научные исследования показывают, что инвестиции в человеческий капитал обладают высокой экономической отдачей и обеспечивают инновационное развитие, рост производительности труда и экономическую устойчивость.

Вместе с тем воспроизводство населения неразрывно связано с восстановлением рынка труда. Занятость является не только источником дохода, но и важным фактором социальной стабильности и психологического благополучия. Процесс восстановления рынка труда включает создание рабочих мест, поддержку малого бизнеса, профессиональную переподготовку и вовлечение населения в экономическую активность. Данный процесс формирует мультипликативный эффект в экономике, приводя к росту спроса, увеличению инвестиций и повышению доходов государственного бюджета [6].

Ниже систематизированы основные экономические факторы, влияющие на воспроизводство населения:

Таблица 1

Основные факторы, влияющие на воспроизводство населения

Факторы	Содержание	Экономическое влияние
Человеческий капитал	Образование, здоровье, навыки	Рост производительности труда и инноваций
Рынок труда	Занятость, рабочие места	Увеличение доходов и спроса
Демографические факторы	Рождаемость, смертность, миграция	Формирование структуры населения и ресурсов
Социальная защита	Пенсии, страхование, поддержка	Обеспечение стабильности и благосостояния
Институциональная среда	Законодательство, инвестиционный климат	Стимулирование экономического роста

Демографические и экономические процессы находятся в тесной взаимосвязи, и их сбалансированное развитие определяет уровень благосостояния населения. Например, феномен «демографического дивиденда» показывает, что высокая доля трудоспособного населения способствует стимулированию экономического роста [7]. Однако, если рост населения не соответствует экономическим возможностям, напротив, могут возникать социально-экономические проблемы.

Согласно современным научным подходам, процесс воспроизводства населения требует интегрированного подхода. Данный подход включает институциональную координацию, согласованность многосекторных политик и учет территориальных особенностей. Особое место в этом процессе занимают системы социальной защиты, которые снижают экономические риски и оказывают положительное влияние на репродуктивные решения населения [8]. Вместе с тем в современной экономике творческий потенциал человека и интеллектуальный капитал рассматриваются как важные факторы воспроизводства населения. В условиях инновационной экономики знания, креативность и адаптивность выступают основными источниками развития населения [9].

Воспроизводство населения представляет собой комплексную систему, объединяющую демографические, экономические и социальные процессы. Оно создает основу для устойчивого экономического роста за счет развития человеческого капитала, повышения эффективности рынка труда и обеспечения демографической стабильности. В этом контексте управление данным процессом требует интегрированной политики и долгосрочного стратегического подхода.

С целью системного анализа процесса воспроизводства населения его основные этапы и взаимосвязанные элементы могут быть представлены в следующей таблице.

Таблица 2

Экономический механизм процесса воспроизводства населения

Этапы	Основное содержание	Экономическое значение
Демографические факторы	Процессы рождаемости, смертности и миграции	Определяют рост и динамику населения
Структура населения	Возрастная структура, доля трудоспособного населения	Формируются трудовые ресурсы
Человеческий капитал	Образование, здоровье, навыки	Повышаются производительность труда и инновации
Рынок труда	Занятость, рабочие места, доходы	Усиливается экономическая активность
Экономический рост	Производство, инвестиции	Обеспечиваются национальный доход и развитие
Благосостояние населения	Доходы, уровень жизни	Обеспечивается социальная стабильность
Репродуктивные решения	Создание семьи, число детей	Оказывают обратное влияние на демографические процессы

Приведённые в таблице данные свидетельствуют о том, что процесс воспроизводства населения представляет собой многоэтапную и взаимосвязанную систему. Анализ данного процесса показывает, что каждый этап обладает не только самостоятельным значением, но и выступает в качестве ключевого фактора, оказывающего влияние на последующие этапы.

Прежде всего, демографические факторы — процессы рождаемости, смертности и миграции — являются исходной точкой данной системы. Их изменения оказывают непосредственное влияние на формирование структуры населения. Например, снижение уровня рождаемости в долгосрочной перспективе может привести к сокращению доли трудоспособного населения, что, в свою очередь, негативно влияет на темпы экономического роста. На следующем этапе формируется структура населения, которая определяет потенциал трудовых ресурсов. Оптимальная возрастная структура, то есть

высокая доля трудоспособного населения, создает благоприятные условия для экономического роста. Данное явление в научной литературе определяется как «демографический дивиденд». Однако эффективное использование этого потенциала зависит от уровня развития человеческого капитала.

Этап человеческого капитала является центральным звеном данного процесса. Развитие образования, здравоохранения и профессиональных навыков выступает в качестве ключевого фактора повышения производительности труда, стимулирования инновационной активности и обеспечения экономического роста. С этой точки зрения инвестиции в человеческий капитал рассматриваются как стратегический ресурс, обеспечивающий долгосрочную экономическую эффективность. На этапе рынка труда человеческий капитал трансформируется в экономическую активность. Высокий уровень занятости и достаточное количество рабочих мест способствуют росту доходов населения. Вместе с тем проблемы на рынке труда — безработица, неформальная занятость или несоответствие квалификации — могут оказывать негативное влияние на процессы воспроизводства населения.

Этап человеческого капитала является центральным звеном данного процесса. Развитие образования, здравоохранения и профессиональных навыков выступает в качестве ключевого фактора повышения производительности труда, стимулирования инновационной активности и обеспечения экономического роста. С этой точки зрения инвестиции в человеческий капитал рассматриваются как стратегический ресурс, обеспечивающий долгосрочную экономическую эффективность. На этапе рынка труда человеческий капитал трансформируется в экономическую активность. Высокий уровень занятости и достаточное количество рабочих мест способствуют росту доходов населения. Вместе с тем проблемы на рынке труда — безработица, неформальная занятость или несоответствие квалификации — могут оказывать негативное влияние на процессы воспроизводства населения.

Этап экономического роста является результирующим показателем данного процесса. Увеличение объёмов производства, рост инвестиций и расширение экономической активности способствуют обеспечению благосостояния населения. Повышение уровня благосостояния населения, в свою очередь, оказывает положительное влияние на репродуктивные решения. Этап репродуктивных решений является завершающим элементом всей системы и одновременно началом нового этапа. Чем выше уровень жизни населения, его экономическая стабильность и социальные гарантии, тем более устойчивым становится стремление семей к рождению детей. Таким образом, данный процесс носит циклический характер и развивается посредством постоянного взаимодействия демографических и экономических факторов.

Вместе с тем анализ показывает, что любые дисбалансы в данной системе оказывают негативное влияние на эффективность всего процесса. Например, рост населения при недостаточном развитии человеческого капитала может усиливать экономическое давление, либо, напротив, в условиях отсутствия экономического роста увеличение численности населения может привести к снижению уровня жизни. В этой связи при управлении процессами воспроизводства населения особое значение приобретает согласованное развитие всех этапов.

Выводы и предложения. Результаты исследования показывают, что воспроизводство населения в современных условиях выступает как комплексная система, объединяющая демографические, экономические и социальные процессы. Данный процесс не ограничивается лишь восстановлением численности населения, но охватывает такие важные направления, как развитие потенциала человеческого капитала, повышение эффективности рынка труда и обеспечение социальной стабильности. В этом контексте воспроизводство населения является одним из ключевых факторов устойчивого экономического развития.

По результатам анализа установлено, что инвестиции в человеческий капитал имеют решающее значение в процессах воспроизводства населения. Вместе с тем восстановление рынка труда, обеспечение эффективной занятости населения, а также поддержание баланса

между демографическими и экономическими процессами являются одними из важнейших условий экономического роста. Изменения в структуре населения, в частности доля трудоспособного населения и уровень демографической нагрузки, оказывают непосредственное влияние на экономическое развитие.

Кроме того, исследование показало необходимость проведения интегрированной политики для эффективного управления процессами воспроизводства населения. Это означает, что демографическая политика должна быть согласована с такими сферами, как образование, здравоохранение, занятость, жилищное обеспечение и социальная защита.

На основе проведённого анализа разработаны следующие научно-практические рекомендации:

— в целях стимулирования процессов воспроизводства населения необходимо расширять инвестиции, направленные на развитие человеческого капитала, в частности увеличивать расходы на образование и здравоохранение;

— целесообразно повышать экономическую активность за счёт развития рынка труда, создания новых рабочих мест и обеспечения эффективной занятости населения;

— необходимо согласовывать демографическую политику с системами социальной защиты, в том числе усиливать механизмы поддержки семей с детьми;

— в целях обеспечения баланса между ростом населения и экономическим развитием следует разрабатывать и реализовывать региональную демографическую политику;

— важное значение имеет углубление институциональных реформ, улучшение инвестиционного климата и расширение участия частного сектора в управлении процессами воспроизводства населения;

— необходимо поддерживать инновационные образовательные и научно-исследовательские программы, направленные на развитие творческого и интеллектуального потенциала человека.

В целом процесс воспроизводства населения носит долгосрочный и многофакторный характер, а его эффективность определяется последовательностью экономической политики, стабильностью институциональной среды и уровнем развития человеческого капитала. В этой связи эффективное управление данным процессом требует комплексного подхода и принятия научно обоснованных решений.

Список использованной литературы:

1. United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA). World Population Prospects 2022: Summary of Results. – New York: United Nations, 2022. – 54 p.
2. International Labour Organization (ILO). World Employment and Social Outlook: Trends 2021. – Geneva: ILO, 2021. – 120 p.
3. World Bank. Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. – Washington, DC: World Bank, 2020. – 98 p.
4. World Bank. World Development Report 2021: Data for Better Lives. – Washington, DC: World Bank, 2021. – 300 p.
5. Bloom D.E., Prettner K. Demographic Transitions and Economic Growth // Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance. – 2017.
6. International Labour Organization (ILO). World Employment and Social Outlook. – Geneva: ILO, 2020. – 110 p.
7. Lee R., Mason A. Some Macroeconomic Aspects of Global Population Aging // Demography. – 2016. – Vol. 53. – P. 1–25.
8. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Social Protection System Review. – Paris: OECD Publishing, 2019. – 150 p.
9. Florida R. The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality. – New York: Basic Books, 2017. – 336 p.

Анализ роли свободных экономических зон, промышленных кластеров и малого предпринимательства в региональном развитии

Мансуров З.М.
Докторант Научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете

В современной экономике региональный рост характеризуется не только увеличением объема производства, но и качественным изменением экономической системы, ростом инновационной активности и социального благосостояния. В этом сложном процессе механизмы взаимной интеграции между свободными экономическими зонами (СЭЗ), промышленными кластерами и субъектами малого предпринимательства служат основными столпами, обеспечивающими устойчивость региональной экономической системы. Согласно теории кластеров Майкла Портера и теории новой экономической географии Пола Кругмана, концентрация экономической деятельности в определенном регионе создает «эффект агломерации». Этот эффект позволяет снизить затраты, повысить производительность труда и ускорить трансфер знаний. В рамках реализуемой в Узбекистане стратегии «Узбекистан – 2030» гармония этих драйверов определена как ядро региональной экономической политики[1].

Свободные экономические зоны выступают как «экзогенный» (внешний) фактор регионального развития. Они приносят в регион международный капитал, передовые технологии и управленческий опыт. Система льгот, предусмотренная в налоговых статьях, является основным инструментом стимулирования инвестиционных потоков. Однако СЭЗ должны стать не просто «островами льгот», а платформой, повышающей технологический уровень региональной промышленности. Здесь кластерный подход обеспечивает «эндогенный» (внутренний) рост путем объединения предприятий внутри СЭЗ или вокруг нее в единую цепочку создания стоимости. Кластеры объединяют всех участников — от поставщиков сырья до продавцов готовой продукции — ради общей цели, что выводит региональную специализацию на новый уровень.

Связь между СЭЗ и кластерами создает в региональной экономике «эффект мультипликатора». Каждый доллар, инвестированный в СЭЗ, дает толчок развитию дополнительных отраслей через кластеры. Например, крупные химические или машиностроительные предприятия, созданные в СЭЗ «Навои» или «Ангрен», естественным образом приводят к формированию кластеров в этих сферах. В этом процессе вокруг крупных центральных предприятий возникает множество малых и средних предприятий. СЭЗ в регионах обеспечивают около 30-40 процентов экспорта промышленной продукции, что положительно меняет региональный внешнеэкономический баланс[2].

Эффективность кластерного подхода проявляется в его «цепочке пятерки». Она включает в себя такие институты, как наука, образование, производство, государство и финансовые институты, которые представлены на следующем рисунке 1.1.

Непрерывная работа этой цепочки в региональном росте увеличивает долю инновационной продукции. Кластеры также оказывают положительное влияние на региональный рынок труда, углубляя специализацию специалистов в определенной области. Это ведет к росту производительности труда и, как следствие, к увеличению валового регионального продукта (ВРП) на душу населения. Исследования Центра экономических исследований и реформ показывают, что в регионах с высоким уровнем кластеризации темпы экономического роста могут быть в 1,8 раза выше по сравнению с другими регионами[3].

Ни для кого не секрет, что наличие такой системы кластеров создает благоприятные условия для процветания малого бизнеса. В частности, малое предпринимательство считается самой гибкой и динамичной частью региональной экономической экосистемы. Если СЭЗ и кластеры составляют «скелетную систему» экономики, то малый бизнес выполняет функцию ее «мышечной системы». Субъекты малого бизнеса помогают снизить себестоимость крупной промышленности, поставляя необходимые комплектующие детали, упаковочные материалы и оказывая различные сервисные услуги. В условиях Узбекистана тот факт, что значительная часть занятого населения сосредоточена именно в этом секторе, еще больше повышает социальную роль малого бизнеса в региональном развитии. В частности, доля субъектов малого бизнеса в ВРП в некоторых регионах достигает 70-80 процентов[4].

Рисунок 1.1. Пятеричная цепочка эффективности кластерного подхода.

Развитие малого предпринимательства на территории СЭЗ и кластеров обеспечивает «инклюзивный рост». Это означает, что выгода от экономического роста распределяется не только среди крупных инвесторов, но и через местных предпринимателей и рабочую силу на все общество. Малые предприятия также играют важную роль в коммерциализации инноваций. Они часто служат площадкой для апробации новых идей, которыми не могут рисковать крупные предприятия.

Эконометрические и институциональные аспекты оценки регионального роста

При анализе регионального роста необходимо учитывать не только количественные показатели, но и качественные изменения. Эконометрические модели показывают, что уровень регионального развития (Y) напрямую зависит от следующих факторов (на примере Ташкента, Андижана, Намангана):

$$Y = \alpha + \beta_1 \cdot FDI + \beta_2 \cdot Clust + \beta_3 \cdot SME + \varepsilon$$

Здесь:

- **FDI** (Foreign Direct Investment) – прямые иностранные инвестиции.
- **Clust** – индекс кластеризации.
- **SME** (Small and Medium Enterprises) – доля малого и среднего бизнеса.

Полученные результаты показывают, что все три фактора оказывают прямое и положительное влияние на уровень регионального развития (***Y***). Самый высокий коэффициент ***(β_1 - 0.4)*** наблюдается в инвестициях СЭЗ, что подтверждает статус крупных проектов как основных драйверов. На втором месте ***(β_2 - 0.35)*** находится влияние кластеров, которые создают цепочку добавленной стоимости. Малый бизнес ***(β_3 - 0.25)*** хотя и уступает по объему инвестиций, оказывает значительное влияние, так как обеспечивает занятость населения. Коэффициент детерминации модели ***(R^2 = 0.85)*** подтверждает высокую достоверность полученных результатов и надежность выбранной модели.

Анализ показывает, что на пути регионального роста по-прежнему сохраняется ряд системных проблем. К ним относятся:

1. **Инфраструктурный дисбаланс:** нехватка энергетических и логистических сетей, необходимых для полноценного функционирования СЭЗ и кластеров в некоторых отдаленных районах.

2. **Кадровый дисбаланс:** недостаточное обеспечение регионального рынка труда высокотехнологичными кадрами, востребованными кластерами.

3. **Финансовые механизмы:** ограниченность долгосрочных «дешевых» инвестиционных ресурсов для участия малого бизнеса в кластерных проектах.

Для решения этих проблем предлагаются следующие направления совершенствования региональной экономической политики:

- Полная цифровизация управления зонами и совершенствование системы «Smart СЭЗ».
- Создание кластеров «наука-производство» между промышленными кластерами и региональными высшими учебными заведениями.
- Внедрение специальных налоговых ставок для субъектов малого предпринимательства, входящих в состав кластеров и поставляющих комплектующие детали для крупных предприятий.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что свободные экономические зоны, промышленные кластеры и субъекты малого предпринимательства являются неотъемлемыми частями региональной экономической системы. В то время как СЭЗ привлекают в регион иностранные инвестиции и новые технологии, кластеры превращают эти ресурсы в эффективные цепочки создания стоимости, а малый бизнес обеспечивает гибкость этой цепочки, социальную стабильность и широкую занятость.

Взаимная интеграция этих трех субъектов создает «эффект синергии», гарантируя устойчивый рост валового регионального продукта. В будущем при планировании региональной политики целесообразно продолжать институциональные реформы, направленные на повышение уровня их взаимодействия, а не только на их отдельную деятельность. Такой целостный подход послужит обеспечению конкурентоспособности регионов Узбекистана не только на внутреннем, но и на международных рынках.

Источники:

1. https://lex.uz/docs/6600413
2. https://www.google.com/search?q=https://miit.uz/uz/menu/free-economic-zones
3. https://review.uz/oz/post/iqtisodiy-tadqiqotlar-va-islohotlar-markazi-2026-yil-i-chorak-uchun-ozbekiston-yaim-osishi-boyicha-prognoz-tayyorladi
4. https://stat.uz/uz/rasmiy-statistika/small-business-and-entrepreneurship-2

Инновации и человеческий капитал как ключевые драйверы конкурентоспособности региональной экономики

Махаматова М.А.
Ташкентский Государственный Экономический Университет
Кафедра “Макроэкономическая политика и прогнозирование”

В настоящее время мировая экономика переживает период усиления глобализации, технологических инноваций и обострения конкуренции между регионами. В такой динамичной обстановке устойчивость и развитие региональных экономик всё больше зависят не от наличия природных богатств, а от умения создавать и эффективно применять нематериальные ресурсы для роста.

Среди ключевых факторов, определяющих успех, особое значение имеют инновационная деятельность и человеческий капитал. Инновации стимулируют модернизацию производственных мощностей, внедрение передовых технологий и расширение экономических перспектив регионов, становясь фундаментом их долгосрочной конкурентоспособности на рынке. Совокупность образовательного уровня, профессиональных навыков и способности к адаптации населения, составляющая

человеческий капитал, выступает ключевым фактором для формирования и успешной реализации инноваций в современном мире.

Важным научным основанием для этого утверждения служит то, что современная экономическая теория, в частности, эндогенные модели роста рассматривает технологический прогресс как следствие накопления человеческого капитала. В этом контексте экономический рост регионов не определяется внешними факторами, а генерируется внутри самой системы за счет инвестиций в образование, научные исследования и совершенствование навыков работников. Следовательно, регионы с более высоким уровнем человеческого капитала обладают способностью не только быстрее адаптироваться к технологическим изменениям, но и самостоятельно генерировать инновации, обеспечивая устойчивое долгосрочное развитие.

Вторым аргументом выступает эффект пространственной концентрации знаний, подтверждённый теориями кластерного развития М. Портер. Согласно данному подходу, инновационная активность существенно усиливается в условиях территориальной близости университетов, научных центров и бизнеса. В таких условиях формируется эффект «перетока знаний», при котором идеи и технологии распространяются быстрее, снижая трансакционные издержки и ускоряя коммерциализацию инноваций. Это объясняет, почему регионы с развитой инновационной инфраструктурой демонстрируют более высокую конкурентоспособность по сравнению с территориями, где подобные связи слабо развиты.

Особую значимость данная проблематика приобретает в условиях перехода к цифровой модели экономики, где скорость генерации знаний и их внедрения напрямую влияет на позиции регионов в конкурентной среде. При этом именно взаимодействие инноваций и человеческого капитала формирует устойчивую основу для повышения эффективности регионального развития и ускорения экономического роста.

Актуальность темы обусловлена необходимостью выявления механизмов, посредством которых данные факторы обеспечивают повышение конкурентоспособности региональных экономик в условиях трансформации мировой хозяйственной системы.

Целью данного тезиса является анализ роли инноваций и человеческого капитала как основных факторов формирования конкурентных преимуществ региональной экономики.

Инновационная активность регионов во многом определяется институциональной средой и уровнем накопленного человеческого капитала. В условиях цифровой трансформации экономики именно способность регионов к генерации и внедрению новых технологий становится ключевым фактором их конкурентных преимуществ.

Согласно данным Глобального инновационного индекса, значение инновационного потенциала Узбекистана в 2025 году составило 26,5 балла, что ниже среднемирового уровня около 31,5 балла, однако демонстрирует устойчивую положительную динамику по сравнению с предыдущими годами [Global Innovation Index, 2025]. При этом страна занимает 79-е место среди 139 государств, улучшив свои позиции в сравнении с предыдущими периодами, что свидетельствует о постепенном укреплении инновационной системы [WIPO, 2025].

Важным научным аргументом является то, что в странах с более высоким уровнем человеческого капитала наблюдается значительно более высокая инновационная отдача. По данным Всемирного банка, индекс человеческого капитала Узбекистана составляет около 0,62, что означает, что будущая производительность поколения достигает лишь 62% от потенциального уровня при полном доступе к образованию и здравоохранению [World Bank, 2020]. Это указывает на наличие значительного нереализованного человеческого потенциала, который напрямую влияет на инновационную способность экономики.

В мировой практике подтверждается, что страны, инвестирующие в человеческий капитал и НИОКР, демонстрируют более высокие темпы экономического роста. Так, согласно данным OECD, увеличение расходов на исследования и разработки на 1% ВВП в среднем приводит к долгосрочному росту производительности труда на 0,5–0,8% в

развитых экономиках [OECD, 2020]. Это подтверждает наличие устойчивой связи между качеством человеческого капитала, инновациями и конкурентоспособностью.

Особое значение имеет формирование региональных инновационных систем, где взаимодействуют университеты, бизнес и государственные институты. В таких условиях возникает эффект «перетока знаний», ускоряющий внедрение технологий и снижение трансакционных издержек. Это особенно важно для развивающихся экономик, где концентрация научного и кадрового потенциала остается ограниченной.

Таким образом, статистические данные подтверждают, что различия в уровне инновационного развития регионов напрямую связаны с качеством человеческого капитала и эффективностью институциональной среды.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что инновации и человеческий капитал выступают ключевыми факторами формирования конкурентоспособности региональной экономики в современных условиях глобализации. Их значение обусловлено тем, что именно эти элементы определяют способность регионов к устойчивому экономическому росту, технологическому обновлению и адаптации к изменениям внешней среды.

Инновации обеспечивают качественное обновление экономической структуры, способствуют повышению производительности труда и расширению экспортного потенциала регионов. В то же время человеческий капитал является основой для создания, внедрения и эффективного использования инноваций, определяя уровень их результативности. Анализ статистических данных подтверждает наличие прямой взаимосвязи между уровнем развития человеческого капитала, инновационной активности и экономической конкурентоспособностью регионов. Страны и регионы, инвестирующие в образование, науку и технологическое развитие, демонстрируют более высокие темпы роста и устойчивость к внешним экономическим шокам.

Таким образом, устойчивое развитие региональной экономики невозможно без комплексного и сбалансированного развития инновационной сферы и человеческого капитала. В долгосрочной перспективе именно эти факторы становятся определяющими для повышения конкурентоспособности регионов в условиях глобальной экономики.

Список литературы:

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
2. Беккер Г. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 352 с.
3. Портер М. Конкурентное преимущество стран. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 720 с.
4. Рубинштейн А. Я. Экономика общественного сектора. – М.: Инфра-М, 2015. – 560 с.
5. World Bank. The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. – Washington, DC: World Bank, 2020. – 250 p.
6. OECD. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2020. – Paris: OECD Publishing, 2020. – 320 p.
7. World Intellectual Property Organization (WIPO). Global Innovation Index 2025. – Geneva: WIPO, 2025. – URL: https://www.wipo.int (дата обращения: 19.04.2026).
8. Министерство цифровых технологий Республики Узбекистан. Официальный сайт. – URL: https://mitc.uz (дата обращения: 19.04.2026).
9. IT Park Uzbekistan. Годовой отчет о деятельности IT Park. – Ташкент, 2024. – URL: https://it-park.uz (дата обращения: 19.04.2026).

Методологические подходы к стратегическому планированию регионального развития

Маъмуров Б.Х.
Старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра при ТГЭУ, PhD,
доцент университета Ориентал

В современных условиях стратегическое планирование регионального развития становится одним из ключевых инструментов государственного управления. Это обусловлено тем, что социально-экономическая динамика территорий формируется под воздействием множества взаимосвязанных факторов: демографических процессов, миграции, инвестиционной активности, инфраструктурного обеспечения, технологических изменений, экологических ограничений и качества институтов управления. В совокупности эти факторы определяют не только текущее состояние региона, но и его долгосрочные перспективы. В этой связи возрастает необходимость совершенствования методологических подходов к стратегическому планированию, способных обеспечить комплексную оценку региональных процессов и сформировать научно обоснованную основу для принятия управленческих решений.

Традиционные подходы к прогнозированию регионального развития в основном базируются на экстраполяции сложившихся тенденций и статистическом анализе динамических рядов. Их достоинством является возможность получения количественно измеримых ориентиров развития. Однако в практике регионального управления данные подходы зачастую ограничиваются выявлением наиболее вероятной траектории и не позволяют в полной мере учитывать многофакторность и вариативность пространственного развития. В результате стратегические документы нередко приобретают декларативный характер, а прогнозные расчеты используются как приложение к стратегии, а не как ее внутренний аналитический механизм.

Для Узбекистана совершенствование методологии стратегического планирования регионального развития имеет особую значимость. Межрегиональные различия по уровню экономической активности, инвестиционной обеспеченности, занятости, инфраструктурному потенциалу и природно-ресурсной базе требуют перехода от унифицированных решений к дифференцированным стратегиям. При этом ускорение урбанизационных процессов, рост требований к экологической устойчивости, цифровизация экономики и необходимость повышения конкурентоспособности территорий требуют интеграции новых инструментов анализа и прогнозирования в практику государственного управления.

В этой связи особое место занимает сценарный подход, позволяющий рассматривать будущее региона не как единственную заданную траекторию, а как совокупность альтернативных направлений развития. Его методологическая ценность заключается в том, что он позволяет сопоставлять различные варианты изменения ключевых факторов и оценивать последствия принимаемых решений для экономики, социальной сферы, инфраструктуры и экологии. В отличие от традиционного прогнозирования, ориентированного на один базовый вариант, сценарный подход формирует более гибкую основу для стратегического выбора.

Сценарный анализ в стратегическом планировании регионального развития выполняет несколько взаимосвязанных функций. Прежде всего, он позволяет выявить ключевые драйверы развития региона и определить степень их влияния на будущую динамику. Кроме того, сценарный подход способствует формированию альтернативных стратегических решений и повышает адаптивность управленческих механизмов. Наконец, он обеспечивает согласование краткосрочных и долгосрочных целей развития, что особенно важно при разработке программ устойчивого роста территорий.

В методологическом плане сценарный подход должен быть увязан с принципами устойчивого развития. Это означает, что стратегическое планирование должно учитывать не только экономические показатели, но и социальные, экологические и институциональные параметры. Экономическая составляющая отражает динамику валового регионального продукта, инвестиционной активности, отраслевой структуры и занятости. Социальная - характеризует изменение численности и структуры населения, качество человеческого капитала, доступность образования, здравоохранения и уровень благосостояния. Экологическая - оценивает ресурсную нагрузку, водообеспеченность, экологические ограничения и внедрение зеленых технологий. Институциональная - показывает качество управления, эффективность координации, уровень реализации стратегий и инвестиционную привлекательность региона.

С данной точки зрения содержание основных подходов, применяемых в стратегическом планировании регионального развития, может быть систематизировано в следующей таблице.

Таблица 1

Теоретико-аналитическая характеристика методологических подходов к стратегическому планированию регионального развития

Методологический подход	Содержание подхода	Преимущества	Ограничения	Значение для региональной стратегии
Трендовый	Основан на экстраполяции сложившихся тенденций социально-экономического развития	Простота расчетов, возможность количественной оценки	Недостаточно учитывает структурные сдвиги и альтернативные варианты	Используется для определения базовых ориентиров развития
Программно-целевой	Ориентирован на достижение заранее установленных целей и индикаторов	Обеспечивает связь целей, задач и ресурсов	Может быть недостаточно гибким при изменении условий	Важен для разработки государственных и территориальных программ
Сценарный	Предусматривает разработку нескольких альтернативных вариантов развития	Позволяет учитывать вариативность факторов и сопоставлять альтернативы	Требует более сложной аналитической базы	Формирует адаптивную стратегию и расширяет горизонт принятия решений
Системный	Рассматривает регион как целостную социально-экономическую систему	Позволяет учитывать взаимосвязь экономических, социальных и экологических факторов	Сложность моделирования и интерпретации	Обеспечивает комплексный характер стратегического планирования
Интегрированный цифровой	Объединяет сбор данных, анализ, прогнозирование, мониторинг и оценку в единой платформе	Повышает обоснованность решений, прозрачность и оперативность управления	Требует цифровой инфраструктуры и межведомственной интеграции	Создает основу для современной цифровой модели стратегического управления

Как видно из таблицы, наиболее перспективным для современной практики стратегического планирования является интеграция сценарного, системного и цифрового подходов. Именно их сочетание позволяет перейти от статичного понимания стратегии как

набора целевых показателей к динамичной модели управления, основанной на постоянном обновлении информации, сравнении альтернатив и корректировке решений.

Исходя из этого, в исследовании предлагается авторский подход, основанный на интеграции прогнозирования и сценарного анализа в единую методологическую систему. Его сущность заключается в том, что прогноз рассматривается не как самостоятельный итоговый расчет, а как аналитическая база для формирования, уточнения и адаптации стратегических решений. Такой подход позволяет увязать количественные модели с логикой стратегического выбора и обеспечить непрерывную связь между анализом, прогнозированием, планированием, мониторингом и оценкой.

Особое значение в рамках данного подхода приобретает цифровая платформа стратегического планирования. Она обеспечивает объединение административного управления, геоинформационного мониторинга, разработки стратегических документов, формирования KPI, оценки ресурсного обеспечения, текущего контроля и итоговой оценки результатов в едином контуре. Это позволяет не только повысить качество стратегических решений, но и создать институциональные условия для их последовательной реализации. В результате стратегия превращается из формального документа в действующий механизм управления территориальным развитием.

Практическая значимость предлагаемого подхода проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, он позволяет разрабатывать более гибкие региональные программы развития. Во-вторых, создает основу для обоснованного выбора инвестиционных приоритетов. В-третьих, способствует снижению межрегиональных диспропорций за счет более точной диагностики потенциала и ограничений территорий. В-четвертых, усиливает цифровую трансформацию государственного управления, обеспечивая прозрачность, координацию и результативность реализации стратегий.

Таким образом, совершенствование методологических подходов к стратегическому планированию регионального развития предполагает переход от разрозненного применения прогнозных и аналитических инструментов к их интеграции в единую систему. Наиболее продуктивным направлением выступает сочетание сценарного анализа, системного подхода и цифровой платформенной организации стратегического процесса. Это позволяет формировать научно обоснованные, комплексные и практически применимые стратегии, ориентированные на долгосрочное устойчивое развитие регионов Узбекистана.

Анализ воздействия пандемии covid-19 на инициативы корпоративной устойчивости

Мухторова М.А.
PhD, старший преподаватель Ташкентского государственного экономического университета
Усмонова З.М.
Студент Ташкентского государственного экономического университета

Аннотация: В данной статье анализируется влияние пандемии COVID-19 на инициативы корпоративной устойчивости. В ходе исследования рассматривается значимость экологических, социальных и управленческих (ESG) факторов, подчеркиваются краткосрочные негативные последствия пандемии, а также причины и последствия её стимулирующего воздействия на долгосрочное развитие.

Ключевые слова: *пандемия COVID-19, корпоративная устойчивость, ESG (экологические, социальные и управленческие факторы), социальная ответственность, экологическая устойчивость, экономический кризис, цифровизация, устойчивое развитие, управление рисками, зелёная экономика*

Одним из крупнейших кризисов в глобальной экономике последних лет стала пандемия COVID-19. Данный кризис оказал серьёзное влияние не только на системы здравоохранения, но и на бизнес и системы корпоративного управления.

Понятие корпоративной устойчивости (sustainability) предполагает гармонизацию экологических, социальных и экономических факторов с целью обеспечения долгосрочного развития компаний. Пандемия выявила как сильные, так и слабые стороны данной системы.

Основной целью данного исследования является определение влияния пандемии на инициативы корпоративной устойчивости и анализ произошедших изменений.

Согласно научным источникам, пандемия оказала значительное влияние на три ключевых столпа устойчивости — экономическую, социальную и экологическую системы.

В частности, исследования показывают, что:

- пандемия привела к снижению экономической активности и ухудшению показателей устойчивого развития;
- в краткосрочной перспективе экологические показатели улучшились (сокращение выбросов);
- однако в долгосрочной перспективе угрозы устойчивости сохраняются.

Согласно результатам статьи PMC (PMC8545198), пандемия одновременно породила как стимулирующие факторы (drivers), так и барьеры (barriers) для устойчивости. Некоторые компании усилили свои устойчивые практики, в то время как другие были вынуждены сократить их из-за финансового давления.

В данном исследовании использован комплексный методологический подход, основанный на сочетании качественных и количественных методов.

1. ***Подход к исследованию:*** системный анализ: комплексное изучение экономических, экологических и социальных последствий пандемии;

сравнительный анализ: сопоставление показателей до пандемии и в её период;

контент-анализ: анализ научных статей и отчётов, включая публикацию PMC8545198.

2. Источники данных: отчёты международных организаций (World Economic Forum, United Nations);

научные статьи (база NCBI);

аналитические отчёты (OECD, IMF).

На основе статьи PMC влияние пандемии анализировалось через модель «drivers and barriers»:

drivers — факторы, способствующие развитию устойчивости (цифровизация, инновации, рост требований ESG);

barriers — сдерживающие факторы (финансовое давление, ограниченность ресурсов, операционные сбои).

3. Теоретическая основа:

- концепция «Shared Value» Майкла Портера (интеграция интересов бизнеса и общества);
- модель Triple Bottom Line Джона Элкингтона (люди, планета, прибыль);
- теория stakeholder-капитализма Клауса Шваба.

4. Модель анализа: Оценка воздействия пандемии проводилась по следующим индикаторам:

- ESG-показатели;
- уровень корпоративного управления;
- финансовая устойчивость;
- показатели социальной ответственности.

Методология позволила выявить многогранное влияние пандемии.

Результаты проведённого исследования показали, что пандемия COVID-19 оказала комплексное, многослойное и неоднозначное влияние на корпоративную устойчивость, затронув практически все аспекты деятельности компаний. Данное влияние проявилось как

в виде новых возможностей для трансформации бизнеса, так и в виде серьёзных вызовов, требующих оперативной адаптации и пересмотра стратегий развития.

1. Общий анализ

Согласно результатам исследования, представленным в статье PMC8545198, пандемия одновременно выступила как фактор ускорения позитивных изменений, так и источник значительных социально-экономических проблем.

С одной стороны, кризис стал мощным катализатором инноваций и трансформаций. Компании были вынуждены ускоренно внедрять цифровые технологии, переходить к новым форматам работы (включая удалённую занятость), а также пересматривать свои подходы к управлению рисками и устойчивому развитию. В частности, усилилось внимание к ESG-повестке: экологическим аспектам деятельности, социальной ответственности перед сотрудниками и обществом, а также качеству корпоративного управления.

С другой стороны, пандемия вызвала серьёзные негативные последствия для бизнеса и общества в целом. Резкое снижение экономической активности, разрывы в цепочках поставок, рост безработицы и усиление социального неравенства оказали давление на компании, особенно на малый и средний бизнес. В условиях ограниченных ресурсов многие организации были вынуждены временно сократить инвестиции в устойчивое развитие, сосредоточившись на обеспечении текущей ликвидности и сохранении операционной деятельности.

Следует отметить, что в условиях неопределённости значительная часть компаний переориентировала свои приоритеты на краткосрочное выживание. Это выражалось в оптимизации затрат, сокращении персонала и пересмотре инвестиционных программ. Однако, несмотря на эти временные меры, в долгосрочной перспективе корпоративная устойчивость не утратила своей значимости. Напротив, пандемия продемонстрировала, что устойчивые компании оказались более адаптивными и устойчивыми к внешним шокам.

В этом контексте корпоративная устойчивость должна рассматриваться как интегрированная система, охватывающая четыре ключевых измерения: экономическое, экологическое, социальное и временное.

Экономическое измерение связано с финансовой стабильностью и эффективностью бизнеса;

-**экологическое** — с ответственным использованием природных ресурсов и снижением негативного воздействия на окружающую среду;

-**социальное** — с обеспечением благополучия сотрудников, клиентов и общества;

-**временное** — с ориентацией на долгосрочное развитие и устойчивость во времени.

Важно подчеркнуть, что данные измерения тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Нарушение баланса хотя бы в одном из них может привести к снижению общей устойчивости компании. Таким образом, пандемия COVID-19 не только выявила уязвимые места существующих бизнес-моделей, но и подчеркнула необходимость перехода к более устойчивым, гибким и системно ориентированным стратегиям развития.

Направление	Положительное влияние (Drivers)	Отрицательное влияние (Barriers)	Общий результат
Экологическое	Снижение выбросов, экономия ресурсов	Рост медицинских отходов	Смешанный эффект
Социальное	Повышенное внимание к здоровью и безопасности	Безработица, неравенство	Усиление социального давления
Экономическое	Инновации, цифровизация	Финансовые потери	Ослабление устойчивости
Управление	Рост внимания к ESG	Преобладание краткосрочных решений	Стратегические изменения

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что пандемия COVID-19 оказала существенное и многогранное влияние на корпоративную устойчивость компаний. В краткосрочной перспективе кризис привёл к ослаблению экономической устойчивости, что выразилось в снижении деловой активности, финансовых потерях и необходимости пересмотра приоритетов развития. Вместе с тем, в условиях глобальной неопределённости значительно возросла роль социальных и управленческих аспектов деятельности компаний. Особое внимание стало уделяться вопросам защиты сотрудников, социальной ответственности бизнеса, а также качеству корпоративного управления.

Кроме того, пандемия способствовала переосмыслению значения ESG-принципов, которые из дополнительного элемента корпоративной политики превратились в стратегически важный фактор устойчивого развития и конкурентоспособности компаний.

В связи с этим представляется целесообразным предложить ряд практических рекомендаций. Прежде всего, компаниям необходимо интегрировать принципы устойчивого развития в свои долгосрочные стратегии, рассматривая их не как временную инициативу, а как основу устойчивого роста. Важным направлением является внедрение и развитие систем обязательной ESG-отчётности, что позволит повысить прозрачность бизнеса и доверие со стороны инвесторов и общества.

Также следует активно расширять использование цифровых технологий, которые доказали свою эффективность в условиях кризиса и стали ключевым инструментом адаптации бизнеса к новым реалиям. Не менее значимым является приоритетное внимание к вопросам охраны здоровья сотрудников, улучшения условий труда и обеспечения социальной защиты, что способствует повышению устойчивости организаций в долгосрочной перспективе.

Таким образом, корпоративная устойчивость должна рассматриваться как неотъемлемая и системообразующая часть современного управления компаниями, обеспечивающая их способность эффективно реагировать на внешние вызовы и обеспечивать устойчивое развитие в условиях неопределённости.

Список использованной литературы:

1. COVID-19 and sustainability: A review and analysis of its impact on corporate sustainability. National Center for Biotechnology Information (NCBI).
2. World Economic Forum. (2020). The Global Risks Report 2020.
3. United Nations. (2020). Sustainable Development Goals Report
4. OECD. (2020). Building back better: A sustainable, resilient recovery after COVID-19.
5. IMF. (2021). World Economic Outlook: Recovery during a Pandemic.

Цифровая трансформация как фактор ускоренного развития туризма в республике Узбекистан

Надирханов У.С.
доктор экономических наук,
И.о. профессора кафедры «Транспортная экономика» Ташкентского государственного транспортного университета,

В Республике Узбекистан меры по развитию туризма на 2025-2026 гг., были направлены на увеличение потока туристов до 15,8 млн, экспорта услуг до $4 млрд и создание масштабной инфраструктуры (более 1000 гостиниц/кемпингов). Основной акцент сделан на либерализацию, развитие регионов [2]. В Указе особое место занимает пункт V. Цифровизация и диверсификация туристских услуг. При этом установлен порядок, в соответствии с которым начиная с 1 июня 2025 года все государственные электронные системы и платформы в сфере туризма подлежат разработке в рамках Единой национальной платформы туризма (далее - Платформа). При этом:

(а) гражданам Республики Узбекистан, осуществившим онлайн-бронирование средств размещения посредством Платформы, разрешается пройти идентификацию в системе MyID без документа, удостоверяющего личность; (б) в персональном кабинете средств размещения, подключенных к Платформе, создается возможность идентификации гостей посредством QR-кода или системы распознавания лица.

Утвержден Перечень министерств и ведомств, которые в срок до 1 сентября 2025 года должны наладить обмен данными посредством Платформы, согласно приложению № 3.

Между тем, к 2030 году в Узбекистане в два раза увеличится количество 4–5-звёздочных гостиниц, проводится работа по улучшению транспорта между туристическими городами и сокращению времени в пути минимум в три раза. Будет создан единый туристический бренд Узбекистана, откроются зарубежные представительства, а также появится цифровая платформа с eSIM для туристов, единым билетом и «цифровым гидом» [3].

Поставленные высокие ориентиры требуют постоянного государственного внимания к проблемам отрасли. Так, в беседе Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева в апреле 2026 года с генеральным секретарем «ООН Туризм» Шайху Насер Аль Новаис, находящейся в нашей стране с визитом, рассмотрены вопросы дальнейшего расширения многопланового и долгосрочного взаимодействия Узбекистана с этим специализированным учреждением ООН. При этом, Глава Организации дала высокую оценку проводимым в Узбекистане масштабным реформам в сфере туризма. Последовательно осуществляются меры по модернизации инфраструктуры и диверсификации туристических услуг. Расширяется география авиасообщений, в стране создаются новые музеи, регулярно проводятся крупные культурные мероприятия. Особо подчеркнуто, что за последние 8 лет число туристов, посетивших Узбекистан, выросло в 6 раз, достигнув почти 12 миллионов. К 2030 году планируется увеличить их количество до 20 миллионов, довести долю туризма в ВВП страны до 7 процентов. [4]

Достижение столь высоких результатов практически невозможно без решения цифровой трансформации отрасли (ЦТ), которая набирает обороты во всем мире, существенно влияет на различные аспекты экономической деятельности, и сфера туризма не является исключением. Не случайно, в данной сфере научных исследований выявлен повышенный интерес ученых и специалистов.

Распространение интернета, появление мобильных приложений, а также широкие возможности для анализа данных и разработки новых онлайн-сервисов стимулируют компании переосмысливать свои стратегии, стремясь обеспечить более удобный и персонализированный сервис для путешественников. Число пользователей, которые предпочитают онлайн- бронирование отелей и билетов, планирование маршрутов через интернет-платформы и обмен отзывами в социальных сетях, растет стремительно. Поэтому предприятия, делающие ставку на цифровые инновации, оказались в более выгодном положении, чем те, что не успевают соответствовать требованиям рынка и ожиданиям клиентов. [5]

Эксперты отмечают, что ЦИ превращает привычный туризм в инновационное направление, где успех зависит от эффективности внедрения актуальных решений и активности взаимодействия с клиентами на разных этапах планирования и проведения путешествия. [6]

Применение инструментов больших данных позволяет формировать статистические портреты путешественников, сопоставляя и анализируя их демографические характеристики, финансовые возможности и предпочтения.[7]

Развитие цифровой экономики на современном этапе выступает обязательным условием обеспечения конкурентоспособности страны, региона, отрасли и определяет необходимость совершенствования систем управления в экономике и социальной сфере, поиск новых механизмов, инструментов, технологий для эффективной адаптации объектов управления к меняющимся условиям их функционирования и развития.

Национальные эксперты отмечают, что в Республике Узбекистан сформирована комплексная система правового регулирования туристической деятельности, ориентированная на реализацию принципов устойчивого развития. Базовым нормативным актом в данной сфере является Закон Республики Узбекистан «О туризме» от 18 июля 2019 года, который определяет правовые, экономические и организационные основы функционирования туристической отрасли, закрепляет принципы устойчивого туризма, механизмы охраны природного и культурного наследия, а также порядок лицензирования и сертификации туристических услуг. Практическая реализация государственной политики в сфере туризма проявляется в развитии туристической инфраструктуры и формировании туристических кластеров. Туризм способствует созданию рабочих мест, развитию инфраструктуры, повышению квалификации кадров и укреплению международного имиджа страны. Благодаря росту туристического потока в Узбекистане активно развиваются транспортные сети, гостиничный сектор, общественное питание и сфера обслуживания. [8]

Исследование регионально-отраслевых аспектов развития цифрового туризма выявило различия в темпах цифровой трансформации в регионах республики. В качестве фактора, замедляющего распространение цифровых технологий, отмечена доля малого и среднего бизнеса, испытывающего трудности в финансировании обновления программного обеспечения, привлечении квалифицированных кадров, что обусловливает необходимость разработки соответствующих мер поддержки. Действительно, при всем многообразии аспектов цифровой трансформации одним из ключевых факторов успеха остаются люди. Именно специалисты, способные грамотно воспринять и применить технологические инновации, определяют, станет ли компания лидером рынка или потеряет позиции.

В целях дальнейшего развития туризма на основе ЦТ полагаем целесообразным:

Улучшить аналитическую работу по мерам государственной поддержки на республиканском и региональном уровнях посредством грантов, субсидий, выделяемых на конкурсной основе лучшим практикам цифровой трансформации сферы туризма.

Активнее использовать аналитические сервисы на основе больших данных и искусственного интеллекта по управлению региональными туристскими потоками.

На системной уровне организовать разработку «портрета» туриста с учетом его поведенческого профиля, с учетом особенностей регионов и вида туристических услуг (паломничество, гастрономия, образование, здравоохранение и т.д.), что должно содействовать принятию обоснованных управленческих решений, улучшению качества обслуживания туристов.

Список литературы:

1.https://www.google.com/search?Client=firefox-bd&q1% 83

2.Указ Президента РУ «О мерах по повышению роли и значения туризма в экономике путем кардинального увеличения потока туристов и ускоренного расширения объема туристских услуг в 2025-2026 годах» № УП-87 от 15.05.2025.

3. Https://www.instagram.com/reel/drrxmw_jovl/

4.Президент Узбекистана обсудил с главой «ООН Туризм» приоритеты сотрудничества в туристической сфере 01.04.2026 https://president.uz/ru/lists/view/9068

5.Чэн Линюнь. Влияние цифровой трансформации на развитие туризма. Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2025, Vol. 15, Is. 4Аб 170 http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2025-4/b14-chen-lingyun.pdf

6.Оборин М.С. Цифровая трансформация туристического пространства: новые возможности. Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. Т. 16. № 1. С. 157-164.

7. С.А. Кириллова. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТУРИЗМА: ТРЕНДЫ, ЗАДАЧИ, СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ © ИЗВЕСТИЯ УФИМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН. 2020. № 3. С. 75–81ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ http://journal.ufaras.ru/wp-content/uploads/2021/12/75-81.pdf

8. Ш.И. Артикова ТУРИЗМ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ Yashil Iiqtisodiyot va Taraqqiyot, 2026-yil, yanvar. No1-son. https://yashil-iqtisodiyot-taraqqiyot.uz

Цифровая трансформация как фактор снижения дифференциации регионального развития

Назметдинова И.Ш.
Докторант
Научно-исследовательский центр "научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана" при ТГЭУ

В условиях глобальной цифровизации экономики проблема пространственного неравенства приобретает новые формы, связанные с неравномерным доступом к цифровым технологиям и инфраструктуре. Цифровая трансформация рассматривается как один из ключевых факторов, способных как снижать, так и усиливать региональные различия в социально-экономическом развитии.

С одной стороны, развитие цифровых технологий способствует снижению значения географических барьеров и расширению экономических возможностей территорий. Цифровая трансформация охватывает все сферы экономики и общества, создавая условия для повышения производительности, развития новых форм занятости, дистанционного образования и оказания государственных услуг [OECD, 2023]. Это позволяет регионам, удалённым от экономических центров, интегрироваться в национальные и глобальные рынки.

С другой стороны, сохраняется проблема «цифрового разрыва», проявляющегося в неравномерном доступе к цифровой инфраструктуре, технологиям и навыкам. Под цифровым разрывом понимается различие между территориями и социальными группами в уровне доступа к информационно-коммуникационным технологиям и возможностях их использования [OECD, 2001]. По данным международных исследований, различия между городскими и сельскими регионами по качеству интернет-соединения могут достигать значительных значений: в странах ОЭСР скорость фиксированного интернета в сельской местности в среднем на 24 процентных пункта ниже, чем в городах [OECD, 2025]. Кроме того, на глобальном уровне около 2,6 млрд человек остаются вне цифрового пространства, что ограничивает их участие в экономической деятельности и доступ к базовым услугам [ISPI, 2025].

Исследования говорят, что влияние цифровизации на региональное неравенство носит нелинейный характер. На начальных этапах внедрения цифровых технологий они могут усиливать дифференциацию, поскольку более развитые регионы быстрее адаптируют инновации. Однако по мере распространения технологий и повышения доступности инфраструктуры цифровизация способствует сокращению разрыва и выравниванию условий развития [Shen, 2025].

Международный опыт показывает, что цифровая трансформация играет ключевую роль в снижении пространственной дифференциации, однако требует активной государственной политики и инвестиций в инфраструктуру. В странах ОЭСР сохраняется устойчивый цифровой разрыв между городскими и сельскими территориями: скорость интернета в сельских регионах в среднем на 24 процентных пункта ниже, чем в городских. При этом только 56% сельских домохозяйств имеют доступ к высокоскоростному интернету (≥30 Мбит/с) против 85% в городах.

Для преодоления этих диспропорций страны применяют комплексные меры: развитие инфраструктуры, государственно-частные партнерства и программы повышения цифровых навыков населения.

Анализ зарубежного опыта показывает, что цифровая трансформация способствует выравниванию пространственного развития при соблюдении ряда взаимосвязанных условий институционального, инфраструктурного и социально-экономического характера. Ключевыми из них выступают: развитие цифровой инфраструктуры, особенно в сельских и удалённых регионах; формирование эффективной институциональной среды, включающей нормативно-правовое регулирование, развитие конкуренции и механизмы государственно-частного партнёрства; а также повышение уровня цифровых компетенций населения.

Таблица 1

Зарубежный опыт снижения цифрового неравенства регионов

Страна	Основные меры цифровой политики	Результаты	Источник
Южная Корея	Масштабные инвестиции в широкополосный интернет, развитие 5G	Минимальный разрыв между регионами, высокая цифровая интеграция	[OECD, 2025]
Финляндия	Интернет признан базовой услугой, развитие сельских сетей	Высокий уровень охвата даже в удалённых регионах	[OECD, 2021]
Нидерланды	Конкурентный рынок + цифровая инфраструктура	Один из наименьших цифровых разрывов в ЕС	[OECD, 2025]
США	Федеральные программы развития broadband, субсидии	Рост занятости и экономической активности при расширении доступа	[Deloitte, 2021]
Новая Зеландия	Rural Broadband Initiative (госфинансирование)	Улучшение доступа в сельских регионах	[OECD, 2025]

Развитие цифровой инфраструктуры является базовым условием сокращения территориального неравенства, поскольку обеспечивает доступ к интернету, цифровым платформам и электронным услугам, формируя предпосылки для вовлечения периферийных территорий в экономическую деятельность. При этом международная практика показывает, что именно инвестиции в широкополосный доступ и мобильные сети позволяют снизить барьеры пространственной изоляции и расширить экономические возможности регионов.

Не менее важную роль играет институциональная поддержка цифровой трансформации. Эффективное регулирование, стимулирование конкуренции на рынке телекоммуникаций, а также использование механизмов государственно-частного партнёрства способствуют ускоренному развитию цифровой среды и повышению её доступности. В странах с развитой институциональной системой наблюдается более равномерное распределение цифровых ресурсов и более высокая степень интеграции регионов в национальное экономическое пространство.

Существенным фактором выступает развитие цифровых навыков населения, поскольку наличие инфраструктуры само по себе не гарантирует её эффективного использования. Повышение цифровой грамотности способствует расширению занятости, развитию дистанционных форм труда, образования и предпринимательства, что особенно важно для периферийных регионов с ограниченными возможностями традиционного экономического роста.

Вместе с тем международная практика свидетельствует о двойственном характере влияния цифровизации на пространственное развитие. На начальных этапах внедрения цифровых технологий они могут усиливать региональную дифференциацию, поскольку экономически развитые регионы обладают более высоким уровнем человеческого капитала,

инвестиционных ресурсов и институциональной готовности к внедрению инноваций. В результате формируется эффект «цифровой поляризации», при котором центры экономической активности получают дополнительные преимущества, усиливая разрыв с периферией.

Однако по мере распространения цифровых технологий, снижения их стоимости и реализации целенаправленной государственной политики происходит постепенное выравнивание условий развития. Таким образом, цифровая трансформация может выступать как фактор усиления, так и инструмент сокращения межрегиональной дифференциации, а её итоговое влияние определяется степенью вовлечённости государства и качеством проводимой региональной и цифровой политики.

Список использованной литературы:

1. OECD. Understanding the Digital Divide. – Paris: OECD Publishing, 2001.
2. OECD. Rural Well-being: Geography of Opportunities. – Paris: OECD Publishing, 2023.
3. OECD. Digital Connectivity Expands Across the OECD, but Rural Areas Lag Behind. – Paris: OECD, 2025.
4. OECD. Bridging the Rural Digital Divide. – Paris: OECD Publishing, 2021.
5. Deloitte. The Economic Impact of Broadband Expansion. – Deloitte Insights, 2021.
6. ISPI. Digital Divide and Global Inequality. – Italian Institute for International Political Studies, 2025.
7. Shen X. Digitalization and Regional Inequality: Nonlinear Effects and Policy Implications // Journal of Regional Economics. – 2025.

Роль и значение экономического потенциала в повышении конкурентоспособности регионов

Нуманова М.Л.
научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
«Научные основы и проблемы развития
экономики Узбекистана» при ТГЭУ

В условиях развития международных экономических отношений усиливается конкуренция между регионами, что повышает значимость объективной оценки их экономического потенциала и эффективного его использования. Конкурентоспособность регионов напрямую зависит от имеющихся ресурсов, производственных возможностей и эффективности системы экономического управления. Экономический потенциал региона представляет собой совокупность факторов, определяющих его возможности экономического развития, включая природные ресурсы, трудовой потенциал, производственные мощности, финансовый капитал и инновационные возможности.

Проблемы повышения конкурентоспособности регионов и роли экономического потенциала в данном процессе занимают важное место в современной экономической науке. Теоретико-методологические основы данной категории сформированы в рамках классических и современных направлений региональной экономики, новой экономической географии и теории устойчивого развития. Значительный вклад в развитие теории конкурентоспособности внес [М. Портер 1990], разработавший концепцию «конкурентных преимуществ наций». В его исследованиях особое внимание уделяется так называемой «ромбовидной модели», включающей факторы производства, параметры внутреннего спроса, наличие смежных и поддерживающих отраслей, а также стратегию и структуру фирм. Данный подход позволяет рассматривать экономический потенциал региона как ключевую основу формирования его конкурентных преимуществ.

В рамках новой экономической географии [П.Кругман,1991] обосновал пространственные аспекты экономического развития, показав, что концентрация

экономической активности обусловлена эффектами масштаба, транспортными издержками и агломерационными преимуществами. Его теория подчеркивает, что регионы с более высоким уровнем экономического потенциала имеют тенденцию к ускоренному развитию за счет притока инвестиций, рабочей силы и технологий.

Существенный вклад в понимание взаимосвязи экономического потенциала и развития внесли [М. Тодаро] и [С. Смит 2015], которые рассматривали развитие как комплексный процесс, включающий не только экономический рост, но и структурные изменения, повышение качества человеческого капитала и институциональные преобразования. В их работах подчеркивается, что эффективное использование ресурсов и развитие человеческого капитала являются определяющими факторами устойчивого развития регионов. В современных научных исследованиях значительное внимание уделяется институциональным аспектам формирования экономического потенциала. В частности, Д. Норт акцентирует внимание на роли институтов в обеспечении эффективного функционирования экономики. По его мнению, качественная институциональная среда способствует снижению транзакционных издержек и повышению инвестиционной привлекательности регионов.

Кроме того, важное место занимают исследования, посвященные инновационному развитию регионов. Теории эндогенного роста [П. Ромер 1990], [Р. Лукас 1988] подчеркивают значение знаний, технологий и человеческого капитала как ключевых факторов экономического потенциала. В данном контексте инновационная активность рассматривается как основной драйвер повышения конкурентоспособности регионов.

Современные подходы также акцентируют внимание на комплексной оценке экономического потенциала, включающей не только количественные показатели, но и качественные характеристики, такие как уровень развития инфраструктуры, инвестиционный климат, экологическая устойчивость и социальная стабильность. Ряд исследований показывает, что именно сбалансированное развитие этих компонентов обеспечивает долгосрочную конкурентоспособность регионов.

Отечественные ученые в своих работах подчеркивают необходимость адаптации зарубежного опыта к национальным условиям. Особое внимание уделяется вопросам рационального использования природно-ресурсного потенциала, развитию промышленной и транспортной инфраструктуры, а также повышению эффективности региональной политики. В условиях трансформации экономики важным направлением исследований становится диверсификация региональной экономики и развитие экспортно-ориентированных производств.

В последние годы усиливается интерес к вопросам цифровизации экономики и ее влияния на экономический потенциал регионов. Исследования показывают, что внедрение цифровых технологий способствует повышению производительности, снижению издержек и расширению возможностей интеграции регионов в глобальные цепочки создания стоимости. Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует о том, что экономический потенциал представляет собой многогранную и динамичную категорию, включающую ресурсные, институциональные, инновационные и инфраструктурные компоненты. Его эффективное формирование и использование выступает ключевым условием повышения конкурентоспособности регионов и обеспечения их устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Экономический потенциал регионов является ключевым фактором повышения их конкурентоспособности. Для анализа можно выделить несколько основных компонент: природные ресурсы, трудовой потенциал, производственная инфраструктура, инвестиционная привлекательность и инновационный потенциал. Для наглядного представления взаимосвязи компонентов экономического потенциала и конкурентоспособности регионов приведена следующая таблица(таблица №1).

Таблица 1

Основные компоненты экономического потенциала регионов и их влияние на конкурентоспособность

Компонент экономического потенциала	Показатели	Влияние на конкурентоспособность
Природные ресурсы	Добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, водные ресурсы	Обеспечивают сырьевую базу для производства и экспортный потенциал
Трудовой потенциал	Численность и квалификация рабочей силы, уровень занятости	Повышает производительность и инновационную активность регионов
Производственная инфраструктура	Промышленные мощности, транспортные сети, энергетика	Создает условия для масштабирования производства и снижения издержек
Инвестиционный потенциал	Объем инвестиций, доля частного капитала, государственные программы поддержки	Стимулирует экономический рост и развитие новых отраслей
Инновационный потенциал	Уровень НИОКР, внедрение технологий, стартапы	Повышает конкурентоспособность продукции и эффективность региональной экономики

Регионы с развитыми промышленными мощностями и транспортной инфраструктурой демонстрируют более высокую конкурентоспособность, поскольку снижаются логистические и производственные издержки. Высокий уровень трудового потенциала и квалифицированной рабочей силы позволяет внедрять инновации и повышать производительность. Инвестиционный потенциал определяет возможность модернизации отраслей и интеграции регионов в международные производственные цепочки. Инновационный потенциал становится ключевым фактором в условиях глобальной конкуренции, обеспечивая уникальные конкурентные преимущества.

Проведённый анализ демонстрирует, что экономический потенциал регионов является ключевым фактором повышения их конкурентоспособности и устойчивого развития. Эффективное использование природных ресурсов, квалифицированной рабочей силы, производственной инфраструктуры, инвестиционных возможностей и инновационного потенциала создаёт условия для формирования устойчивых конкурентных преимуществ. Выявлено, что каждый компонент экономического потенциала оказывает взаимодополняющее влияние: развитая инфраструктура и инвестиционная привлекательность стимулируют рост производственных мощностей, а высокий уровень трудового и инновационного потенциала повышает продуктивность и способствует внедрению современных технологий.

Для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности регионов необходимо разрабатывать комплексные региональные стратегии с учётом всех компонентов экономического потенциала, оптимизировать использование природных и трудовых ресурсов, содействовать развитию инфраструктуры и улучшению инвестиционного климата, активно внедрять инновационные технологии и стимулировать научно-исследовательскую деятельность. Таким образом, системное развитие экономического потенциала становится основой устойчивого экономического роста, повышения качества жизни населения и усиления позиций регионов в национальной и мировой экономике.

Список использованной литературы:

1. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. – New York: Free Press, 1990.
2. Krugman P. Geography and Trade. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
3. Todaro M.P., Smith S.C. Economic Development. – 12th ed. – Boston: Pearson, 2015.

4. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

5. Romer P.M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98(5). – P. S71–S102.

6. Lucas R.E. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22(1). – P. 3–42.

Развитие виртуальных образовательных программ в Узбекистане

Олимхонова Д.А.
исследователь научно-исследовательского центра при Ташкентском государственном экономическом университете

Важнейшей мировой тенденцией современного образования является его интеграция и информатизация, ведущая к сближению стран, созданию условий для формирования единого мирового образовательного пространства. Адаптация опыта развитых стран по развитию непрерывной и многоуровневой системы образования, требует перехода на новые методы и инновационные технологии в образовательной системе республики. Тенденции развития мировой экономики, связанные с использованием цифровых технологий, позволяют сделать вывод, что в обществе и экономике формируется информационное общества, основу которой составляют производство и потребление различных информационных ресурсов. Опыт развитых стран показывает, что развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий непосредственно влияют не только на рост конкурентоспособности национальных экономик, но и играют решающую роль в формировании эффективного сектора исследований и образования.

Образование в любом развитом обществе выступает в качестве ведущего социального института, решающего целый комплекс важнейших задач, связанных с эффективной передачей новым поколениям граждан ценностей и опыта, накопленных предыдущими поколениями, в качестве основы дальнейшего развития. Этим обусловлена сложная и многоуровневая структура современных образовательных систем. В этих системах выделяются отдельные блоки, выполняющие специфические задачи в интересах крупных социальных групп со своими целями, условиями и механизмами их достижения. Современная система подготовки кадров и система повышения квалификации в сфере цифровых технологий призвана обеспечивать рост человеческого капитала, необходимого для модернизации и технологического развития экономики страны.

Рынок онлайн-образования в Узбекистане переживает стремительный рост. В 2024 году его объем достиг как минимум 126 млрд сумов, что на 94% больше, чем в предыдущем году, следует из нового рейтинга Smart Ranking. Spot публикует результаты исследования, а также мнения представителей edtech-индустрии по ключевым аспектам. Основу рынка составляют 35 крупнейших edtech-компаний, суммарная выручка которых составила 118 млрд сумов. Рынок развивается за счет как местных игроков, так и выходцев из России и Казахстана.

Первое место в рейтинге занимает российская платформа Lerna (входит в холдинг Skillbox). В Узбекистане ее выручка составила 28 млрд сумов - на 22% больше, чем в 2023 году. Основной спрос, по словам CEO Lerna Дмитрия Гавдура, формируется за счет нехватки IT-специалистов и растущего интереса к корпоративному обучению. В отличие от России, где спрос на базовые IT-курсы падает, в Узбекистане сохраняется высокая востребованность программ для начинающих. В топе - Python и Frontend-разработка, тестирование, дизайн, маркетинг и работа с маркетплейсами. Второе место занял узбекистанский стартап Mohirdev, увеличивший выручку почти в 4 раза - до 14,7 млрд сумов. Платформа работает с 2021 года и успела привлечь инвестиции от Pulse Group ($500

тыс.) и фонда AloqaVentures ($250 тыс.). В 2024 году стартап также получил $10 тыс. на конкурсе Startup Battle Connected. Третье место - у онлайн-школы Leader School, которая запустилась в 2022 году. В 2024 году ее выручка выросла в 6 раз - до 12,3 млрд сумов.

Среди самых быстрорастущих проектов:

Prep.uz - платформа для подготовки к экзаменам (+4400%);

Qalan.kz - казахстанский тренажер по математике (+2600%);

NextGen Academy (Бангладеш) - международная IT-школа (+2500%).

Лидеры по сегментам:

ДПО и бизнес-образование остаются крупнейшим направлением - 47,7 млрд сумов (57% рынка);

детское онлайн-образование показало самый стремительный рост – на 1095% за год, до 33,6 млрд сумов;

разработка платформ заняла 27% рынка с 31,3 млрд сумов;

иностранные языки - 5,4 млрд сумов.

В 2024 году структура выручки на рынке онлайн-образования в Узбекистане изменилась по сравнению с предыдущим годом. Дополнительное профессиональное образование (ДПО) осталось крупнейшим сегментом, но его доля снизилась с 50% в 2023 году до 40% в 2024-м. Детское образование резко усилило позиции - с 4% до 28%, став вторым по объему сегментом. Разработка платформ и решений снизилась с 41% до 27%, уступив часть рынка детскому обучению. Изучение иностранных языков сохранило свою долю - 5%.

Одним из главных трендов стало стремительное развитие детского образования. Спрос на курсы для школьников и дошкольников резко вырос благодаря растущему интересу родителей к обучению программированию и цифровым навыкам. Это направление стало вторым по объему выручки и опережает остальные сегменты по темпам роста. Второй важный тренд - всплеск инвестиций: edtech второй год подряд входит в число лидеров по количеству венчурных сделок, чему способствует государственная поддержка — через технопарки, налоговые льготы и запуск акселерационных программ. Ведущие узбекистанские платформы, такие как Mohirdev и Osnova, регулярно получают инвестиции, включая от местных бизнес-ангелов и венчурных фондов.

Еще одна особенность узбекского рынка - массовое использование Telegram как основной платформы для онлайн-курсов. Мессенджер, которым пользуется более 70% населения страны, стал удобным инструментом не только для общения, но и для проведения занятий: через него проходят уроки, рассылаются задания и даже тесты. Это решение помогает преодолеть цифровой барьер для пользователей, которые с трудом осваивают специальные образовательные платформы.

Рынок также растет за счет экспансии иностранных компаний. Лидерами по выручке остаются российские платформы, прежде всего Lerna, а также игроки из Казахстана, такие как Qalan. Однако при этом доля местных проектов пока сохраняет лидерство - более 50% суммарной выручки.

Эксперты Smart Rating также отмечают, что большинство пользователей в Узбекистане предпочитают «выбирать знакомое». В Узбекистане образовательные курсы нередко продаются через раскрученных блогеров, известных персон, которые проводят обучение в Telegram. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, несмотря на рост цифровизации, в сознании многих пользователей сохраняется представление, что обучение - это обязательно офлайн-процесс с классом, преподавателем и личным контактом. Во-вторых, большую роль играют культурные особенности: в стране большее значение придается личным отношениям. Бизнес часто строится через рекомендации и доверительные связи, а известные блогеры воспринимаются как «свои» - людям проще доверять знакомым, чем незнакомым брендам. Даже если преподаватель профессионален, его сложнее продать широкой аудитории, если он неизвестен. Представители платформы

профессионального образования «Основа» отмечают, что есть запрос на обучение на узбекском языке.

Несмотря на положительную динамику, у рынка остаются проблемы:

недоверие к онлайн-обучению и предпочтение госдипломов;

слабые IT-навыки у пользователей;

низкая платежеспособность - при стоимости курсов до 12 млн сумов средний доход составляет около 2,1 млн сумов в месяц.

Эксперты Smart Rating и игроки рынка прогнозируют взрывной рост в ближайшие 1-2 года, когда сформируются новые привычки и все больше узбекистанцев освоятся в онлайне. Это связано с тем, что все больше людей выходит в интернет, развивается IT-сфера, растет число фрилансеров и сотрудников на удаленке. Пользователи осваивают онлайн-форматы и формируют новые потребительские привычки, что стимулирует интерес к цифровому образованию.

Список литературы:

1.Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года», № 06/19/5847г. 09.10.2019 г., Ташкент,

2.National Science Foundation, Science and Engineering Indicators 2010 // fromhttp://www.nsf.gov/statistics/seind10/.

3.Роговский Е.А. США: Информационное общество: экономика и политика. - М.: Междунар. отношения, 2008. – 407 с.

*4.*Оспенникова ЕВ. Информационные технологии в дидактическом обеспечении лабораторного практикума по физике / ЕВ. Оспенникова // Актуальные проблемы методики обучения физике в школе и вузе: меж.вуз. сб. науч. статей - СПб:Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. - С. 116-122.

Регуляторная функция цифрового капитала в системе социальной стратификации: инновационный подход социологической диагностики

Павлов А.В., Дерюгин П. П.
Санкт Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

В условиях глобальной цифровой трансформации классические модели социальной стратификации претерпевают качественные изменения, обусловленные возникновением и институционализацией цифрового капитала как особого метаресурса современности. Исследование регуляторной функции цифрового капитала позволяет раскрыть новые закономерности воспроизводства социального неравенства, где цифровые компетенции и инфраструктурная включенность выступают не просто дополнительным активом, но фундаментальным условием валидации всех иных форм капитала. Исследование этого феномена требует применения оптики социологической диагностики, понимаемой как специфическая социальная технология, направленная на выявление меры отклонения объекта от должного состояния и прогнозирование его эффективности в высокотехнологичной среде. *Теоретическая инновационность* данной точки зрения заключается в обосновании цифрового капитала в новом статусе, как «метакапитала» и инструмента интероперабельности, который выступает универсальным протоколом, позволяющим экономическим, культурным и социальным ресурсам преодолевать

ограничения пространственно-временного континуума через асинхронную и децентрализованную конвертацию в «цифровом поле». Данный подход позволяет интерпретировать цифровой капитал как специфический регулятор, который определяет саму возможность и эффективность конвертации традиционных активов, фактически выступая системным интерфейсом между индивидуальным агентом и глобальной структурой «цифрового поля». При этом диагностика регуляторной функции цифрового капитала не ограничивается констатацией «цифрового разрыва» (статичного неравенства в доступе [5; 7]), а фокусируется на динамике процессов — на том, как алгоритмическая агентность платформ становится новым институциональным регулятором распределения жизненных шансов.

В цифровой реальности механизмы конвертации становятся асинхронными и децентрализованными, что радикально меняет динамику социальной мобильности: если в классической социологической парадигме управление конвертацией ресурсов жестко закреплено за агентом или традиционными институтами (образование, финансовые структуры), то в условиях цифровизации ключевым регулятором распределения жизненных шансов становится алгоритм. Таким образом, фокус смещается с кумулятивного накопления ресурсов на эффективность механизмов их кросс-платформенного преобразования, где ценность любой формы капитала раскрывается исключительно в процессе его системного взаимодействия с цифровой средой.

В-третьих, структура цифрового капитала декомпозируется на три взаимосвязанных уровня — физическую доступность инфраструктуры (объективированный уровень), когнитивные навыки и накопленный опыт взаимодействия (инкорпорированный и институциональный уровень [1; 2]), что в совокупности формирует сложную систему каналов конвертации: агентного, социального и институционального, что позволяет применить к нему бурдьёзианскую логику накопления и легитимации в контексте современной «технонауки». Ключевая инновационность заключается в отходе от методологического индивидуализма в пользу реляционного подхода: цифровой капитал рассматривается как социальное отношение, где физическая доступность инфраструктуры (объективированный уровень) и цифровой габитус индивида (инкорпорированный уровень) определяют возможность извлечения профита в различных социальных полях. Принципиально новым элементом здесь выступает алгоритмическая агентность, при которой социальные фильтры и предиктивная аналитика платформ определяют траектории трансформации культурных достижений в социальный статус или экономические активы. Таким образом начинает доминировать «алгоритмическое управление» (algorithmic governance). Алгоритмы не просто распределяют видимость контента, они осуществляют символическое упорядочивание, наделяя легитимностью определенные формы цифрового поведения и маргинализируя другие, тем самым преобразуя технический код в инструмент социальной регуляции.

Модель трансформации жизненных шансов в данном контексте приобретает вид нелинейного уравнения, где цифровой капитал функционирует как «мультипликатор»: при наличии исходных ресурсов он обеспечивает их экспоненциальный рост, тогда как при их отсутствии и низком уровне цифровых компетенций возникает эффект «цифровой ямы» [4; 6], формирующий новые, латентные формы социальной депривации. Таким образом механизм регуляторной функции реализуется через четыре каузальные цепи: кумулятивное преимущество (эффект Матфея) [3], алгоритмическое репродуцирование, символическое признание и структурное сцепление.

В-четвертых, социологическая диагностика позволяет выявить три ключевых вектора конвертации: прямую (превращение цифровых активов в экономическую прибыль), опосредованную (валидация культурного капитала через цифровой контент для входа в закрытые сообщества) и «заблокированную» конвертацию. Последняя представляет особый научный интерес, так как описывает ситуации, в которых высокий уровень цифрового капитала не трансформируется в реальные жизненные шансы из-за системных

ограничений — алгоритмической предвзятости, цензуры или регионального цифрового неравенства. В-пятых, эмпирическая верификация данной модели предполагает анализ цифрового капитала как фактора, детерминирующего новую иерархию социальной стратификации, где граница между слоями проходит по линии способности агента использовать регуляторную функцию цифровой среды для преодоления институциональных барьеров.

В-шестых, завершая, необходимо подчеркнуть, что социальная стратификация в цифровую эпоху перестает быть статичной фиксацией позиций и превращается в динамический процесс управления потоками конвертации, где цифровой капитал как регулятор определяет меру включенности индивида в современные социально-экономические процессы [8]. Такой подход позволяет не просто констатировать наличие «цифрового разрыва», но глубоко анализировать механизмы его воспроизводства на уровне системных алгоритмов и институциональных архитектур, что закладывает фундамент для комплексной социологической диагностики качества социального пространства в XXI веке.

Список источников:

1. Бурдье, П. Формы капитала / П. Бурдье ; перевод с английского М. С. Добряковой // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 5. — С. 60–74.

2. Добринская, Д. Е. Цифровой капитал: теоретические подходы к анализу и операционализации / Д. Е. Добринская // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2021. — Т. 27, № 1. — С. 145–167.

3. Дерюгин П.П., Милецкий В.П., Павлов А.В., Эсселевич Э.А. Социологическая диагностика цифрового капитала как фактора цифрового неравенства: апробация методологической модели. Дискурс. 2025;11(5):105-125.

4. Helsper, E. J. The Digital Disconnect: The Social Causes and Consequences of Digital Inequalities / E. J. Helsper. — London : SAGE Publications, 2021. — 256 p. — ISBN 978-1473925205.

5. Ignatow, G. Digital Sociology: Critical Perspectives / G. Ignatow, S. Robinson. — Cambridge : Polity Press, 2017. — 210 p.

6. Ragnedda, M. The Third Digital Divide: A Weberian Approach to Digital Inequalities / M. Ragnedda. — London : Routledge, 2017. — 128 p.

7. Van Deursen, A. The digital divide shifts to differences in usage / A. Van Deursen, J. Van Dijk // New Media & Society. — 2014. — Vol. 16, no. 3. — P. 507–526.

8. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак, Р. А. Травин // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 10-25. – DOI 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-1. – EDN ZYTAGK.

9. Шкарупа, О. Ю. Цифровой капитал как фактор социальной мобильности в условиях трансформации рынка труда / О. Ю. Шкарупа // Социологические исследования. — 2022. — № 8. — С. 45–56.

Влияние международной трудовой миграции на демографическую устойчивость Узбекистана

Сайфиддинов А.Д.
Стажер-исследователь научно-исследовательского центра
«Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана»
в секторе «Демография и рынок труда» при
Ташкентском Государственном Экономическом Университете
Магистрант Ташкентского Государственного Экономического Университета

Международная трудовая миграция в современных условиях выступает одним из ключевых факторов, формирующих демографическую и социально-экономическую

устойчивость государств с высоким уровнем естественного прироста населения. Республика Узбекистан, обладая молодой возрастной структурой и значительным демографическим потенциалом, одновременно сталкивается с необходимостью балансирования между внутренним рынком труда и внешними возможностями занятости. В этом контексте международная трудовая миграция становится не только механизмом перераспределения рабочей силы, но и важнейшим инструментом поддержания демографической устойчивости.

Современные демографические характеристики Узбекистана определяются высокой долей молодого населения и устойчивым естественным приростом. По данным, население страны превышает 36 млн человек, при этом значительная часть населения находится в трудоспособном возрасте[1]. Однако ограниченные возможности внутреннего рынка труда, особенно в сельских регионах, стимулируют значительные миграционные потоки. По различным оценкам, от 2 до 3 млн граждан Узбекистана ежегодно работают за рубежом, а в отдельные периоды эта цифра достигала 3–4 млн человек[2]. Таким образом, международная миграция фактически выступает «демографическим клапаном», регулирующим давление на внутренний рынок труда.

Одним из ключевых аспектов влияния миграции на демографическую устойчивость является её экономическая функция, реализуемая через денежные переводы мигрантов. В последние годы объем денежных переводов демонстрирует устойчивый рост. Так, в 2024 году их объем составил 14,8 млрд долларов США, что эквивалентно значительной доле валового внутреннего продукта страны[3]. В отдельные годы этот показатель достигал 17–21% ВВП. Более того, в первом квартале 2025 года объем переводов составил около 3,3 млрд долларов, что подтверждает устойчивость данной тенденции.

С демографической точки зрения, денежные переводы выполняют несколько критически важных функций. Во-первых, они способствуют снижению уровня бедности: по оценкам Всемирного банка, при отсутствии переводов уровень бедности в Узбекистане мог бы увеличиться с 9,6% до 16,8%[4]. Во-вторых, переводы повышают уровень жизни домохозяйств, способствуя росту инвестиций в образование и здравоохранение, что в долгосрочной перспективе улучшает качество человеческого капитала. В-третьих, они стабилизируют демографическое поведение, снижая вынужденную внутреннюю миграцию и социальную напряженность.

Вместе с тем, международная трудовая миграция оказывает и неоднозначное влияние на демографическую структуру страны. Массовый выезд трудоспособного населения, преимущественно мужчин, приводит к формированию гендерных и возрастных дисбалансов в отдельных регионах. Это может проявляться в снижении брачности, изменении рождаемости и трансформации семейных структур. Особенно заметно это в сельской местности, откуда происходит значительная часть мигрантов[5].

Кроме того, миграция способствует формированию так называемой «разделённой семьи», где один или несколько членов домохозяйства находятся за рубежом. С одной стороны, это усиливает экономическую устойчивость семьи, с другой — может оказывать негативное влияние на социальное развитие детей и структуру семейных отношений. Длительное отсутствие трудоспособных членов семьи также может приводить к снижению социальной активности и демографической воспроизводимости на локальном уровне.

Отдельного внимания заслуживает влияние миграции на территориальную дифференциацию демографических процессов. В Узбекистане наблюдается высокая концентрация миграционных потоков из регионов с избыточным трудовым населением, таких как Ферганская долина. В то же время менее населенные регионы испытывают относительный дефицит трудовых ресурсов. Таким образом, миграция усиливает региональные диспропорции, одновременно выполняя функцию перераспределения рабочей силы.

Следует также отметить, что структура направлений миграции постепенно трансформируется. Несмотря на доминирующую роль Российской Федерации, где

сосредоточено около 57–60% узбекских мигрантов, наблюдается диверсификация направлений — растёт значение Южной Кореи, Турции, стран ЕС и США. Это снижает зависимость экономики от одного внешнего рынка труда и повышает устойчивость миграционной системы в целом.

Таблица1

Ключевые показатели международной трудовой миграции Узбекистана

Показатель	Значение
Число трудовых мигрантов	2–3 млн человек
Доля трудоспособного населения за рубежом	до 10%
Объем денежных переводов (2024)	14,8 млрд долл.
Доля переводов в ВВП	17–21%
Основное направление миграции	Россия (≈57–60%)
Потенциальный рост бедности без переводов	с 9,6% до 16,8%

Анализ показывает, что международная трудовая миграция является системообразующим элементом демографической модели Узбекистана. Экономическая зависимость от денежных переводов делает миграцию фактором макроэкономической и социальной стабильности. Однако чрезмерная зависимость от внешних рынков труда может усиливать уязвимость страны к внешним шокам, таким как экономические кризисы или изменения миграционной политики принимающих стран. В демографическом аспекте миграция выступает инструментом регулирования избыточного предложения рабочей силы, но одновременно формирует структурные перекосы в возрастно-половой структуре населения. В долгосрочной перспективе это может повлиять на показатели рождаемости, брачности и регионального развития.

Список используемой литературы:

1. Wikipedia Uzbekistan https://en.wikipedia.org/wiki/Uzbekistan?#Demographics
2. Niginakhon.S, 2024, How Are Patterns of Labor Migration From Uzbekistan Changing? https://thediplomat.com/2024/04/how-are-patterns-of-labor-migration-from-uzbekistan-changing/
3. Jalolova.S, 2025, Uzbekistan Receives $14.8 Billion in Remittances in 2024 https://timesca.com/uzbekistan-receives-14-8-billion-in-remittances-in-2024/
4. Тухсинов.Д, 2025, Without remittances, Uzbekistan's poverty rate could nearly double – World Bank, https://kun.uz/en/news/2025/03/07/without-remittances-uzbekistans-poverty-rate-could-nearly-double-world-bank
5. William Seitz, International Migration and Household Well-Being Evidence from Uzbekistan, 2024, https://documents1.worldbank.org/curated/en/615721561125387061/pdf/international-migration-and-household-well-being-evidence-from-uzbekistan.pdf

Правовые аспекты процессов трудовой миграции в странах центральной азии: сравнительный анализ и опыт Узбекистана

Умурзаков Б.Х.
доктор экономических наук, профессор
Руководитель сектора "Демография и рынок труда"
Научно-исследовательского Центра "Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана" при Ташкентском экономическом Университете.

В условиях современной глобализации международные миграционные процессы становятся неотъемлемой частью мировой экономики и демографического развития.

Особенно трудовая миграция выступает важным фактором повышения уровня занятости населения, диверсификации источников их доходов, а также развития человеческого капитала. Вместе с тем миграционные процессы ставят перед государствами задачи эффективного управления ими, формирования организационно-правовых основ и гарантии социальной защиты прав мигрантов [1].

Регион Центральной Азии обладает специфическими особенностями исходя из менталитета населения исторических традиций и обычаев и их влияние на миграционные процессы, при этом государства данного региона (Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан) одновременно выступают как странами-донорами, так и странами-реципиентами мигрантов. В регионе трудовая миграция формируется преимущественно под воздействием экономических факторов, в частности недостатка рабочих мест, различий в уровне доходов и демографического давления [2]. В связи с этим вопросы эффективного управления миграционными процессами и их правового регулирования приобретают особую актуальность.

В последние годы в странах Центральной Азии были реализованы масштабные реформы, направленные на совершенствование миграционной политики, модернизацию законодательной базы и ее адаптацию к международным стандартам. В частности, в Узбекистане внедрены комплексные механизмы развития организационно-правовых основ трудовой миграции, профессиональной подготовки мигрантов, их поддержки за рубежом и последующей реинтеграции после возвращения домой. [3].

Сравнительный анализ показывает, что в странах Центральной Азии существуют различные подходы к формированию миграционной политики. В Казахстане миграционные процессы регулируются на основе экономических интересов и потребностей рынка труда. В данной стране привлечение иностранной рабочей силы осуществляется посредством системы квот и лицензий, при этом наблюдается высокая степень участия частного сектора. Однако вопросы социальных гарантий остаются относительно ограниченными [4].

В Кыргызстане миграционная политика носит либеральный характер, при котором расширены возможности свободного передвижения населения и осуществления трудовой деятельности. В данной стране миграция рассматривается как фактор экономического развития. Вместе с тем наблюдается относительная слабость механизмов контроля и высокая доля неформальной миграции [5].

В Таджикистане трудовая миграция рассматривается как процесс, координируемый государством и занимающий важное место в экономике. Государство активно участвует в управлении миграционными процессами, однако институциональные механизмы и системы социальной защиты развиты недостаточно [6].

В Туркменистане миграционные процессы регулируются на основе строгого государственного контроля, при этом приоритетное значение придается национальной безопасности. Данный подход ориентирован на ограничение и контроль миграции, что в определенной степени сдерживает свободу передвижения и экономические возможности [7].

В Узбекистане миграционная политика формируется на основе комплексного и сбалансированного подхода, направленного на обеспечение гармонии между экономической эффективностью, гарантированной социальной защитой мигрантов и системой государственного управления. В управлении миграционными процессами наряду с государством развиваются элементы участия частного сектора и международного сотрудничества. Это свидетельствует о формировании смешанной (гибридной) модели [3].

Анализ механизмов правовых основ трудовой миграции в странах Центральной Азии показывает, что каждое государство формирует собственные подходы, исходя из уровня экономического развития, демографической ситуации и особенностей государственной политики. В частности, в одних странах миграция регулируется преимущественно с точки зрения экономической эффективности, в других приоритет отдается правам и свободам человека, а в третьих ключевую роль играет государственный контроль. Узбекистан, в свою

очередь, формирует собственную комплексную модель, ориентированную на достижение баланса между этими подходами. В этой связи сравнительный анализ преимуществ и недостатков законодательства данных государств позволяет определить наиболее оптимальные практики для Узбекистана.

Таблица 1

Миграционное законодательство стран Центральной Азии

Государство	Основной подход	Преимущества	Недостатки
Казахстан	Экономическая (рыночно-ориентированная) модель	- Система, адаптированная к рынку труда - Активное участие частного сектора - Контроль через квоты и лицензии - Высокий уровень цифровизации	- Ограниченная социальная защита - Значительное превосходство возможностей работодателя - Ограниченные возможности для низкоквалифицированных мигрантов
Кыргызстан	Либеральная (свободная миграция) модель	- Высокий уровень свободы для граждан - Стимулирование миграции - Развитое международное сотрудничество	- Слабые механизмы контроля - Высокий уровень неформальной миграции - Низкая эффективность социальных гарантий
Таджикистан	Государственно-управляемая модель	- Миграция реализуется на уровне государственной политики - Поддержка внешней миграции - Высокая экономическая значимость	- Слабость институциональных механизмов - Недостаточный уровень социальной защиты - Высокая доля неформальной миграции
Туркменистан	Жёсткий контроль (рестриктивная модель)	- Обеспечение национальной безопасности - Сильный государственный контроль - Регулируемость миграционных процессов	- Ограничение прав и свобод - Слабая социальная защита - Ограниченные экономические возможности
Узбекистан	Комплексная (гибридная) модель	- Система, охватывающая все этапы миграции - Сильная социальная защита - Подготовка + поддержка + реинтеграция - Развитие международного сотрудничества	- Сильная роль государственного управления - Ограниченное участие частного сектора - Наличие проблем в механизмах реализации нормативно-правовых актов

Результаты сравнительного анализа показывают, что среди стран Центральной Азии не существует единой универсальной модели. Каждое государство формирует миграционную политику исходя из своих внутренних условий. Вместе с тем с точки зрения обеспечения баланса между экономической эффективностью, гарантированной социальной защитой и государственным контролем модель Узбекистана характеризуется относительно более высокой эффективностью. В то же время для ее дальнейшего совершенствования

целесообразно интегрировать рыночные механизмы Казахстана, уровень свободы Кыргызстана, а также отдельные элементы опыта других государств.

Результаты сравнительного анализа также свидетельствуют об отсутствии универсальной модели среди стран Центральной Азии. Однако с позиции сбалансированности между экономической эффективностью, социальной защитой и государственным контролем модель Узбекистана является сравнительно более эффективной. Вместе с тем для дальнейшего совершенствования миграционной политики в Узбекистане актуальными остаются такие направления, как расширение участия частного сектора, цифровизация миграционных процессов, сокращение бюрократических барьеров, а также усиление правовой и социальной защиты мигрантов.

В заключение следует отметить, что механизмы правового регулирования трудовой миграции в странах Центральной Азии сформированы на основе различных подходов, каждый из которых обладает своими преимуществами и недостатками. В Узбекистане сформирована комплексная и сбалансированная модель, дальнейшее развитие которой требует целенаправленного использования передового зарубежного опыта.

Список использованной литературы:

1. Международная организация по миграции. Доклад о мировой миграции. – Женева: IOM, 2022.

2. United Nations. International Migration Report 2022. – New York: UN DESA, 2022.

3. Ўзбекистон Республикаси Президентининг қарори. Хавфсиз, тартибли ва қонуний меҳнат миграцияси тизимини жорий этиш чора-тадбирлари тўғрисида. – Тошкент, 2020.

4. Закон Республики Казахстан. О миграции населения. – Астана, 2011.

5. Закон Кыргызской Республики. О внешней трудовой миграции. – Бишкек, 2006.

6. Закон Республики Таджикистан. О миграции. – Душанбе, 2018.

7. Закон Туркменистана. О миграции. – Ашхабад, 2012.

8. World Bank. Migration and Development Brief. – Washington DC, 2023.

9. OECD. International Migration Outlook. – Paris: OECD Publishing, 2022.

Оценка демографического дивиденда в территориальном разрезе и анализ его влияния на экономический рост

Фазлиддинова З.А.
докторант Научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете

В течение десятилетий экономисты и представители социальной мысли ведут дискуссию о влиянии изменений численности населения на экономический рост. В рамках данной дискуссии сформировались три альтернативных подхода: рост населения сдерживает экономический рост, стимулирует его либо протекает независимо от него. Сторонники каждого из подходов приводят аргументы, подтверждающие их позицию. Однако все эти интерпретации в основном сосредоточены на численности населения и темпах его роста. В последние годы при этом недостаточное внимание уделяется крайне важному аспекту данной дискуссии - возрастной структуре населения (то есть распределению населения по различным возрастным группам). Между тем изменения уровней рождаемости и смертности могут приводить к существенным трансформациям возрастной структуры населения.

Поскольку экономическое поведение и потребности людей различаются на разных этапах жизненного цикла, изменения возрастной структуры населения страны могут оказывать значительное влияние на её экономические результаты. Страны с высокой долей детей в структуре населения, как правило, направляют значительную часть ресурсов на их содержание, что замедляет темпы экономического роста. Напротив, если значительная

часть населения находится в трудоспособном возрасте, дополнительная продуктивность этой группы при наличии соответствующей политики может формировать «демографический дивиденд» для экономического роста. Действительно, высокая доля трудоспособного населения в сочетании с политикой, ориентированной на здравоохранение, семью, рынок труда, финансы и развитие человеческого капитала, способна формировать положительные циклы накопления богатства. В противоположность этому, если значительную часть населения составляют пожилые люди, возникают последствия, аналогичные ситуации с преобладанием очень молодого населения. В таких условиях требуется значительный объём ресурсов для обеспечения относительно менее продуктивных слоёв населения, что может ограничивать экономический рост.

Освещая эволюцию теорий экономических последствий роста населения, данный отчёт анализирует доказательства значимости изменений возрастной структуры населения для экономического роста. Кроме того, взаимосвязь демографических изменений и экономического развития рассматривается на примере отдельных регионов мира: Восточная Азия; Япония; Северная Америка, Западная Европа, Австралия и Новая Зеландия; Южная Центральная и Юго-Восточная Азия; Латинская Америка; Ближний Восток и Северная Африка; Африка к югу от Сахары; а также Восточная Европа и Центральная Азия. В заключение обсуждаются ключевые политические факторы, способствовавшие экономическому росту в отдельных регионах развивающегося мира в условиях снижения рождаемости и увеличения доли населения трудоспособного возраста.

Демографический дивиденд - это потенциал ускоренного экономического роста, возникающий в результате изменений возрастной структуры населения, при которых численность трудоспособного населения (16-59 лет) растёт быстрее по сравнению с иждивенческим населением (детьми и пожилыми). Данное явление проявляется в периоде продолжительностью 20-30 лет, когда снижаются уровни рождаемости и смертности и при наличии соответствующей социальной, экономической и здравоохранительной политики создаются условия для увеличения инвестиций в такие механизмы, как сбережения, предложение рабочей силы и развитие человеческого капитала.

Геоинформационные системы (GIS) играют критически важную роль в управлении демографическим дивидендом, в частности: при планировании социальной инфраструктуры ГИС позволяет рассчитывать, когда объекты, необходимые для детей (школы), должны быть трансформированы в колледжи, а в дальнейшем - адаптированы под медицинские центры для стареющего населения.

Само по себе наличие большого числа молодёжи в стране не гарантирует благосостояния, а указывает на необходимость создания условий для их занятости. Если молодёжи много, но отсутствуют рабочие места, демографический дивиденд может трансформироваться в демографический «взрыв» (рост преступности, социальное недовольство, революционные процессы). Для предотвращения демографического взрыва необходимо инвестировать в образование и обеспечивать повышение квалификации рабочей силы. Расчёты и управленческие решения должны осуществляться с учётом стадии демографического дивиденда, на которой находится страна, и в соответствии с этим должна осуществляться рациональная территориальная организация и размещение производительных сил.

Первый демографический дивиденд представляет собой период ускоренного экономического роста, возникающий при снижении уровня рождаемости, что приводит к увеличению доли трудоспособного населения по отношению к детям и пожилым. Данный процесс, продолжающийся на протяжении нескольких десятилетий, создаёт условия для роста доходов на душу населения, формирования более высоких сбережений и увеличения инвестиций в человеческий капитал.

После завершения периода «молодой экономики» начинается этап второго демографического дивиденда. Он формируется тогда, когда многочисленные поколения, достигнув зрелого возраста, накапливают капитал, а затем выходят на пенсию. При наличии

в стране благоприятных условий для долгосрочных инвестиций накопленные активы продолжают функционировать в экономике через финансовые рынки.

Например, Китай и так называемые «азиатские тигры» - Южная Корея и Сингапур - в 1980-2000-х годах наиболее эффективно использовали демографический дивиденд, обеспечив экономический скачок. В настоящее время данный потенциал смещается в сторону Индия и стран Африка.

Таблица 1

Стадии демографического дивиденда и экономическая специализация стран

Страна	Стадия дивиденда	Основная специализация
Индия	Пиковая стадия	IT и услуги
Вьетнам	Активная стадия	Электроника, промышленность
Бангладеш	Активная стадия	Текстиль
Эфиопия	Начальная стадия	Аграрная промышленность
Нигерия	Активная стадия	Цифровые услуги

Расчёт демографического дивиденда представляет собой оценку того, в какой степени изменения возрастной структуры населения ускоряют экономическое развитие. В демографии и экономике применяются три основных уровня расчётов - от простейших коэффициентов до сложных моделей, позволяющих оценить вклад в валовой внутренний продукт. В качестве примера рассматривается расчёт демографического дивиденда в социальном аспекте по районам Наманганской области с целью определения его стадий.

Наиболее простым способом определить, находится ли страна на стадии демографического дивиденда, является расчёт коэффициента экономической поддержки (SR):$SR = W / P$

В данном случае:

W - численность населения трудоспособного возраста (как правило, 16–59 лет).

P - общая численность населения.

Таблица 2

Расчёт коэффициента экономической поддержки по Наманганской области и её районам

Классификатор	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Наманганская область	0,65	0,62	0,61	0,60	0,60	0,59
г. Наманган	0,63	0,60	0,59	0,58	0,58	0,57
Мингбулакский район	0,65	0,65	0,64	0,63	0,63	0,62
Касансайский район	0,65	0,62	0,61	0,60	0,59	0,59
Наманганский район	0,66	0,61	0,61	0,61	0,60	0,60
Нарынский район	0,66	0,61	0,61	0,60	0,59	0,59
Папский район	0,67	0,64	0,63	0,62	0,62	0,61
Туракурганский район	0,67	0,62	0,61	0,60	0,59	0,58
Уйчинский район	0,64	0,62	0,61	0,60	0,60	0,60
Учкурганский район	0,66	0,62	0,62	0,61	0,60	0,60
Чартакский район	0,66	0,62	0,61	0,61	0,60	0,60
Чустский район	0,67	0,63	0,62	0,61	0,60	0,60
Янгикурганский район	0,66	0,64	0,64	0,63	0,62	0,61

Примечание: если показатель SR увеличивается (то есть возрастает доля трудоспособного населения по отношению к иждивенцам), страна получает «первый демографический дивиденд».

На основе данных таблицы проведён анализ динамики коэффициента экономической поддержки (SR) по Наманганской области и её районам. Данный показатель позволяет оценить уровень демографической нагрузки и потенциал экономически активного

населения через соотношение численности трудоспособного населения к общей численности населения.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что в 2015-2024 годах в Наманганской области наблюдается поэтапная тенденция снижения показателя SR. В частности, по области данный показатель снизился с 0,65 в 2015 году до 0,59 в 2024 году. Это указывает на относительное сокращение доли трудоспособного населения в общей численности населения и, соответственно, на рост демографической нагрузки.

Аналогичная тенденция наблюдается и в разрезе территорий. В частности, в Папском, Чустском, Учкурганском и Наманганском районах коэффициент экономической поддержки сохраняется на относительно более высоком уровне, составив в 2024 году около 0,60-0,61. Это свидетельствует о сравнительно высокой доле трудоспособного населения в данных районах и наличии демографически благоприятных условий для развития экономической активности.

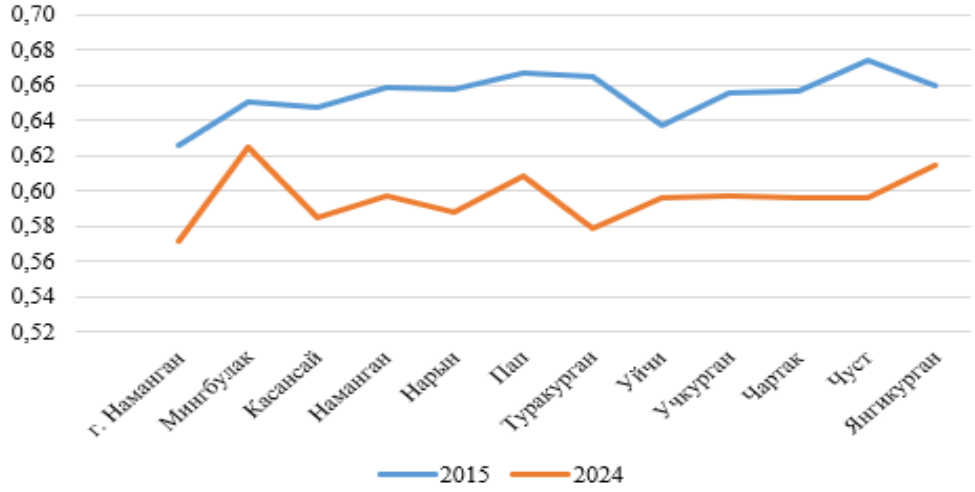

Рисунок 1. Динамика изменения коэффициента экономической поддержки по Наманганской области и её районам

С другой стороны, в городе Наманган, а также в Касансайском и Нарынском районах данный показатель зафиксирован на относительно низком уровне (в 2024 году 0,57–0,59). Это свидетельствует о более высокой демографической нагрузке в указанных территориях и о сравнительно меньшей доле экономически активного населения по сравнению с другими районами.

В целом результаты анализа показывают, что в последние годы снижение коэффициента экономической поддержки в районах области усиливает влияние демографических процессов на экономическое развитие. В этой связи при формировании региональной политики развития особое значение приобретает рациональное размещение производительных сил с учётом территориального распределения трудовых ресурсов, уровня демографической нагрузки и доли экономически активного населения.

Подводя итог, можно отметить, что в 2013–2019 годах в Наманганской области и её районах наблюдалось снижение демографической нагрузки, что формировало более благоприятные условия для использования трудовых ресурсов. Однако начиная с 2020 года коэффициент нагрузки вновь начал расти, что свидетельствует об усилении демографического давления. Среди районов более высокая нагрузка и значительная вариативность отмечаются в Янгикурганском, Наманганском и Чартакском районах, тогда как в Мингбулакском и Учкурганском районах наблюдается относительно более низкий уровень демографической нагрузки.

Список использованной литературы:

Bloom, D. E., Canning, D., & Sevilla, J. (2003). *The demographic dividend: A new perspective on the economic consequences of population change*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

Lee, R., & Mason, A. (2006). What is the demographic dividend? *Finance & Development*, 43(3), 16-17.

Mason, A., & Lee, R. (2011). Population aging and the generational economy: A global perspective. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

United Nations. (2022). *World Population Prospects 2022*. New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs.

Milliy statistika qo‘mitasi. (2024). Демографические и социально-экономические показатели Республики Узбекистан. Ташкент.

Особенности формирования доверия в инновационных компаниях

Фокин И.В.,
Санкт Петербургский государственный университет,

Развитие инновационных отраслей экономики в современных условиях является залогом конкурентных преимуществ на международной арене. Не сравнительные преимущества, описанные еще Д. Рикардо, а именно ориентация на инновации в долгосрочной перспективе обеспечивает достижения в экономике [1]. Принимая во внимание концепцию «укорененности» экономических отношений в социальной структуре и социальных связях [2], возникает понимание, что требуется разработка не только сугубо экономических, но и социологических подходов к исследованию инноваций и инновационного поведения в экономике.

Одной из значимых тем исследования экономического поведения является тема организационного доверия. Интерес к проблеме доверия возник в социологии во-второй половине XX века. Период конца 1990-х – начало 2000-х годов ознаменовался всплеском интереса к проблематике организационного доверия, что, надо полагать, связано с активным освоением новых техник работы с персоналом в теории менеджмента в США. Для сравнения: если в период 1975-1985 таких работ было 18,7 тысяч, то в 1986-1995 – уже 29 тысяч[8], причем именно во второй период появляются качественно более значимые работы, такие как статья об интегративной модели организационного доверия Майера, Дэвиса и Шурмана [3], исследование проблематики доверия в теории организации [4], работа представителя институциональной школы экономической мысли О. Уильямсона о доверии в хозяйственных организациях [5].

Проблема исследования, на наш взгляд, состоит в том, что развитие технологий и экономики в русле инноваций, способствуют возрастанию значимости ценностей, связанных с инновационным экономическим поведением, которые, в свою очередь, находятся в противоречии с ценностями неинновационных экономических акторов. Под инновационным экономическим поведением мы понимаем поведение экономических акторов, движимое ценностями новаторства, нацеленное на удовлетворение потребностей, связанных с применением инновационных товаров, услуг и технологий.

Противоречие, являющееся ядром проблемы, может проявляться в нескольких явлениях, таких как дифференциация в ценностях сотрудников инновационных и неинновационных компаний, различия в факторах доверия в инновационной и неинновационной организационной среде, сложность реализации инновационных проектов ввиду недостатка понимания ценностных оснований доверия, которые выступают мотивационным механизмом для достижения экономических целей.

Новизна научного исследования состоит:

- в концептуализации доверия в хозяйственных организациях инновационного и традиционного типов;

[8] Согласно данным запросов в Google Scholar по теме «Organizational Trust».

- систематизации знания об особенностях протекания деятельности в инновационных и неинновационных компаниях с точки зрения экономической социологии и социологии организаций;

- в разработке методики количественной и качественной оценки доверия и его ценностных оснований в инновационных компаниях.

Таким образом, диссертационное исследование позволяет пролить свет на проблему доверия в хозяйственных организациях, где инновационная деятельность является главенствующей. Этой проблеме не уделялось достаточно внимания, поскольку большая часть исследований доверия в организациях фокусируются на роли организационного доверия в минимизации издержек на инструменты контроля или на осуществление транзакций. В контексте инновационного экономического поведения данные социально-экономические аспекты функционирования хозяйственной организации вторичны и фокусировка внимания на них не позволяет учесть специфические характеристики доверия и ценностей, лежащих в его основе, формирующихся в инновационной хозяйственной среде.

Список источников:

1. Yurko I., Riabtsev D. The role of investment, innovation and efficient use of resources in ensuring long-term economic sustainability //Law, Business and Sustainability Herald. – 2024. – Т. 4. – №. 1. – С. 4-20.

2. Granovetter M. Economic action and social structure: The problem of embeddedness //American journal of sociology. – 1985. – Т. 91. – №. 3. – С. 481-510.

3. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust //Academy of management review. – 1995. – Т. 20. – №. 3. – С. 709-734.

4. Hosmer L. T. Trust: The connecting link between organizational theory and philosophical ethics //Academy of management Review. – 1995. – Т. 20. – №. 2. – С. 379-403.

5. Williamson O. E. Calculativeness, trust, and economic organization //The journal of law and economics. – 1993. – Т. 36. – №. 1, Part 2. – С. 453-486.

В развитии национальной экономики важную роль играют международные связи

Хайитова Ф.Б.
Докторант
Научно-исследовательский центр "научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана" при ТГЭУ

Как и все развитые и развивающиеся крупные государства, Узбекистан вносит свой вклад в мировую экономику. Под вкладом в мировую экономику понимается не только реализация экспортной продукции, но и импорт товаров. Безусловно, превышение объёма экспорта над импортом приносит экономике страны положительный эффект. Однако с другой стороны, чрезмерная ориентация внутреннего производства на внешние рынки может оказывать негативное влияние на внутренний рынок государства. Поэтому в экономиках многих стран наблюдается ситуация, когда в одни периоды объём импорта превышает экспорт, а в другие — наоборот. Под внешней торговлей понимается совокупный объём экспорта и импорта. На современном этапе одним из приоритетных направлений международных отношений Нового Узбекистана является развитие и укрепление всестороннего сотрудничества с государствами региона. Это, в свою очередь, способствует обеспечению мира, политической и экономической стабильности и благополучия в Центральной Азии. Кроме того, страна активно и последовательно развивает отношения с государствами Запада, Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной и Южной Азии, стремясь наполнить их качественно новым содержанием. За последние годы внешнеторговый оборот государства значительно увеличился. Одной из основных причин этого является политика, направленная на диверсификацию

внешнеэкономических связей и установление сотрудничества с новыми рынками. В 2023 году общий объём внешнеторгового оборота превысил 50 млрд долларов США. При этом экспорт составил 19,3 млрд долларов США, импорт — 30,7 млрд долларов США, а сальдо торгового баланса сложилось отрицательным и достигло 11,4 млрд долларов США.

Наша страна 21 декабря 1991 года присоединилась к числу государств-участников Содружество Независимых Государств, а спустя год — 2 марта 1992 года — Узбекистан официально стал членом Организация Объединённых Наций.

Кроме того, можно привести следующие примеры:

- Всемирная торговая организация (21 декабря 1991 года)
- ECOSAN (20 сентября 1993 года)
- Азиатская парламентская ассамблея (2006 год)
- Интерпол (1994 год)
- МАГАТЭ (21 января 1994 года)
- ЮНЕСКО (26 октября 1993 года)
- ЮНИДО (1992 год)
- ОПЕК (30 ноября 2017 года, в качестве наблюдателя)

Узбекистан является полноправным членом более чем 50 авторитетных международных организаций.

В последние годы Узбекистан продолжает развивать многосторонние договорные отношения и сотрудничество со странами Содружество Независимых Государств. Следует отметить, что укрепление такого сотрудничества обусловлено не только территориальной близостью и экономической взаимосвязанностью стран Содружества, но и глубокими историческими корнями, региональными связями, а также многовековой дружбой народов. Кроме того, за последние годы Узбекистан подписал более 40 многосторонних соглашений и присоединился к 23 органам организации. Впервые страна также председательствовала в рамках СНГ.

Согласно статистическим данным, внешнеторговый оборот Узбекистан со странами Содружество Независимых Государств в 2024 году составил 8,8 млрд долларов США, из которых 32,9% приходится на государства СНГ. Данный показатель на 4,9% выше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В рассматриваемый период 32,9% внешнеторгового оборота Узбекистана пришлось на страны СНГ, при этом экспорт составил 3,1 млрд долларов США, а импорт — 5,7 млрд долларов США. Это свидетельствует о высокой активности внешнеторговых связей страны с данным регионом. Одним из основных торговых партнёров Узбекистана является Российская Федерация. На её долю приходится наибольший объём торговли среди стран СНГ. Общий товарооборот с Россией составил 4 млрд 782 млн долларов США, что эквивалентно 55% от общего объёма торговли со странами СНГ. Экспорт в Россию достиг 1 млрд 354,3 млн долларов США, тогда как импорт составил 3 млрд 427,7 млн долларов США. Значительный объём торговых операций с Россией обусловлен глубиной экономического сотрудничества между двумя странами, а также широкими возможностями взаимодействия в различных отраслях экономики.

Одним из следующих крупных торговых партнёров Узбекистан является Казахстан, с которым товарооборот составил 1 млрд 581,6 млн долларов США. Данные показатели свидетельствуют о значимости ежегодного объёма торговли с Казахстаном. Через Казахстан Узбекистан также осуществляет торговые связи с другими странами, что дополнительно способствует росту взаимного товарооборота. Туркменистан также входит в число основных торговых партнёров страны, при этом объём торговли с ним составил 455,5 млн долларов США. Это демонстрирует наличие устойчивых торговых связей с одним из ключевых партнёров в Центральной Азии. Туркменистан является важным поставщиком нефти и газа для Узбекистана. Четвёртым по величине торговым партнёром является Кыргызстан, с которым товарооборот достиг 294,3 млн долларов США. В последние годы торгово-экономические связи между Узбекистаном и Кыргызстаном

динамично развиваются, способствуя укреплению двустороннего сотрудничества. Кроме того, Узбекистан активно развивает торговые отношения с Беларусь. Объём товарооборота с данной страной составил 265,2 млн долларов США. Расширение торговых связей с Беларусью способствует дальнейшему укреплению экономического сотрудничества и открывает новые возможности для освоения рынков.

Рост внешнеторгового оборота Узбекистан со странами Содружество Независимых Государств является важным фактором экономического развития страны и расширения её выхода на глобальные рынки. Укрепление устойчивых торговых связей со странами СНГ, развитие экономического сотрудничества и совершенствование транспортной инфраструктуры позволяют Узбекистану занять прочные позиции на международной торговой арене. В то же время дальнейшее развитие существующих торговых отношений и поиск новых возможностей имеют важное значение для экономики страны.

Узбекистан активно участвует в деятельности международных организаций, в частности Организация Объединённых Наций, Шанхайская организация сотрудничества и Содружество Независимых Государств, играя важную роль в обеспечении региональной безопасности, стабильности и решении экологических проблем. Экономическая и инвестиционная политика страны направлена на диверсификацию внешнеторговых связей, привлечение иностранных инвестиций и установление сотрудничества с новыми рынками. В частности, участие в проектах в рамках инициативы Один пояс — один путь Китая, развитие торговых соглашений с Европейский союз, а также успехи в сфере туризма способствуют укреплению экономической устойчивости страны.

В сфере культуры и гуманитарных отношений Новый Узбекистан активно продвигает своё богатое историческое и культурное наследие на международной арене, добиваясь значительных успехов в развитии связей с тюркскими государствами, а также повышении своего авторитета в исламском мире. Таким образом, роль Нового Узбекистана в международных отношениях усиливается, а достижения страны в политической, экономической и культурной сферах оказывают заметное влияние не только на Центральную Азию, но и на глобальном уровне. Это, в свою очередь, способствует укреплению авторитета Нового Узбекистан на международной арене. Подводя итог, за последние годы страна активно развивает международные отношения и проводит динамичную внешнеэкономическую политику. В январе–июле 2024 года общий объём внешнеторгового оборота республики достиг 36,8 млрд долларов США, при этом экспорт составил 14,8 млрд долларов США, а импорт — 22,0 млрд долларов США, увеличившись на 10,1%. Рост объёма импорта по сравнению с экспортом свидетельствует о том, что ресурсы поступают в страну с большей пользой для экономики. Кроме того, согласно общим данным, объём внешней торговли Узбекистан с государствами Центральной Азии достиг 3,8 млрд долларов США, что составляет 10,4% от общего объёма внешней торговли. Из этой суммы экспорт составил 1,4 млрд долларов США, а импорт — 2,4 млрд долларов США. Наибольшая доля торговли в рамках региона приходится на Казахстан — 60%, остальная часть распределяется следующим образом: Туркменистан — 19%, Кыргызстан — 11%, и Таджикистан — 10%.

Таблица 1

Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан в 2024 году

Показатель	Сумма (млрд USD)
Общий внешний торговый оборот	65,9
Экспорт	26,95
Импорт	38,98
Внешнеторговый оборот со странами СНГ	23,12
Экспорт в СНГ	9,06
Импорт из СНГ	14,05

Согласно представленным данным, общий внешний торговый оборот Узбекистан за 2024 год составил 65,9 млрд долларов США, при этом объём экспорта составил 26,95 млрд

долларов США, а импорт — 38,98 млрд долларов США. Разница между импортом и экспортом свидетельствует о формировании отрицательного торгового баланса, что указывает на активное поступление товаров и ресурсов в страну. Особое внимание заслуживает внешнеторговый оборот со странами Содружество Независимых Государств, который достиг 23,12 млрд долларов США, что составляет значительную долю — примерно 35% от общего объёма внешней торговли. Экспорт в страны СНГ составил 9,06 млрд долларов США, а импорт из СНГ — 14,05 млрд долларов США. Рост внешнеторгового оборота с государствами СНГ отражает стратегическое значение региона для экономики страны, способствует диверсификации экспортных и импортных потоков и укрепляет позиции Узбекистан на международной торговой арене. Важно отметить, что увеличение импорта по сравнению с экспортом не обязательно является отрицательным фактором, так как импорт включает в себя ресурсы и технологии, способствующие развитию национальной экономики и повышению производственного потенциала страны. Таким образом, анализ данных за январь–июль 2024 года показывает, что Узбекистан активно развивает торговые связи как на региональном уровне, так и на глобальном, укрепляя свои позиции в международной экономике и обеспечивая устойчивый экономический рост.

В качестве заключения следует отметить, что современные тенденции развития внешнеэкономических связей Узбекистан стремительно усиливаются как на глобальном, так и на региональном уровнях. Эти тенденции имеют ключевое значение для укрепления экономических связей, стимулирования торговли и инвестиций, а также обеспечения устойчивого развития. Узбекистан активно развивает экономическую интеграцию с государствами Центральной Азии и рядом развитых зарубежных стран, расширяя торговые отношения. Это, в свою очередь, способствует не только повышению международного авторитета страны, но и превращению Центральной Азии в устойчивое пространство для сотрудничества с широкими возможностями. Важным политическим документом для страны является проект Конституции, который предусматривает последовательное проведение взаимовыгодной, открытой и прагматичной внешней политики, обеспечение мира, стабильности и безопасной среды вокруг страны, укрепление добрососедских и взаимовыгодных отношений с государствами региона, активное продвижение национальных интересов в рамках партнерских стран и международных организаций, а также создание прочной основы для включения Узбекистана в число развитых стран.

Список использованной литературы:

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. «О стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы», PF–60.
2. Stiglitz, J.E. *Globalization and Its Discontents*. New York: W.W. Norton & Company, 2002.
3. Shadieva, G.M., Sharipov, T.S., Sultonov, Sh.A., Artikov, Z.S., Maxmudov, L.U., Khazratov, A.P., Musinov, D.S. *Региональная экономика: учебное пособие*. Самарканд, 2023.
4. Информационно-статистический бюллетень внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан, 2023.
5. Nazarova, G.G., Iminov, Z.M., Khalilov, Kh.Kh., Hamidov, O.B. *Мировая экономика и международные экономические отношения: учебное пособие*. Ташкент, 2011.

Ценностные ориентации молодых предпринимателей в цифровой среде: анализ терминальных установок в сфере IT-предпринимательства

Чупраков А.А.
Санкт-Петербургский государственный университет

В условиях стремительного развития цифровой экономики и расширения возможностей предпринимательской деятельности в социальных сетях особую

актуальность приобретает изучение ценностных ориентаций молодых предпринимателей. Терминальные ценности, отражающие конечные цели деятельности, позволяют выявить глубинные мотивационные установки субъектов предпринимательства и определить, какие именно ориентиры лежат в основе их экономического поведения. В рамках проведённого исследования был осуществлён анализ терминальных ценностей, ранжированных респондентами по степени значимости (от 1 - наиболее значимо до 16 - наименее значимо). Особое внимание в данном эссе уделяется группе действующих предпринимателей как наиболее релевантной категории, отражающей реальные, а не декларативные установки.

Структура приоритетов: доминирующие ценности. Анализ показателей демонстрирует чётко выраженную иерархию ценностей у предпринимателей, что принципиально отличает их от других групп. Наиболее значимыми (наименьшие значения) являются: самореализация в цифровой среде - 4, воплощение собственных идей - 4,3, цифровая финансовая независимость - 3, свобода от места и времени работы - 3,7. Указанные значения формируют ядро мотивационной структуры. Наиболее низкое значение имеет именно финансовая независимость (3), что позволяет сделать вывод о её ключевой роли. При этом близкие показатели свободы (3,7) и самореализации (4) указывают на то, что предпринимательская деятельность воспринимается не только как источник дохода, но и как способ контроля над собственной жизнью и реализации личного потенциала. Важно отметить, что данные ценности образуют логически взаимосвязанную систему: финансовая независимость обеспечивает свободу, а свобода, в свою очередь, создаёт условия для самореализации и воплощения идей. К категории умеренно значимых относятся ценности, имеющие показатели в диапазоне примерно от 6 до 9: реализация собственного продукта - 6, содействие самореализации других -9, модернизация бизнес-моделей - 7,9.

Здесь наблюдается интересная закономерность: предприниматели придают определённое значение практическим аспектам деятельности (например, реализации продукта - 6). Это свидетельствует о том, что предпринимательская деятельность воспринимается преимущественно как индивидуальный процесс, а не как инструмент влияния на общество. Наиболее высокие значения (минимальная значимость) демонстрируют следующие показатели: повышение престижа государственного мессенджера - 13,9, помощь в развитии государственных платформ - 13,6, создание патриотического контента - 13, внедрение искусственного интеллекта - 9 (умеренно низкий приоритет). Особенно показателен высокий уровень значений, связанных с государственными и идеологическими установками (13,6–13,9). Это указывает на практически полное отсутствие ориентации предпринимателей на институциональные цели. Также обращает на себя внимание относительно невысокая значимость инновационных технологических аспектов (например, внедрение ИИ - 9), что свидетельствует о прагматичном отношении к технологиям: они рассматриваются не как ценность сами по себе, а как инструмент, значимость которого определяется практической пользой.

Полученные данные позволяют выделить несколько ключевых характеристик ценностной модели предпринимателей в сфере цифровой экономики. Во-первых, наблюдается ярко выраженная ориентация на индивидуальные цели. Финансовая независимость (3), свобода (3,7) и самореализация (4) формируют устойчивое ядро мотивации, в котором отсутствуют внешние ориентиры, связанные с государством или обществом. Во-вторых, ценности, связанные с развитием системы (государственные платформы, патриотический контент), занимают периферийное положение (13–14), что свидетельствует о низком уровне институциональной вовлечённости. В-третьих, предприниматели демонстрируют прагматическое отношение к бизнесу: значимость имеют только те цели, которые непосредственно связаны с личной выгодой и контролем над деятельностью.

На основании анализа терминальных ценностей можно сделать следующие выводs: Центральной ценностью молодых предпринимателей в цифровой среде является

финансовая независимость (3), которая выступает базовым мотивом предпринимательской активности. Важнейшими сопутствующими ценностями являются свобода (3,7) и самореализация (4), формирующие личностно-ориентированную модель предпринимательства. Реализация идей (4,3) подтверждает креативный характер предпринимательской деятельности, однако она уступает по значимости экономическим и жизненным аспектам. Ценности, связанные с масштабированием, социальной миссией и институциональным развитием (11–14), имеют низкую значимость, что указывает на индивидуалистический характер предпринимательской мотивации. Технологические и инновационные аспекты не являются самоцелью и оцениваются умеренно (около 9), что свидетельствует о их инструментальном восприятии. Таким образом, можно заключить, что современное молодёжное предпринимательство в сфере IT и социальных сетей формируется на основе прагматичной, индивидуалистической системы ценностей, в которой приоритет отдается финансовой независимости, свободе и самореализации, тогда как общественные, государственные и даже стратегические бизнес-ориентиры занимают второстепенное положение.

Формирование цифровых компетенций у студентов экономических направлений в интересах промышленного развития

Элдорбеков Г.И.
Ташкентский государственный экономический университет, ассистент кафедры «Зеленая» экономика

В современных условиях цифровая трансформация высшего образования перестала быть исключительно техническим процессом и всё в большей степени приобретает стратегический, социальный и профессиональный характер. Если ранее внедрение цифровых решений в университетах рассматривалось главным образом как средство совершенствования организации учебного процесса, то сегодня оно воспринимается значительно шире — как фактор обновления содержания образования, методов обучения и подходов к подготовке будущих специалистов. В документах Европейской комиссии подчёркивается, что цифровое образование должно быть качественным, инклюзивным и доступным, а образовательные системы — адаптированными к требованиям цифровой эпохи [European Commission, 2021].

Особую значимость данная тенденция приобретает в подготовке студентов экономических направлений, поскольку именно они в дальнейшем будут участвовать в анализе производственных процессов, оценке инвестиций, управлении издержками и разработке решений, влияющих на конкурентоспособность предприятий. В этой связи цифровизация высшего образования должна рассматриваться не только как внедрение новых платформ и сервисов, но и как более глубокое изменение университетской среды. UNESCO отмечает, что цифровая трансформация позволяет интегрировать цифровые технологии в управление и реализацию программ высшего образования, а также требует переосмысления качества и организации обучения [UNESCO, 2025]. Современное промышленное развитие всё в большей степени определяется не только модернизацией оборудования и внедрением новых технологий, но и качеством подготовки специалистов, способных эффективно действовать в цифровой экономике. Промышленности необходимы не только инженеры и технические работники, но и экономисты, аналитики и управленцы, умеющие работать с данными, оценивать результативность цифровых решений и учитывать экономические последствия технологических изменений. OECD подчёркивает, что современное образование должно формировать у обучающихся не только знания и навыки, но и установки, ценности, самостоятельность и способность действовать в сложной и быстро меняющейся среде [OECD, 2025]. Для студентов, ориентированных на будущую деятельность в промышленной сфере, цифровые компетенции приобретают прикладное

значение. Они включают умение анализировать производственные показатели, оценивать эффективность технологических нововведений, работать с цифровыми инструментами планирования и принимать решения на основе данных. Всемирный банк в докладе о меняющемся характере труда показывает, что технологический прогресс трансформирует способы организации работы и повышает значение навыков решения проблем, адаптации и освоения новых форм деятельности [World Bank, 2019].

Таблица 1

Основные цифровые компетенции студентов экономических направлений в интересах промышленного развития

Направление подготовки	Значение для студентов-экономистов	Значение для промышленного развития
Работа с цифровыми данными	Повышает качество анализа и обоснованность решений	Улучшает планирование и оценку эффективности производства
Аналитическое мышление	Позволяет интерпретировать показатели и прогнозировать результаты	Способствует росту производительности и снижению издержек
Цифровые инструменты управления	Формирует навыки работы в современной экономической среде	Поддерживает цифровую трансформацию предприятий
Непрерывное обучение	Помогает адаптироваться к изменениям рынка труда	Обеспечивает кадровую устойчивость промышленности

Представленные в таблице компетенции показывают, что цифровизация высшего образования имеет значение не только для повышения качества обучения, но и для подготовки кадров, способных работать в условиях современного промышленного развития.

Вместе с тем цифровизация образования не должна сводиться только к технологическому обновлению учебного процесса. Она имеет и социальное, и профессионально-этическое измерение, поскольку использование цифровых ресурсов требует ответственного отношения к информации, соблюдения принципов академической добросовестности и готовности к постоянному обновлению знаний. Международная организация труда подчёркивает, что обучение на протяжении всей жизни становится необходимым условием адаптации к цифровым и структурным изменениям в экономике и занятости [ILO, 2023]. Не менее важно и то, что промышленное развитие всё теснее связывается с подготовкой кадров, способных работать в условиях будущей индустриализации. UNIDO в материалах по Industrial Development Report 2026 указывает на необходимость формирования future-ready industries, то есть отраслей, готовых к технологическим, организационным и экологическим изменениям. В этих условиях высшее образование должно обеспечивать подготовку специалистов, которые способны соединять экономические знания, цифровые навыки и понимание логики промышленного развития [UNIDO, 2025].

Таким образом, формирование цифровых компетенций у студентов экономических направлений становится одним из ключевых условий подготовки специалистов, востребованных в современной промышленной экономике. В условиях цифровой трансформации производства и изменения характера труда университет должен обеспечивать не только передачу профессиональных знаний, но и развитие навыков анализа, работы с цифровыми инструментами, ответственного принятия решений и адаптации к новым требованиям рынка. Именно такой подход позволяет связать задачи высшего образования с потребностями промышленного развития и сделать подготовку выпускников более современной, практико-ориентированной и соответствующей долгосрочным экономическим вызовам.

Литература:

1. European Commission. *Digital Education Action Plan 2021–2027*. Brussels: European Commission, 2021.
2. UNESCO. *Putting Digital Transformation at the Heart of Higher Education Systems*. Paris: UNESCO, 2025.
3. OECD. *Future of Education and Skills 2030/2040*. Paris: OECD, 2025.
4. World Bank. *World Development Report 2019: The Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank, 2019.
5. ILO. *The ILO Strategy on Skills and Lifelong Learning 2030*. Geneva: International Labour Organization, 2023.
6. UNIDO. *Industrial Development Report 2026: The Future of Industrialization: Building Future-ready Industries for Sustainable Development*. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2025.

Социологическое исследование алгоритмического неравенства: научная новизна

Эсселевич Э.А., Дерюгин П. П.
Санкт Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

В современном российском обществе алгоритмизация социальных и профессиональных практик ведет к трансформации структуры социального неравенства. Участие алгоритмов в различных социальных процессах становится повседневностью. При этом возникают противоречия: с одной стороны, алгоритмы применяются при решении задач в различных областях для повышения эффективности и точности, и в целом, их создание планировалось на благо человечества. С другой стороны, работа алгоритмических технологий приводит к негативным социальным последствиям: усугубление различных форм неравенства, воспроизводству системной дискриминации, созданию информационных барьеров. Обобщая, данное явление можно охарактеризовать как алгоритмическое неравенство. Ниже представлены основные положения научной новизны, которые мы получили в ходе социологического исследования алгоритмического неравенства в рамках диссертационной работы.

Во-первых, впервые через системный подход обозначен контур исследования новейшего типа социального неравенства – алгоритмического неравенства, который посредством технологии алгоритмов и ИИ категорически меняет характер общественной жизни. Было установлено, что с точки зрения генетической природы данная форма может рассматриваться как четвертая стадия эволюции цифрового неравенства. Если первая стадия выражается в доступе к информационным технологиям, вторая в различиях в навыках, а третья – в неравных целях, возможностях и качестве использования технологий, то четвертый уровень, который также называют алгоритмическим разрывом, проявляется в неравеномерном понимании, доступе и навыках применения алгоритмических систем [gran]. Более того, мы показали связь с алгоритмического неравенства с традиционными типами неравенства в социальной реальности и новыми типами неравенства, характерными для общества дополненной современности. Из этой связи вытекают такие социальные последствия, как: закрепление различий в доступе, усиление дискриминации, разделение общества через ранжирование, неравномерное распределение вычислительных мощностей,

необходимых для получения благ, а также ограничение получаемой информации для различных социальных групп и ускорение или замедление процессов [Rob]. Наконец была разработана модель иерархии участников алгоритмизации по степени вовлеченности в исполнение специфических функций. В этой системе наивысшее положение занимают «заказчики» – они обладают материальными срдствами, достаточными для того, чтобы запрашивать разработку алгоритмов и устанавливать правила. Следующая ступень, «Разработчики», непосредственно занимается созданием технологии, но не обладает правами на неё. «Исполнители и реализаторы», отчаются тем, что эффективно используют потенциал алгоритмов, в то время как «Пользователи», являющиеся самой зависимой и уязвимой группой, взаимодействуют с алгоритмами в рамках потребляемых продуктов.

Во-вторых, посредством анализа источников и литературы построена уникальная концептуальная модель исследования алгоритмического неравенства как нового типа социальной дифференциации. Содержание модели следующее: описание проблематики определение основных технологий, механизмов, средств формирования искусственной социальности, а также протекания алгоритмизации и последствий их существования; анализ основных направлений исследований алгоритмизированного общества, а также методологические инновации, представленные в этих исследованиях. Таким образом, благодаря тому, что данная модель включает в себя совокупность направлений и тем изучения алгоритмизации общества, она может стать полезном инструментом при создании программы собственного социологического исследования, не только в нашем случае, но и для будущих исследований других социологов.

В-третьих, предложена новая типология механизмов воспроизводства и усиления алгоритмического неравенства, углубления разрыва между социально-профессиональными группами общества. Для каждого типа подобрана теоретическая рамка исследования, описаны основные характеристики, пути проявления, собраны конкретные примеры, изучена связь с различными типами социального неравенства и выявлены социальные последствия существования рассматриваемого механизма в обществе. К основным механизмам мы отнесли: таргетинг, алгоритмическое ранжирование и рейтинговые системы, алгоритмическая дискриминация и предвзятость, неравная алгоритмическая осведомленность, автоматизированный контроль и управление, непрозрачность и неподотчетность. Выявлены социальных последствия, функционирования данных механизмов, такие как: формирования информационных «пузырей», воспроизводство системной дискриминации, трансформация труда и занятости, отсутствие ответственности за ошибки, усиление традиционных форм неравенства.

В-четвертых, разработаны четыре модели когнитивного осознания социальных последствий алгоритмического неравенства в обществе в зависимости от алгоритмической осведомленности и технологической включенности: модель социотехнического проникновения (высокие осведомленность и включенность; характеризуется осознанием единства социального и технического), асимметричная социоцентричная модель (высокая осведомленность, низкая включенность; осознание взаимодействия с ИИ как сложного, рекурсивного и принципиально неравного диалога), ассиметрично техноцентричная модель (низкая осведомленность, высокая включеность; первичность технологии алгоритмов, признание ИИ инфраструктурой, организующей познание), модель отчужденного алгоритмического сознания (низкие осведомленность и включенность; интерпретация поведения ИИ как имитация без понимания).

Наконец, сложившийся подход к выявлению новых форм солидарности в условиях дополненной современности был расширен благодаря моделям, разработанным в рамках изучения алгоритмизации и алгоритмического неравенства. Таким образом, классические органическая и механическая солидарность были дополнены тремя новыми формами, характерными для общества дополненной реальности: коммуникативной (демонстрация единства в сети посредством функционала социальных платформ), транзитной (объединение людей вокруг события или эмоции), потоковой (передача ценностей через

повторяющие взаимодействия). Таким образом, складываются две группы пользователей по восприятию алгоритмизации: социальные реалисты и цифровые авангардисты. Первые предпочитают ценности, связанные с традиционной солидарностью, вторые - с цифровой.

Таким образом, диссертационное исследование вносит вклад в развитие цифровой социологии и социологии неравенства, предлагая целостную концептуальную рамку анализа алгоритмического неравенства, его механизмов, уровней проявления и социальных последствий. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных моделей и типологий для дальнейших эмпирических исследований, разработки мер по снижению социальной напряженности между социально-профессиональными группами и формирования более справедливых подходов к внедрению алгоритмических и интеллектуальных систем в общественные процессы.

Список источников:

1. Gran A.-B., Booth P., Bucher T. To be or not to be algorithm aware: question of a new digital divide? // Information, Communication & Society, 2021. Vol. 24, no 12. P. 1779-1796

2. Rob K., Dodge M. Code/Space: Software and Everyday Life. Cambridge, MA: The MIT Press, 2011. 305 pp.

Пилотажное исследование образовательной мобильности китайских студентов: опыт анализа эмпирической траектории

Юй Ян, Юй А. Н.,
Санкт-Петербургский государственный университет,

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

В современных исследованиях образовательная мобильность преимущественно анализируется через институциональные условия, экономические факторы или индивидуальные мотивации [1]. В рамках подобных подходов мобильность фиксируется либо как факт перемещения, либо как результат рационального выбора. Однако подобная перспектива недостаточно объясняет, почему студенты, находящиеся в сходных институциональных условиях, реализуют принципиально различные образовательные траектории. В настоящем исследовании предлагается рассматривать образовательную мобильность как совокупность эмпирически наблюдаемых образовательных траекторий, за которыми стоят более устойчивые ценностные структуры [2]. Соответственно, основной задачей становится выявление того, каким образом ценностные ориентации китайских студентов определяют формы их образовательной мобильности в российских университетах.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе пилотажного этапа, проведённого среди китайских студентов в российских университетах (СПБГУ и ИГУ), включающего анкетирование и элементы полуструктурированных интервью. В результате были зафиксированы более двухсот вариантов образовательных траекторий, отражающих реальные способы организации обучения, переходы между образовательными программами, изменения образовательных планов, а также сочетание обучения с другими видами деятельности. Данные траектории изначально представлены в виде разрозненных эмпирических описаний и не обладают статусом аналитических категорий, что требует их дальнейшей систематизации.

Для обеспечения аналитической сопоставимости эмпирический материал подвергается предварительной обработке. На первом этапе осуществляется унификация и очистка данных: повторяющиеся или близкие по смыслу траектории объединяются, формулировки приводятся к единому виду, что позволяет сформировать согласованный

массив наблюдаемых образовательных путей. Далее каждая траектория рассматривается как совокупность элементарных смысловых компонентов, что позволяет выделить повторяющиеся характеристики поведения, такие как ориентация на получение диплома, ориентация на трудоустройство, смена образовательной программы, прерывание и возобновление обучения, использование сетевых ресурсов, совмещение обучения и работы и другие.

Выделенные элементы не используются изолированно, а группируются в более общие аналитические измерения. В результате обработки формируются три уровня анализа. Первый уровень связан с ценностными ориентациями и отражает смысловые основания образовательной мобильности, включая образовательные, профессиональные, статусные и иные ориентации. Второй уровень фиксирует формы образовательных траекторий, то есть способы организации движения в образовательном пространстве (например, последовательное обучение, прерывистые траектории, переходы между программами и странами). Третий уровень отражает способы реализации мобильности, включая использование институциональных возможностей, сетевых ресурсов и индивидуальных стратегий. Принципиально важно, что данные уровни не смешиваются: ценности рассматриваются как объяснительное основание, тогда как траектории и способы их реализации выступают как эмпирические проявления.

Центральное место в исследовании занимает операционализация ценностных ориентаций. На основе результатов пилотажного этапа формируется система показателей, включающая несколько групп ценностей: образовательные ценности (значимость знаний и диплома), профессиональные ценности (ориентация на карьеру и доход), статусные ценности (социальное признание), ценности стабильности (предсказуемость и безопасность) и ценности развития (самореализация и личностный рост). Для измерения данных ориентаций используется шкала Лайкерта, что позволяет получить количественные оценки и сформировать интегральные показатели для каждого респондента. Таким образом, ценностные структуры становятся операционализируемыми и сопоставимыми.

После формирования количественных показателей осуществляется сопоставление ценностного уровня с уровнем образовательных траекторий. Для этого данные о ценностях соотносятся с зафиксированными формами образовательной мобильности, что позволяет выявить устойчивые зависимости между определёнными ценностными конфигурациями и типичными способами организации образовательного движения. Анализ проводится с использованием методов описательной статистики, корреляционного анализа и кластеризации, что позволяет выявить взаимосвязи между ценностными ориентациями, а также их связь с эмпирическими формами образовательной мобильности [3].

Пилотажный этап выявил также существенное методологическое ограничение: первоначальная попытка классификации образовательных траекторий была основана на неоднородных критериях, включающих цели, формы и способы реализации мобильности, что приводило к пересечению категорий и снижению их аналитической чёткости. В рамках настоящего исследования данное ограничение преодолевается за счёт переноса аналитического центра с классификации траекторий на анализ ценностных структур. Тем самым обеспечивается согласованность между теоретическим и эмпирическим уровнями исследования: ценности выступают как основное объяснительное основание, а образовательные траектории — как их наблюдаемое выражение.

Предложенный методологический подход позволяет перейти от описания множества разрозненных образовательных путей к их структурному объяснению. Он обеспечивает возможность анализа образовательной мобильности как ценностно обусловленного процесса, в котором различия в поведении студентов интерпретируются через различия в их ценностных ориентациях. Это, в свою очередь, позволяет более точно объяснить вариативность образовательных траекторий китайских студентов в российских университетах и уточнить механизмы формирования образовательной мобильности в транснациональном контексте.

Таким образом, образовательная мобильность рассматривается не как совокупность отдельных случаев, а как системно организованный процесс, в котором эмпирически наблюдаемые траектории выступают формой проявления глубинных ценностных структур [4]. Такой подход создаёт основу для дальнейшего эмпирического анализа и теоретического обобщения, направленного на выявление ценностных оснований образовательной мобильности.

Список источников:

1. Садретдинов, С. С. Академическая мобильность в образовательном процессе / С. С. Садретдинов, Г. Ю. Колчина // Kazakhstan Science Journal. – 2019. – Т. 2, № 3(4). – С. 77-80. – EDN VXIGVA.

2. Куражев, С. Д. Стратегии социальной мобильности российских ИТ-специалистов в кризисном обществе (итоги пилотажного исследования) / С. Д. Куражев, А. Г. Маранчак, П. П. Дерюгин // Информация–Коммуникация–Общество. – 2023. – Т. 1. – С. 178-182. – EDN MJTJFE.

3. Диагностика связанности структур дополненной социальности: пилотаж сетевой методики / П. П. Дерюгин, О. В. Кузнецова, С. Д. Куражев [и др.] // VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 01–03 октября 2024 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024. – С. 25-31. – EDN JSEVAY.

4. Ценностно-целевая рефлексия как основание диагностики организационной культуры в стратегии сетевого подхода / П. П. Дерюгин, А. С. Шиляева, М. В. Сивоконь, С. В. Рассказов // Дискурс. – 2016. – № 3. – С. 99-110. – EDN WDCMPF.

5. Куражев, С. Д. Профессиональная мобильность ИТ-специалистов в современной России / С. Д. Куражев // Информация–Коммуникация–Общество. – 2024. – Т. 1. – С. 213-217. – EDN GXPQDH.

Совершенствование системы повышения квалификации кадров на предприятиях Узбекистана

Ярашова В.К.
DSc, профессор Ташкентского государственного экономического университета

В настоящее время главной целью любой организации является не только получение прибыли, но и достижение более долгосрочных результатов, которых можно получить при наличии хорошей, надежной команды квалифицированных работников, способных привести компанию к высоким финансово-экономическим результатам и увеличить ее конкурентоспособность. Причем персонал важно обучать не разово, а систематически, на протяжении всей их трудовой деятельности. В связи с этим образование перестает быть прерогативой только юности человека и является одной из важнейших подсистем социальной сферы государства, обеспечивающей процесс получения человеком систематизированных знаний, умений и навыков в определенной области профессиональной деятельности. Одно из первых мест в управлении трудовыми ресурсами занимает обучение персонала, поскольку без квалифицированных и профессионально подготовленных кадров организация не будет конкурентоспособной на рынке.

Чем успешнее организация и чем более продвинутое руководство в компании, тем основательней она подходит к данной проблеме, тем активнее развивает систему обучения и развития своих сотрудников. Ведущие специалисты в области образования утверждают, что в настоящее время преуспевать могут те сотрудники, которые непрерывно добывают новые знания. Несмотря на легкость, с которой сегодня рассуждают о системе обучения, создать и постоянно поддерживать её в рабочем состоянии очень непросто. Чтобы обучение и развитие персонала приносило свои плоды, необходима не только соответствующая

инфраструктура, но и грамотные и квалифицированные специалисты, которые участвуют в организации и осуществлении обучения внутри организации. Сегодня очень быстро изменяются как внешние условия (экономическая политика государства, законодательство и система налогообложения, появление конкуренции), так и внутренние условия функционирования организации (технологические и инновационные изменения), что ставит большинство образовательных учреждений перед необходимостью подготовки персонала к сегодняшним и завтрашним изменениям.

Законодательство в сфере повышения квалификации и переподготовки кадров регулирует непрерывное профессиональное обучение, осуществляемое в добровольном или обязательном порядке. Основные документы включают Трудовой кодекс Республики Узбекистан, Закон РУз «Об образовании» от 23.09.2020г., Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по обеспечению качества образования и совершенствованию системы оказания образовательных услуг» № УП-76, Постановление Кабинета министров РУз «О дополнительных мерах по повышению качества негосударственных образовательных услуг в республике» и другие законодательные акты, регламентирующие создание образовательных программ, сертификацию, а также финансирование обучения, в том числе через техникумы.

Бизнес без проработанных целей развития, не привлекающий новые кадры и не обучающий уже сформировавшийся коллектив, с высокой вероятностью придет к стагнации. Пассивность на конкурентном рынке не позволит сохранить стабильность, а уж тем более демонстрировать рост. Для формирования новых идей и проектов нужны большие усилия. Ключом развития компании, ее финансового успеха, а также повышения конкурентоспособности становится квалифицированный персонал, который постоянно повышает компетенцию. Но это работает только при налаженной системе обучения.

На обучение нужно выделять часть корпоративного бюджета. При хороших результатах программы доходность организации в перспективе будет только расти. Повышение квалификации дает больше роста, улучшает эффективность отдельного сотрудника.

Внедренная система корпоративного обучения позволяет:

- Повысить конкурентоспособность. Коммерческое предложение и работа с потенциальными заказчиками, отличающиеся от конкурентов, привлекут больше клиентов. Постоянная работа над повышением компетенции персонала и внедрение прогрессивных методов помогут бизнесу не устареть.
- Удержать важных сотрудников в небольшой компании. Бизнес, который не хочет масштабироваться и не предлагает сотрудникам карьерный рост, всегда будет терять квалифицированных работников. С помощью обучения и запланированных действий по улучшению личной эффективности отток кадров можно остановить.
- Не допустить профессиональный застой. Если не менять подход к работе и не учиться, сотрудник будет терять профессиональную хватку. Это плохо скажется на коллективе и всей компании.
- Экономить на работе подрядчиков. Задачи, которые не может решить организация, часто передаются на аутсорсинг. Это происходит из-за нехватки навыков у основного коллектива. Если же внедрить корпоративную систему обучения, люди смогут развить новые навыки. В будущем это снизит затраты на покупку услуг сторонних фирм.
- Формировать в сотруднике установки, отвечающие целям бизнеса. Для компании проще учить сотрудника самостоятельно. Такой подход помогает создавать правильную рабочую культуру, подготавливать работников, вовлеченных в процесс.
- Соответствовать рынку, актуализировать знания. Внедрение обучающей программы — ключевой элемент развития, например, юридической фирмы. Законодательство часто обновляется, актуализация знаний поможет бизнесу успешно выдерживать конкуренцию.

• Чтобы каждый пункт работал и приносил ощутимые дивиденды, нужно выбрать правильный вектор обучения, а также заинтересовать каждого в команде не прекращать личностный рост.

Так, например, на государственном предприятии «Навоийуран» в 2023 году было обучено 1967 сотрудников на общую сумму около 10 000 долларов США, что свидетельствует о направленности компании на обеспечение сотрудников необходимыми техническими навыками и знаниями для безопасного и эффективного управления сложными горнодобывающими и перерабатывающими предприятиями.[9]

Было бы целесообразно внедрять в отраслях экономики научные подходы к повышению квалификации кадров, основанные на компетентности. В научной литературе раскрываются такие подходы к повышению квалификации сотрудников, в основе которых лежат идеи целостности, системности – условно назовем их системные подходы. К этой группе можно отнести холистический, системно-целостный, гуманитарно-системный подходы к повышению квалификации специалистов.

Достоинствами системных подходов к повышению квалификации специалистов являются:

- целостное видение процесса повышения квалификации в контексте непрерывного профессионального образования;

- направленность процесса повышения квалификации на развитие у слушателей системного мышления.

Недостатком системных подходов выступает их оторванность от конкретных условий профессиональной деятельности специалистов, недостаточный учет современных требований к специалистам и их образовательных потребностей.

Основными условиями реализации модели системы формирования профессиональной компетентности специалистов в условиях непрерывного образования являются:

–системообразующие условия: цель совместной деятельности педагогов, работодателей и обучающихся, направленная на гармоничное развитие личности, его самоопределение и создание условий для саморазвития;

– общие условия: социальные, экономические;

– специфические условия: материальные возможности образовательных учреждений, оборудование учебно-воспитательного процесса; кадровый состав; взаимодействие научно-образовательной среды и бизнеса; характер морально-психологической атмосферы в коллективах педагогов и обучающихся;

– временные условия: взаимосвязанность периодов, обусловленных введением образовательных уровней. Каждая ступень образования решает свои, присущие ей задачи, но вся деятельности подчинена основной цели – развитию личности обучающегося.

Система подготовки и переподготовки кадров должна осуществляться в соответствии с Национальной программой по подготовке кадров и на основе современных методов обучения. В связи с этим предлагается проведение следующих мер:

- увеличение выпуска специалистов с высшим и средним транспортным образованием в соответствии с запросами отрасли;

- внедрение компетентностных методов обучения специалистов отраслей;

- повышение требований к качеству подготовки работников массовых профессий;

- обновление содержания образовательных программ и его учебно-методического обеспечения с учетом использования в обучении новейших информационных технологий, подготовки и издания современных учебников и учебных пособий, в т.ч. их электронных версий;

- укрепление и развитие материально-технической базы в высших и средних специальных учебных заведениях, учебно-курсовых комбинатах и автошколах;

[9] https://navoiyuran.uz/ru/

- внедрение дистанционных методов обучения для повышения уровня подготовки научно-педагогических кадров, с учетом современных требований по управлению в новых условиях хозяйствования;

- создание системы и обеспечение переподготовки и повышения квалификации руководителей предприятий и операторов;

- создание социально-экономических условий для закрепления кадров (повышение уровня заработной платы, обеспечение охраны труда, увеличение рабочих мест, возрождение системы социального обеспечения путевками в санатории, дома отдыха, детские лагери, установление других социальных гарантий).

Внедрение непрерывной системы обучения сотрудников должно быть направлено на повышение их текущих профессиональных навыков, а также на изучение новых. Поскольку компания вкладывает большие деньги, цель этой работы заключается в реализации стратегии организации по масштабированию компании, улучшению финансовой устойчивости и привлекательности для клиентов. Благодаря образованию персонала компания сможет найти ресурсы, чтобы успешно конкурировать на рынке.